На восьми фронтах

Павел Иванович Трояновский

SHOUT
SHARE
IT

- Трояновский Павел Иванович
  - ○

Трояновский Павел Иванович
На восьми фронтах

Трояновский Павел Иванович

На восьми фронтах

Аннотация издательства: Автор в годы войны был фронтовым корреспондентом "Красной звезды", вместе со сражающимися войсками прошел через бои в Севастополе и под Москвой, у Моздока и Новороссийска, на Курской дуге и в Белоруссии. Участвовал в освобождении от немецко-фашистских захватчиков Польши, День Победы встретил в поверженном Берлине. Обо всем увиденном и пережитом на огневых дорогах, о беспримерном мужестве советских бойцов и командиров он и рассказывает в своей книге, рассчитанной на массового читателя.

Содержание

Глава первая. Строки, опаленные войной
Глава вторая. У стен Москвы
Глава третья. На южном фланге
Глава четвертая. Начальник политотдела
Глава пятая. Курская дуга
Глава шестая. Час Белоруссии
Глава седьмая. Буг - Висла - Одер
Глава восьмая. Берлинские тетради

Глава первая. Строки, опаленные войной

Корабли уходили из Севастополя в полночь. И хотя мы очень торопились, ни "Москвы", ни "Харькова" на месте уже не застали: они ушли. Коробов был огорчен. Минуту или две он ругался, и я боялся, что вот-вот начнутся упреки в мой адрес.

Я знал, с каким трудом Коробову, корреспонденту "Правды", удалось добиться разрешения командования Черноморского флота сходить с отрядом боевых кораблей к побережью Румынии. И вдруг все сорвалось. И виновником этой его неудачи был я, задержавший наш отъезд с военного аэродрома.

Но как благороден Леонид Коробов! Ни одного слова упрека не сказал мне. А лишь, посмотрев на часы, заторопился:

- Скорее на вышку ПВО, а то и туда опоздаем!

Я был рад, что встретил в Севастополе такого замечательного товарища. Да и только ли товарища? Честно говоря, в морских делах я почти ничего тогда не смыслил. А Коробов хорошо знал и флот и город, ибо в свое время проходил в Севастополе срочную флотскую службу. Моряки его уважали и считали своим. Даже гордились им: как-никак, а Леонид Коробов за отвагу и мужество,

проявленные в период советско-финляндского военного конфликта, был награжден орденом Ленина!

Он-то и помог мне на первых порах оформить в Севастополе необходимые пропуска, познакомил с коллективом редакции газеты "Красный черноморец", а утром повез меня к морским летчикам, которые вот уже несколько суток подряд бомбят порты Румынии. Там-то я и замешкался, подвел Коробова. А он вместо того, чтобы как следует отругать, ведет вот сейчас меня на вышку ПВО...

Вышка была невелика, но с нее даже в темноте довольно сносно просматривалась большая часть города, обе бухты и выход из одной из них, Северной, в море.

На смотровой площадке как раз находились шесть или семь незнакомых мне командиров. Телефонист, сидя тут же у аппарата, негромко повторял сообщение службы наблюдения:

- С запада двумя эшелонами следуют до двадцати четырех самолетов типа "хейнкель". Высота первого эшелона - две с половиной тысячи метров. Курс Севастополь...

Кто-то сказал:

- Вот-вот будут над городом.

Телефонист продублировал еще одно донесение. И почти тотчас же в ночном небе серебристыми кинжалами заметались лучи прожекторов, вспыхнули сотни разрывов, образовав над городом огневой заслон. Особенно плотным он, естественно, был над бухтами, в которых стояли большие и малые корабли Черноморского флота.

Здесь следует сказать, что враг начал бомбить Севастополь уже ранним утром 22 июня 1941 года, то есть с первых часов войны. Главная база советского Черноморского флота была, видимо, для гитлеровской авиации целью номер один. Но ни тогда, ни в последующие дни сколько-нибудь значительные воздушные силы врага так и не смогли прорваться к кораблям. Зенитчики с боевых судов и береговых батарей долгое время срывали эти замыслы фашистского командования.

Ни один из вражеских самолетов не пробился к бухтам и на этот раз. Больше того, зенитным заградогнем было сбито три "хейнкеля", первый из которых упал в черте города, неподалеку от наблюдательного пункта ПВО.

* * *

Вечером 26 июня мы с Коробовым были приняты членом Военного совета Черноморского флота дивизионным комиссаром Н. М. Кулаковым. Он-то и подтвердил нам неприятное известие о гибели лидера "Москва", услышанное мной до этого от командующего флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского. И

даже, взяв со стола какую-то бумагу, зачитал из нее некоторые подробности этой гибели. Вот они:

"В. 5.00 26.06.41 г. отряд наших кораблей подошел к Констанце и открыл по порту огонь. С берега ответили недавно установленные там немецкие батареи... Залп тяжелых орудий накрыл "Москву". Затем, маневрируя, лидер наскочил на мину..."

- Ну а остальное вы уже знаете,- печально закончил Кулаков. Посоветовал: Через день-два зайдите в морской госпиталь, поговорите с краснофлотцами с лидера "Харьков". Они же были свидетелями всего этого... Прошелся по кабинету, остановился у окна, пристальнее, чем прежде, посмотрел на Коробова и меня, сказал:

- Да, война без потерь не бывает. Особенно вот такая война, которую навязала нам фашистская Германия... Но ничего, выдержим! - И тут же, без перехода, спросил: - В пятьдесят девятой батарее еще не были? Советую. Ведь это она сбила над Севастополем первый самолет противника. Да и прошлой ночью срубила очередного стервятника... Можно писать и о морских летчиках. Среди них тоже есть герои. Рекомендую, например, познакомиться с капитаном Цурцумия. Кстати, в части, где он служит, особенно много людей, достойных внимания журналистов. Нескольких товарищей мы уже представили к наградам... Ну, вот у меня и все. Время от времени заходите к нам. Но на частые встречи, сразу предупреждаю, не рассчитывайте. Особенно с командующим...

И вот мы снова в пути. Направляемся к морским летчикам. На этот раз с нами едет бригадный комиссар М. Г. Степаненко. Это уже проявление заботы со стороны члена Военного совета. Именно ему он приказал сопроводить корреспондентов к летчикам, познакомить нас с ними.

...Первый ответный удар по врагу морские летчики нанесли в тот же день, 22 июня. В 18 часов 40 минут с аэродрома Биюк-Онлар поднялись в воздух два скоростных бомбардировщика из 40-го бомбардировочного полка 03-й авиабригады. Экипажами командовали капитан Иван Жолудев и лейтенант Иван Комаров. А в 22 часа на бомбежку порта Сулина ушли еще два - лейтенантов Федота Ковалева и Николая Большого.

- Наши машины были встречены очень плотным зенитным огнем, - рассказывал нам дорогой бригадный комиссар Степаненко.- Но все равно бомбы достигли цели в районе румынского порта возникли многочисленные очаги пожаров...

В ночь на 24 июня Констанцу и Сулину бомбило уже почти сто советских самолетов. И сейчас авиация Черноморского флота днем и ночью наносит удары по вражеским военным объектам.

Приехали на аэродром как раз вовремя: летчики уже успели отдохнуть и вполне прийти в себя от пережитого в очередном боевом вылете. Застали на месте и капитана Александра Цурцумию. Он оказался высоким и довольно еще молодым человеком с пышной черной шевелюрой, орлиным носом и сросшимися на переносье бровями. Все его звено - летчики, штурманы, стрелки-радисты, а также техники и оружейники были тоже здесь, у самолетов, готовые по первому сигналу или команде занять свои места согласно штатному расписанию.

Цурцумия четко отрапортовал бригадному комиссару. И вид, и энергичный голос, и даже жесты командира эскадрильи свидетельствовали о его хорошем настроении.

Спросили о последнем боевом вылете.

- Бомбили вражеские корабли в сулинском гирле Дуная,- доложил комэск.- По уточненным данным, потопили вражеский монитор и плавучую батарею. Сбили два "мессершмитта". В звене повреждена одна машина.

Подошли к самолету, на серебристом теле которого еще чернели незаделанные пробоины.

- Обычно человек с таким множеством ран выходит из строя,- сказал со слегка заметным акцентом Цурцумия.- Наш же бомбардировщик от госпитализации, если так можно выразиться, отказался и к ночи снова будет в боевом строю.Капитан улыбнулся и продолжил: - Командир этого воздушного корабля - старший лейтенант Иван Кузьменко... Ввел машину в зону самого сильного зенитного огня и, представляете, сверхточно положил бомбы, а потом его экипаж в одиночку дрался с двумя фашистскими истребителями. Вы можете в это поверить? С трудом? Я вас понимаю. Действительно, представить себе схватку вот такого бомбардировщика, вооруженного лишь пулеметами, с истребителями, у которых и пулеметы и пушки, трудно, почти невозможно. И все-таки это было, было!

Капитан Цурцумия знакомит нас с каждым членом экипажа в отдельности:

- Командир старший лейтенант Иван Кузьменко... Штурман капитан Николай Маркин... Стрелок-радист сержант Николай Рыбальченко...

Молодые симпатичные лица. А в глазах - смущение, вызванное похвалой комэска.

А ведь они действительно совершили подвиг. Подвиг выдающийся! И вот как это происходило.

...Еще над целью у самолета Кузьменко осколком повредило один из моторов. Он несколько отстал от группы. Вот тут-то на него и навалились фашистские истребители.

Легко предположить, каким верным и быстрым делом казалось гитлеровцам уничтожение покалеченного советского бомбардировщика! И потому, наверно, они в первой же атаке чем-то пренебрегли. А в ответ - шквал прицельного огня. Пулеметные очереди с бомбардировщика прошивают один из "мессершмиттов", и тот взрывается в воздухе. Разъяренный пилот другого истребителя делает разворот и... на мгновение опаздывает с открытием огня. На мгновение, не больше! В это время очередь, выпущенная сержантом Николаем Рыбальченко, зажигает и его машину...

А бомбардировщик старшего лейтенанта Кузьменко продолжил свой полет.

* * *

У соседнего самолета сидел, прислонившись спиной к парашютной укладке, лейтенант с забинтованной рукой. Увидев нас, он поднялся.

- Лейтенант Семен Кривокуров,- представил его Цурцумия.- Ранен над Констанцей в момент, когда его бомбы разметали склад горючего. Несмотря на ранение и потерю крови, привел-таки самолет на свой аэродром.

- А почему лейтенант здесь, а не в госпитале? - спросил бригадный комиссар Степаненко.

- Упросил, оставили. Теперь лечим своими силами,- виновато ответил командир эскадрильи. Кривокуров тоже умоляюще и испуганно посмотрел на бригадного комиссара. И тот промолчал...

- а о себе что можете рассказать? - спросил тем временем комэска Коробов.

Капитан помолчал и ответил:

- Летаю, как и все...

Больше от него мы ничего не добились.

А ночью уже не только эскадрилья Цурцумия, но и весь полк вылетел на бомбардировку Констанцы. И тут-то на опустевший аэродром налетели фашистские самолеты. Не менее часа на летном поле, у складов, в роще, где стояли жилые палатки и были оборудованы убежища, свирепствовал огненный смерч. Аэродромной базе был нанесен существенный урон. Одна из бомб даже разбила машину, на которой мы с бригадным комиссаром Степаненко и Коробовым приехали сюда.

Утром мы с Леонидом Коробовым на попутном транспорте все же отправились в Севастополь, а бригадный комиссар М. Г. Степаненко остался на аэродроме руководить восстановительными работами.

Вернувшись в город, Коробов развернул бурную

деятельность, чтобы добиться разрешения на полет к берегам Румынии. Дело это было очень сложное, но командование Черноморского флота и на этот раз пошло" ему навстречу. Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский дал "добро", и корреспондент "Правды", может быть даже первым из советских журналистов, принял боевое крещение в воздухе. Его большая корреспонденция о бомбовом ударе по нефтепромыслам Плоешти вскоре появилась в газете.

А мне через несколько дней удалось посетить военно-морской госпиталь. Здесь я узнал, что врачи ведут борьбу за жизнь двух героев похода к Констанце - краснофлотцев с лидера "Харьков" Гребенникова и Каирова. Повидать их самих не разрешили: оба находились в тяжелом состоянии. Но в соседней палате лежали политработник Завьялов и старшина 1-й статьи Ильин, которые тоже были участниками боевых событий на "Харькове". Они-то и рассказали мне такую историю.

...Одна из вражеских авиабомб повредила на лидере котлы. "Харьков" сразу же сбавил ход, и врагу наверняка удалось бы с ним разделаться до конца, если бы Гребенников и Каиров не решились на немедленный ремонт котлов.

- Условия их работы, - рассказал Завьялов,- были архитяжелыми. Матросы действовали рядом со смертью. Мы старались облегчить их труд, но предотвратить ожогов не смогли...

- Они спасли и корабль, и нас,- вставил Ильин.

К сожалению, я не смогу поведать читателям о дальнейшей судьбе этих героев с лидера "Харьков", так как вскоре был отозван из Севастополя.

* * *

В начале июля в редакции "Красной звезды" произошла смена руководства. Редактором газеты стал Д. И. Ортенберг (Вадимов). А прежний редактор, корпусной комиссар В. Н. Богаткин, был назначен членом Военного совета Северо-Западного фронта.

Новый редактор, вызвав меня в Москву, объявил, что мне предстоит срочно выехать в Новгород, где в то время располагался штаб названного фронта.

- Вас подвезет туда на своей машине корпусной комиссар Богаткин. Торопитесь, он долго ждать не может.

Таким образом, пробыв в Москве всего что-то около двух часов, я отправился вместе с прежним редактором в Новгород.

Корреспонденты центральных газет, как мне сообщили, располагались в подвале новгородского гарнизонного Дома РККА, который стоял на самом берегу реки Волхов. По приезде пошел туда. Среди других собратьев по перу застал здесь и

краснозвездовцев Викентия Дермана, Семена Кирсанова и фотокорреспондента Олега Кнорринга. Эта группа, как оказалось, была "безлошадной", то есть не имела машины. А она была нам крайне нужна.

Что делать? Посоветовавшись, мы вместе с майором В. И. Дерманом на следующий день пошли к новому члену Военного совета фронта. В. И. Богаткин, естественно, еще не вошел как следует в круг своих обязанностей, но нашу просьбу насчет транспорта удовлетворил немедленно, распорядившись выделить легковую машину из числа мобилизованных ленинградских такси.

Авторота штаба фронта находилась в лесочке северо-западнее Новгорода. Мы прибыли туда, имея в руках распоряжение начальника штаба. Пожилой военный инженер 2 ранга подвел нас к эмкам, которые стояли чуть поодаль от других машин, и сказал:

- Выбирайте...

У машин толпились шоферы. Все они были еще в гражданском. Мы осмотрели эмки и остановились у одной из них. Но привлекла наше внимание не сама машина, а богатырский вид ее водителя.

- Как вас величают, товарищ? - спросил я у него.

- Семен Мухин.

- Ваша машина на ходу? - задал в свою очередь вопрос Дерман.

- На ходу, товарищ майор,- ответил Мухин.

Я не стал делать секрета из того, кто мы, и коротко познакомил шофера со спецификой корреспондентской деятельности. Мухина явно заинтересовала перспектива работы с нами, и он сказал:

- Вы не ошибетесь, если остановите выбор на мне и моей машине. Автомобиль хороший. И если сделать ему небольшой ремонт да раздобыть к тому же пару запасных скатов, то я гарантирую вам успех поездок на любые расстояния.

Действительно, выбор наш оказался очень удачным. Семен Мухин всю войну возил фронтовых корреспондентов "Красной звезды". И как возил! Его не страшили ни бездорожье, ни бомбежки, он не знал усталости.

Через день мы с Кирсановым и Кноррингом выехали в действующие части уже на своей машине.

Кстати, отправляя меня в Новгород, Давид Иосифович Ортенберг предупредил, что поэт Кирсанов еще ни разу не был на передовой и что неплохо бы мне лично вывезти его туда.

- Правильно поймите мою просьбу,- сказал редактор.- Кирсанов конечно же не нуждается в няньке. Но так как он все же

сугубо штатский человек, то вам, уже имеющему определенный в этом деле опыт, лучше в опасных местах находиться рядом с ним. Хотя бы во время первых выездов.

И вот мы едем. По дороге заскочили на железнодорожную станцию Дно. Зашли в здание вокзала, чтобы купить в буфете папирос. Кирсанов не курил, но, заглянув в ресторанное меню, загорелся желанием пойти и съесть свиную отбивную.

Из окна ресторана было видно, что все железнодорожные пути буквально забиты воинскими эшелонами. А день ясный, солнечный. Сердце кольнула тревога: не вздумают ли фашисты нанести воздушный удар по станции? II не лучше ли, взяв отбивные с собой, пообедать где-нибудь в другом, более безопасном месте? Ни служебных, ни каких-либо иных дел тут у нас нет, следовательно...

Как старший группы, говорю товарищам:

- Привал сделаем на окраине станции.

Кирсанов метнул на меня укоризненный взгляд:

- Трояновский, вы что, трусите?

Прямо так и спросил.

Очевидно, в дебаты с ним вступать бесполезно. Вот уж действительно сугубо штатский человек. И я, официальным тоном попросив своих спутников следовать к машине, первым направился на выход из ресторана.

Кирсанов конечно же посчитал себя оскорбленным и молчал до тех пор, пока мы не выбрали место для обеда.

- Так дело не пойдет, товарищ Трояновский, - начал было он, опускаясь на траву обочины. И тут вдруг в небе раздался характерный гул моторов "юнкерсов". Подняли головы вверх - так и есть, фашистские самолеты! Насчитали 32 машины.

Потом раздался зловещий свист бомб, заколебалась земля. Станция окуталась дымом. Я посмотрел на Кирсанова - лицо его было искажено откровенным ужасом.

Да, фронтовые университеты проходятся иногда и за считанные минуты.

Только вернулись в Новгород, как меня тут же вызвали к члену Военного совета. Корпусной комиссар В. Н. Богаткин сказал:

- Хочу пригласить вас, политрук, в корпус генерала Лелюшенко. Это соединение нанесло несколько успешных ударов по врагу, а сейчас сдерживает натиск его превосходящих сил. Уверен, что вы найдете там немало интересных тем для газеты.

Рано утром двинулись в направлении на Опочку. Ехали двумя машинами: корпусной комиссар, его адъютант и я - на легковой, а охрана - на броневичке. Начальник штаба фронта генерал-

лейтенант Н. Ф. Ватутин посоветовал держаться в основном проселочных дорог: над ними не так свирепствовала вражеская авиация.

Уже ночью на скрещении дорог нас встретил офицер связи и проводил в небольшой домик лесного кордона, где и находился генерал Д. Д. Лелюшенко. У командира 21-го механизированного корпуса на груди орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза, награда за отвагу в боях в период еще советско-финляндского военного конфликта.

Член Военного совета фронта тут же поздравил Лелюшенко с новой наградой орденом Красного Знамени. На что генерал ответил:

- А я думал, что вы у меня и прежние-то награды отберете за то, что отступаю...

- Может, кое у кого и следовало бы их отобрать,- возразил Богаткин,- но не у вас. Командование фронта высоко оценивает действия вашего соединения...

Начало войны застало части этого корпуса в стадии формирования. Имея большой некомплект в людях и технике, его полки 25 июня все же выступили из Идрицы и Опочки в район города Даугавпилс. И с ходу нанесли здесь удар по противнику. Несколько суток танкисты, артиллеристы и мотопехота Лелюшенко дрались на улицах города и в его окрестностях, уничтожая передовые части 50-го немецкого механизированного корпуса. Но вскоре, подтянув сюда новые дивизии, врагу удалось-таки снова запять Даугавпилс.

Рассказывая о боевых действиях вверенного ему корпуса, Д. Д. Лелюшенко то и дело упоминал фамилию полковника В. А. Копцова, командира 46-й танковой дивизии.

- Это уж не тот ли Копцов, которому за бои у реки Халхин-Гол было присвоено звание Героя Советского Союза? - не удержавшись, спросил я.

- Он самый,- ответил Лелюшенко.- А вы что, знаете Василия Алексеевича?

Пришлось рассказать, что еще в 1939 году, являясь сотрудником газеты "Героическая красноармейская", я два дня провел в танковом батальоне майора В. А. Копцова. Тогда это подразделение смелой атакой отбило у самураев господствующую над местностью высоту, что позволило нашим войскам в более короткие сроки сбить японцев и с других, соседних.

И вот по просьбе члена Военного совета фронта и конечно же моей Лелюшенко повез нас в 46-ю дивизию. По дороге рассказывал:

- Полковник Копцов дважды ранен. Я пытался отправить его в

госпиталь, но он всякий раз убеждал меня оставить его в соединении. Отважный человек, хороший командир!

Мы приехали в дивизию, когда ее полки только что отбили вторую за этот день яростную атаку врага. Фашисты на сей раз бросили в бой не только танки и пехоту, но и вызвали для поддержки свою авиацию. Свыше 30 бомбардировщиков ссыпали бомбы на оборону полков и батальонов соединения, но танкисты не дрогнули, не отошли ни на шаг.

Я бы, пожалуй, и не узнал Копцова, если бы не Звезда Героя у него на груди. Василий Алексеевич сильно похудел, черты лица как-то заострились. Правая рука полковника была перебинтована и заложена за отворот комбинезона. На голове, под шлемом, тоже белели свежие бинты.

Мы разговорились, вспомнили Халхин-Гол, общих знакомых. И только было подошли к событиям сегодняшнего дня, как нас прервал комиссар дивизии В. И. Черешнюк. Он доложил Копцову, что идет в полк Ермакова, где сейчас состоится партийное собрание.

- Партийное собрание полка на передовой? - откровенно удивился я.

- А почему бы и нет?- пожал плечами Черешнюк.- Фашисты, думается, теперь до утра будут приводить себя в порядок.

- А можно мне пойти с вами на это собрание? - спросил я у комиссара.

- Пожалуйста,- кивнул Черешнюк.

И мы пошли.

Командный пункт нужного нам полка размещался на опушке леса. Несколько впереди угадывались огневые позиции артиллеристов. А рядом с КП находился резерв: три танка, бронемашина и до двух взводов автоматчиков.

В некотором отдалении, в глубине леса, лежала небольшая лощинка, поросшая редким сосняком. Лучшего места для собрания и найти трудно.

Коммунистов в части осталось не густо: немногим более тридцати человек. А на собрание сумело прийти и того меньше: двадцать два. Зато немало собралось беспартийных. Собрание-то открытое.

Многие из пришедших ранены, с повязками. И все, это видно по лицам, предельно утомлены. Шутка ли, десять дней в походах и боях! Но такова уж сила дружбы, боевого товарищества - собрались вместе, и на лицах уже улыбки.

Пришли по полной боевой форме - дай сигнал, и люди тут же ринутся к своим танкам и орудиям.

Минутой молчания почтили память погибших. Имена этих

коммунистов не упоминали, слишком уж большим был бы список, а времени в обрез. Но, думается, каждый из присутствующих успел за эту минуту вспомнить своего близкого друга, боевого товарища, сложившего голову в боях за свободу и независимость любимой Отчизны.

Затем командир полка полковник И. П. Ермаков сделал короткий доклад о задачах партийной организации части в боевых условиях. Собственно, это был не доклад, а скорее беседа старшего товарища с ними, коммунистами. Ермаков, в частности, рассказал о боевых делах полка за последние несколько дней боев, назвал героев, не скрыл недостатки и упущения, которые приводят к излишним потерям и неудачам, проинформировал о положении на фронте.

В прениях первым взял слово автоматчик Иван Середа. Коренастый, крепко сбитый, с большими натруженными руками, он, прежде чем начать говорить, оглядел своих товарищей - коммунистов долгим взглядом. Сказал, тяжело вздохнув:

- Да, большие потери понесла наша партийная организация... - Снова помолчал, кашлянул так, будто ему не хватило воздуха, и продолжил: - Война сурова и зла. Это мы все видим. Что же показали бои, которые мы с вами ведем с самого Даугавпилса? Фашист пока берет техникой и, я бы даже оказал, наглым духом. Но как только ему дают настоящий отпор, он не выдерживает. Вот у нас на глазах происходил один такой поединок зенитной батареи лейтенанта Кожевникова с двенадцатью "юнкерсами". Зенитчики с первых же выстрелов подожгли один самолет. Словом, показали, что этот налет фашистам безнаказанно не пройдет! И что же? Ни одна бомба при первом заходе не попала в цель!

А когда "юнкерсы" разворачивались, чтобы сделать второй заход, батарея сбила еще один самолет. И помните, как остальные, сыпя бомбы куда попало, поспешили уйти? Вот так и надо учить этих наглецов!

О себе Середа почему-то не говорил. Хотя, как я потом узнал, он дрался отважно. В Даугавпилсе, например, Середа, заметив фашистский танк, который вел из-за разрушенной стены пулеметный огонь (орудие, видимо, было повреждено), решил его уничтожить. Но как? Гранат под рукой не было, он их израсходовал раньше... Огляделся. И увидел валявшийся неподалеку... простой топор. Схватил его, перебежками от укрытия к укрытию зашел к танку с тыла, взобрался на него и сильным ударом топора погнул ствол пулемета. Огонь прекратился, и наши бойцы ринулись вперед.

Через день Середа один на один вышел против тяжелого

фашистского танка и подорвал его противотанковой гранатой. За эти подвиги мужественный коммунист был удостоен звания Героя Советского Союза.

Но об этом я узнаю потом, примерно через неделю. А пока же шло партийное собрание и выступали коммунисты. Вслед за Иваном Середой слово взял механик-водитель танка сержант Михаил Илюхин.

- Я, товарищи,- сказал он,- начал воевать в четыре часа утра двадцать второго июня, на границе. Буду откровенен: нападение противника застало нашу часть врасплох. Мы сразу же потеряли многих товарищей. Но уже в шесть утра сами контратаковали врага и гнали его не менее трех километров. Не знаю, сколько мы подбили фашистской техники, сколько уничтожили живой силы. Ведь механику-водителю всего поля боя не видно. Но, например, только наш экипаж поджег три вражеских танка, бронетранспортер, раздавил гусеницами две легковые машины.

А потом мы дрались в окружении. Вскоре у нас кончилось горючее, не стало боеприпасов. Со слезами на глазах поджигали танкисты свои машины и в пешем строю, как матушка-пехота, пошли на прорыв. И вот сейчас вместе с вами отбиваем атаки врага...

Очень важна,- продолжал далее Илюхин,- взаимная выручка в бою. Нас, считаю, сегодня утром буквально спас экипаж Качанова. Понимаете, один фашистский танк так удачно сманеврировал, что оказался у нас с правого борта. Никто из экипажа этого не заметил. И... еще немного - и гореть бы нам свечой. Но Петр Качанов вовремя разгадал намерение врага и двумя выстрелами покончил с ним. Большое спасибо вам, товарищ старшина, за помощь!

Все взгляды устремились теперь к сосне, где стоял перебинтованный старшина. Это был коммунист Качанов. Раздалось по старой привычке несколько хлопков, а вообще-то было конечно же не до аплодисментов.

И тут попросил слова Качанов. Он был краток.

- Благодарить меня не за что. Ведь если мы не будем выручать друг друга всем погибель... Есть у меня просьба и к командованию. Держите, товарищ полковник, санитарные машины поближе к нам. Бывает ведь как: рана пустяковая, а сами обработать ее мы не в силах. Ищешь-ищешь санитарную летучку, а она иногда бог знает где, чуть ли не за два километра.

Противник тем временем начал обстреливать лес из артиллерии и минометов. Разрывы снарядов и мин приближались к лощине. Пора было закрывать собрание. Единогласно приняли решение. Оно гласило: "Главная задача коммунистов полка.

беспощадное уничтожение врага. Клянемся насмерть держать порученные рубежи обороны. Смерть фашистским оккупантам!"

Сразу же скажу, что потом я с особым вниманием следил по оперативным сводкам за действиями частей 21-го механизированного корпуса. И ни одна из них не оставила рубежей обороны без приказа!

* * *

В середине июля меня неожиданно отозвали в Москву. Главный редактор принял меня уже под утро, после выхода газеты. Поздоровался, расспросил о положении на фронте, поинтересовался работой каждого корреспондента. Пояснил, что до позднего вечера находился на каком-то совещании. Затем сказал:

- Вам, Трояновский, следует переехать на новый фронт. Этого требуют интересы газеты. На этот раз место назначения - Гомель. Там расположен штаб только что организованного Центрального фронта. Членом Военного совета туда назначен знакомый вам еще по Забайкалью корпусной комиссар Гапанович. А одной из армий командует генерал-лейтенант Ефремов, бывший командующий вашим округом. Будете старшим корреспондентской группы. Там уже находятся майоры Коломейцев и Король. С вами поедет писатель Гроссман. Вскоре подошлем фотокорреспондента.

Я попросил командировать на Центральный фронт фотокорреспондента Олега Кнорринга.

Через двое суток, с трудом преодолев не такое уж большое расстояние от Москвы до Гомеля, я разыскал там штаб и Военный совет фронта, расположившиеся в одном из административных зданий Парка культуры и отдыха имени А. В. Луначарского.

Первая же полученная информация одновременно обрадовала и насторожила. Обрадовало то, что часть сил нового фронта - 93-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта Л. Г. Петровского и кавалерийская группа О. И. Городовикова - уже вела активные действия, продвигаясь в сторону Бобруйска. Настораживало же многократное превосходство сил противника, особенно в танках и авиации.

- Рекомендую в первую очередь съездить в части корпуса Петровского,сказал мне член Военного совета.- Кстати, вы знаете генерал-лейтенанта Петровского? Это же сын известного большевика, соратника Владимира Ильича Ленина, Петровского Григория Ивановича... Ну а еще одна, думается, интересная для вас тема - партизаны Белоруссии. Они уже наносят по врагу довольно ощутимые удары. И двух из партизан Военный совет фронта вместе с Центральным Комитетом Компартии Белоруссии

недавно представил даже к званию Героя Советского Союза... Когда же вернетесь из-за Днепра, познакомлю вас с первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко. Тоже довольно интересный человек...

Ночевали в редакции фронтовой газеты "В бой за Родину". А рано утром сюда же неожиданно пришли член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. А. Гапанович и начальник политуправления фронта бригадный комиссар М. А. Козлов. Я зашел в комнату редактора газеты как раз в тот момент, когда член Военного совета сердито выговаривал ему:

- Не ожидал от вас, товарищ полковой комиссар, такой беспечности! А вдруг налет авиации противника? Что будете делать в этом случае?

Гапанович помолчал - и как отрубил:

- К вечеру чтобы были щели полного профиля и боевая готовность редакции к работе в любых условиях!

Поездку в корпус Петровского пришлось отложить, так как мы, краснозвездовцы, тоже должны были разделить с коллективом фронтовой газеты заботы по приведению редакции во фронтовое положение. И, забегая вперед, скажу, что вырытые нами в тот день щели очень скоро сослужили журналистам хорошую службу.

Вечером все же осталось время, чтобы хотя бы наспех познакомиться с Гомелем. Город произвел на нас благоприятное впечатление - опрятный, уютный, зеленый. Разрушительный молох уже вовсю грохотавшей войны его пока еще не тронул.

В корпус Петровского решили ехать втроем - Петр Илларионович Коломейцев, Олег Кнорринг и я. И тут же заспорили, когда лучше всего выезжать. Коломейцев предлагал вначале как следует отдохнуть, а уж затем - в путь. Мы же с Кноррингом настаивали на использовании ночи. Мотивировали это свое предложение большой активностью вражеской авиации в дневное время.

- Волков бояться - в лес не ходить! - горячился Петр Илларионович.- Ну а если нас все-таки атакуют фашистские самолеты, будем отбиваться...

Здесь следует сказать, что П. И. Коломейцев был буквально одержим желанием сбить хотя бы один самолет противника из винтовки или трофейного автомата, с которыми не расставался. Он вообще являлся убежденным приверженцем и хорошим пропагандистом в газете активного использования стрелкового оружия против вражеской авиации.

Мы с Кноррингом уступили.

И вот по пути к Днепру, а также и за рекой три бравых корреспондента "Красной звезды", а также их водитель дважды вступали в схватку с атаковавшими их "мессершмиттами". В итоге - боевая ничья. Они даже не подожгли нашей машины. А синяки да шишки, полученные при приземлениях в кюветах и ямах, не в счет.

И вот еще что примечательно. В первый раз стреляешь по летящему самолету из винтовки или автомата с робостью, даже со страхом. Но затем вроде бы привыкаешь, и воющие "мессеры" уже не кажутся такими страшными и неуязвимыми.

На опушке леса, за большим белорусским селом, нас остановил часовой и, проверив документы, показал дорогу к штабу корпуса.

Генерал-лейтенант Леонид Григорьевич Петровский оказался исключительно симпатичным человеком. У него было красивое лицо, на верхней губе - аккуратно подстриженные усы. Душевно поприветствовав нас, он тут же предложил испить ледяного белорусского кваску.

- Хорош напиток, а? - спрашивал Леонид Григорьевич, тоже смакуя холодную влагу.- Это местные селяне балуют нас таким замечательным квасом.

Затем, пообещав накормить нас в обед какой-то особенной грибной солянкой, Л. Г. Петровский пригласил нас к оперативной карте.

- Вот тут мы встретились с врагом, тут атаковали переправившиеся через Днепр части противника, разбили их, сами перешли реку, освободили Рогачев и Жлобин,- пояснял он.- И давно были бы за Бобруйском, придай нам две-три танковые бригады да поддержи с воздуха хотя бы полком истребителей...

Подождав, пока мы проследим по карте передвижение и бои дивизий 63-го корпуса, генерал продолжал:

- Не знаю, надо ли говорить о потерях противника. Они немалые.- Опять посмотрел на карту.- Уверен, что когда накопим побольше танков и авиации, то наголову разгромим "непобедимых" гитлеровцев. А пока же... В иные дни вражеская авиация буквально не дает пехоте головы поднять.

И тут подал голос наш Коломейцев. Спросил у комкора:

- А не пробовали залповым огнем из стрелкового оружия бить по самолетам?

- Как не пробовали! Это пока что, к сожалению, основное средство борьбы с фашистской авиацией. Но эффективность такого огня не очень большая. Правда, два самолета из винтовок мы все-таки сбили.

Это уже было кое-что.

* * *

После обеда поехали к Рогачеву. И тут нас подстерегла беда. В трех километрах от штаба корпуса наша эмка была атакована пятью вражескими истребителями. Яростный огонь из трех автоматов и одной винтовки, увы, не помешал фашистским летчикам. Машина сгорела со всем нашим имуществом вещевыми мешками, противогазами, продовольствием, боеприпасами, двумя канистрами бензина.

В таких случаях лежащие в кюветах или в других укрытиях люди приходят в себя не очень-то быстро. Особенно если после ухода самолетов продолжаются взрывы в горящей машине. Так было и с нами. Но вот подал голос Олег Кнорринг:

- Живо ли воинство краснозвездово?

- Живо, но только без лошадки осталось,- ответил ему шофер Валетов.

И тут же последовала злая тирада Петра Илларионовича Коломейцева:

- Мерзавцы! Одну легковушку впятером атакуют!

Подобрал нас водитель грузовика. И опять неудача. Не проехали и трех километров, как снова показались фашистские самолеты. На этот раз их было три. Сброшенные ими бомбы почти сразу же вывели машину из строя.

Пошли теперь пешком. Примерно через час увидели, что нас догоняют броневик, эмка и грузовая машина, в кузове которой была смонтирована спаренная пулеметная зенитная установка.

Догадались, что едет какой-то крупный военачальник. Без надежды на успех проголосовали.

Броневик прокатил мимо, а вот эмка вдруг взвизгнула тормозами и остановилась. Дверца кабины открылась, и из нее выглянул генерал.

- Кто такие? Куда?

Мы подошли ближе. Генерал внимательно оглядел нас. Это был командующий 21-й армией генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Ефремов. Мои спутники тут же подтолкнули меня вперед. Ведь они знали, что до войны Ефремов командовал войсками Забайкальского военного округа, а я был там посткорром "Красной звезды". И вот теперь...

Но генерал меня, видимо, не узнал. Тем не менее, выслушав мой доклад, он пригласил сесть в свою машину. Остальных определил к пулеметчикам. Так вместе с М. Г. Ефремовым мы и прибыли в один из полков 117-й стрелковой дивизии.

- Покажите-ка свою команду снайперов! - сразу же приказал командующий подбежавшему командиру полка.

Тот отдал соответствующее распоряжение, и к нам подошла

группа из семи красноармейцев. От нее отделился высокий старшина с забинтованной шеей, строевым шагом приблизился к генералу, громко отрапортовал:

- Товарищ генерал-лейтенант, по вашему приказанию прибыли снайперы полка! Командир группы старшина Пылаев!

- Вольно, товарищ старшина! Вольно, товарищи! Подходите и располагайтесь вот тут, на траве. Поговорить надо...

Командир полка доложил, что эта группа организована в части по инициативе старшины Степана Пылаева, бывшего до войны чемпионом Приволжского военного округа по стрельбе. За девятнадцать дней боев наши снайперы уже уничтожили 86 гитлеровцев, в том числе одного немецкого полковника, подожгли восемь вражеских автомашин, сбили фашистский бомбардировщик.

После этого генерал предоставил слово старшине Пылаеву. Тот рассказал:

- Действуем в основном всей группой. Стараемся в первую очередь выбивать офицеров. Но дня два назад сорвали форсирование фашистами реки. Перебили всех их саперов.- Поправил бинт на шее, закончил: - В обороне, товарищ командующий, снайперы могут большие дела делать.

- А у гитлеровцев снайперы на вашем участке есть? - спросил Ефремов.

- Пока не заметили, товарищ генерал. Но должно быть, есть. Что же это за противник, если у него снайперов нет...

Командующий еще долго говорил с бойцами. А затем поблагодарил их за храбрость и мастерство.

- Каждый из вас достоин самой высокой боевой награды,- сказал генерал.- И я прикажу командиру полка, чтобы он незамедлительно оформил наградные документы. А пока это делается, я вручаю каждому из вас по часам...

Нам же сказал:

- Убежден, что для печати это очень важная тема. Прошу, товарищи корреспонденты, подробно рассказать на страницах газеты о старшине Пылаеве и его группе.

Мы восприняли его просьбу как приказ.

* * *

Возвратились в Гомель на машине полевой почты. И тут же сели за написание корреспонденции.

Сразу же скажу, что писали мы в те дни немало, но не все, к сожалению, доходило до редакции. Из Севастополя, например, из четырех написанных мною статей в Москву почта доставила две. С Северо-Западного фронта я послал восемь материалов, а редакция получила только три. Корреспонденция же из 63-го

стрелкового корпуса была опубликована уже после героической смерти генерала Л. Г. Петровского...

Вскоре меня принял первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Несмотря на колоссальную нагрузку, выглядел он довольно бодро.

- Враг поголовно грабит население оккупированных областей нашей республики,- сказал П. К. Пономаренко.- Идут массовые расстрелы стариков, женщин и детей. Право расстрела предоставлено едва ли не каждому гитлеровскому солдату. В городах и селах, временно оккупированных фашистами,- разгул ужасных, неслыханных злодеяний и насилий.- И он начал приводить конкретные примеры садистской жестокости гитлеровцев. Решительно закончил: - Но и они получат свое! Весь белорусский народ поднимается на священную борьбу с фашистами. И в ней конечно же победят люди, а не звери... Уже летят под откос вражеские поезда, горят и взрываются на дорогах танки и автомашины. Карающая рука народных мстителей достает даже до гитлеровских штабов и громит их. И это только начало.

Пономаренко подтвердил, что Военный совет фронта и ЦК Компартии Белоруссии представили к званию Героя Советского Союза руководителей партизанского отряда "Красный Октябрь" Тихона Пименовича Бумажкова и Федора Илларионовича Павловского. Этот отряд двое суток вместе с подразделениями Красной Армии оборонял мост через реку Птичь. Затем партизаны провели тайными тропами армейский стрелковый батальон к деревне Оземля. В ней располагался штаб фашистской дивизии. Он был разгромлен. Лишь отдельным гитлеровцам удалось вырваться из деревни. Они попытались укрыться в лесу, но здесь их встретил огонь партизан и бойцов Красной Армии, находящихся в засаде.

Не проходило и дня, чтобы отряд "Красный Октябрь" не проводил какой-либо не менее дерзкой операции. Им был уничтожен разведывательный отряд гитлеровцев. На шоссе Слуцк - Бобруйск взорвано два моста. А в селе Глуша, что в Бобруйском районе, разгромлен штаб фашистского полка...

И с каким же удовлетворением мы, краснозвездовцы, встретили Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 августа, которым Т. П. Бумажкову и Ф. И. Павловскому было присвоено высокое звание Героя Советского Союза! Они это конечно же заслужили.

А прогнозы Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко продолжали сбываться: пламя всенародной партизанской борьбы в Белоруссии вскоре разгорелось до такой степени, что оккупанты

ни днем ни ночью не знали покоя. А сам П. К. Пономаренко позднее стал начальником Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования.

* * *

В июле и августе немецко-фашистская авиация неоднократно бомбила Гомель. Но очень больших разрушений эти бомбежки городу пока не наносили.

И вот наступил роковой для Гомеля день. Ранним утром несколько эскадрилий фашистских "юнкерсов", подавив предварительно довольно слабую противовоздушную оборону города, обрушили на дома, школы, больницы, детские сады, на подъездные пути и железнодорожную станцию буквально ливень обычных и зажигательных бомб. Добровольные отряды горожан - женщины, старики и подростки - храбро вступили в неравную борьбу с пожарами. Но огонь продолжал распространяться. А тут еще налетела новая волна "юнкерсов". Они сбросили теперь только фугасные бомбы, пытаясь, видимо, помешать противопожарным работам и еще больше терроризировать население.

Грохот взрывов и треск огня заглушали крики о помощи, проклятия в адрес фашистских варваров. Рушились целые кварталы, пожары сливались в единое бушующее пламя. Над городом поднялась, все время сгущаясь, темно-красная туча из огня и дыма, которая вскоре заслонила собой и небо и солнце.

За каких-нибудь два-три часа не стало еще одного советского города...

Дом, в котором размещалась редакция фронтовой газеты, стоял у городского базара. Сюда упало гораздо меньше зажигательных и фугасных бомб. Но и тех, которые были сброшены на этот район, вполне хватило для того, чтобы сжечь и разрушить деревянные и почти все каменные строения. Вокруг тоже бушевало пламя - горели дома и сараи, заборы, с треском и шипением взлетали в воздух головешки. В эти минуты каждый из нас на себе прочувствовал, до чего же эффективны простые земляные щели.

На фронте тем временем тоже завязались ожесточенные бои с перешедшим в наступление противником. Но, несмотря на многократное превосходство в силах, особенно в танках и авиации, враг продвигался вперед не так быстро, как бы ему этого хотелось. Ибо каждый наш полк, батальон дрались с полным напряжением сил.

Особенно тяжелый урон фашистам нанес под Гомелем 63-й стрелковый корпус. Его командир генерал-лейтенант Л. Г. Петровский до конца разделил горькую, но героическую участь

своих частей и подразделений. По рассказам бойцов и командиров, которым удалось позднее вырваться из окружения, комкор лично руководил боем на самых опасных направлениях. Но у деревни Скепня он получил смертельное ранение. Подчиненные на руках вынесли его в район села Руденко, где с почестями и похоронили...

Поднятые по тревоге штаб и политуправление Центрального фронта сначала перебазировались в леса северо-восточнее Гомеля. А уже потом двинулись дальше, в город Мена.

Ехали по сплошным пепелищам. Дымились развалины Чернигова, Борзы, Батурина. Горели малые и большие села. Тысячи оставшихся, без крова людей уходили в леса, брели по пыльным дорогам на восток...

Не проходило и часа, чтобы над этими дорогами не проносились хищные "юнкерсы" и "мессершмитты". Объектами их атак были главным образом толпы беженцев, обозы с ранеными. А иногда вместе с пулями и бомбами на землю летели фашистские листовки. "Уважаемые и дорогие граждане угнетенной Украины! изощрялись в одной из них геббельсовские борзописцы.- Немецкая армия несет вам долгожданную свободу и западную культуру. Мы идем к вам не как враги, а как друзья..."

- Як бешеный зверь такий друг,- прокомментировал эту писанину старик украинец, для чего-то разгребая пепел спаленной врагом хаты.

П. И. Коломейцев при каждом налете организовывал огонь из стрелкового оружия по фашистским самолетам. И даже, казалось бы, сугубо гражданские люди Олег Кнорринг и Василий Гроссман брались в эти минуты за винтовки и стреляли по воздушным целям.

В Мене узнали, что Центральный фронт подлежит расформированию, а его войска передаются в состав вновь созданного Брянского фронта.

Через Курск и Орел добрались до штаба нового фронта. Он располагался в лесу юго-восточнее Брянска. Тут к нам присоединился старший политрук Владимир Лысов, работник партийного отдела "Красной звезды". Политуправление фронта сразу же выделило нашей группе две просторные землянки.

На другой день нам сообщили, что во фронтовом госпитале находится сотрудник "Красной звезды" Рувим Моран.

- А вы что, не знали, что Моран на фронте? - спрашиваю Лысова.

- Понятия не имел.

Поехали в госпиталь. Раненный в спину, Моран бледен, но улыбается. Рассказывает:

- Понимаете, всего два часа и пробыл на командном пункте полка. Затем направился в один из батальонов. И тут рядом разорвалась мина...

Этим же вечером узнаем, что завтра в 10.00 всю группу краснозвездовцев примет командующий фронтом генерал-лейтенант Андрей Иванович Еременко.

Наутро, в точно назначенное время, адъютант генерал-лейтенанта А. И. Еременко пригласил нас в просторную комнату единственного уцелевшего в этом месте дома, который занимал теперь Военный совет фронта.

Андрей Иванович говорил с заметным украинским акцентом. Он не скрывал сложного, даже тяжелого положения армий, принятых от бывшего Центрального фронта. Сказал, что пехотные и танковые дивизии врага продолжают продвигаться на юг и юго-восток. На этих направлениях идут упорные бои.

- Но думаю, что и на нашу улицу придет праздник,- с твердой уверенностью заявил генерал.

Тогда никто из нас еще не знал, что при назначении его командующим Брянским фронтом генерал-лейтенант А. И. Еременко дал слово Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину во что бы то ни стало разбить Гудериана. В беседе с нами он, естественно, этого не сказал, но нас несколько поразил его чрезвычайный оптимизм.

Поговорили - да ре покажется это читателю странным: мол, в такой-то обстановке...- еще и о стихах. А. И. Еременко оказался знатоком советской поэзии.

Особенно армейской. А провожая, генерал снова с уверенностью заявил:

- Так что запомните, скоро и на нашу улицу придет праздник!..

В самое ближайшее время Брянский фронт частью своих войск, усиленных по приказанию Ставки танковыми, кавалерийскими и авиационными частями, действительно нанес встречный удар по танковой группе Гудериана. Но разбить ее все же не смог...

Мы с майором П. И. Коломейцевым побывали на том поле, где произошел главный бой советских танкистов с дивизиями Гудериана. Страшным показалось нам это поле. На сравнительно небольшом пространстве, окаймленном с трех сторон лесом, тут и там, иногда даже в десяти - пятнадцати метрах друг от друга, стояли черно-бурые остовы стальных великанов. Огонь слизал с брони красные звезды и черные кресты. Танки стояли без гусениц, с развороченными бортами, пробитыми башнями и покалеченными орудиями. На одном из тяжелых немецких танков

сквозь гарь мне удалось все же разобрать башенный номер - 231-й. И на каждом шагу - воронки, воронки от снарядов и бомб...

Да, здесь была жаркая схватка. Не на жизнь, а на смерть!

* * *

Как нам рассказали, едва ли не основная тяжесть тех боев выпала на долю 108-й танковой дивизии. Во-первых, ее выдвижение в район сосредоточения, к сожалению, обнаружила вражеская воздушная разведка, и соединение по нескольку раз на день подвергалось ожесточенным бомбардировкам. И все же на рубеже населенных пунктов Войборово, Молчаново советские танкисты сумели нанести поражение передовому отряду 17-й танковой дивизии врага, А в 19 часов того же дня 108-я встретилась уже с главными силами противника. Из района Романовки ее одновременно атаковали 150 танков и мотополк СС. А с воздуха эту атаку поддержали до 50 "юнкерсов".

- И все-таки мы не дрогнули,- рассказывал нам комдив 108-й полковник Иванов.- Выждав, обрушили на фашистов огонь всей нашей артиллерии, а танки ударили с места. Враг, естественно, не ожидал такого отпора. А мы, воспользовавшись его замешательством, таранили левый фланг атакующих группой тяжелых танков...

В течение нескольких дней войска фронта при поддержке авиационной группы РГК настойчиво перемалывали превосходящего их по силам врага. И в конце концов вынудили его прекратить продвижение к Трубчевску.

Слушали мы и рассказ лейтенанта Владимира Волкова. Он, в частности, поведал:

- Я командовал головным отрядом. В него входило два взвода мотопехоты, взвод автоматчиков, два броневика и артиллерийская батарея. В районе Бобовки увидели двигавшийся нам навстречу вражеский танк и четыре грузовика с пехотой. Как позднее выяснилось, это была разведка противника.

Гитлеровцы, видимо, приняли нас за своих - замахали руками. Я тоже махнул, отвечая. Л сам тем временем подал команду "К бою!". Артиллеристы моментально развернули орудия и открыли огонь. Их поддержали и броневики. Короче говоря, мы наголову разбили ту вражескую разведку. А офицера и двух солдат взяли в плен...

В Карбовке остановились. Навстречу - три легковушки. Но сидевшие-то в них быстро поняли, кто мы такие. Попытались удрать. Мы по ним - огоньку. Убили шестерых офицеров...

А 1 сентября в Чеховке сожгли четыре грузовика и пленили мотоциклиста с важными документами. Словом, поработали...

Спрашиваем командира дивизии:

- В каком состоянии сейчас ваше соединение?

- В сложнейшем. Выложились полностью,- ответил лолковник.- Можно сказать, что от дивизии едва ли не один номер остался. А людей и техники - горстка...

Я вспомнил поле, усеянное сгоревшими танками.

- Ваша работа?

- Наша.

Что ж, упрекнуть комдива не в чем...

Работая над книгой, я еще в 1975 году попросил .Маршала Советского Союза А. М. Василевского высказать свое мнение об этой операции Брянского фронта.

- Что же, фронт тогда свою задачу не выполнил,- .задумчиво сказал маршал.Но все же урон врагу был нанесен значительный. И в этом - положительная сторона операции...

А вспомним-ка удары корпусов Лелюшенко и Петровского, контрудары наших войск под Порховом, у Смоленска, Ельни, многие другие удары и контрудары первых месяцев войны. Они перемалывали технику и живую силу врага, путали все его планы и тем самым уже тогда готовили нашу грядущую Победу...

И с этим нельзя было не согласиться.

В два часа ночи 2 октября всех корреспондентов внезапно вызвали к члену Военного совета фронта дивизионному комиссару П. И. Мазепову. Кроме краснозвездовцев сюда пришли правдисты Михаил Сиволобов и , Михаил Калашников, известинцы Александр Булгаков и Валентин Антонов, тассовец Герман Крылов, корреспондент газеты "Сталинский сокол" Илья Бару, представитель от газеты "Московский большевик" Николай Родионов и корреспондент московского радио Николай Ковалев.

- Положение на фронте, товарищи, резко осложнилось,- сказал нам дивизионный комиссар.- Военный совет поэтому рекомендует всем представителям печати вместе с политуправлением фронта немедленно выехать в направлении Тулы. Маршрут вам укажет комиссар штаба. На сборы - тридцать минут.

Вопросы в таких случаях задавать не полагается...

Глава вторая. У стен Москвы

В десятом часу утра 3 октября 1941 года корреспонденты газет "Красная звезда" и "Известия" на правах старых знакомых зашли к первому секретарю Тульского обкома партии Василию Гавриловичу Жаворонкову. Все в этом просторном кабинете известного нам дома на проспекте Коммунаров было как и раньше. На длинном столе для заседаний по-прежнему стояла хрустальная ваза с цветами - на этот раз с астрами. Одну стену занимали шкафы с образцами продукции тульской

промышленности, у другой стояли старинные часы. Рядом с ними на небольшом столике сверкал многочисленными медалями медный самовар.

Жаворонков говорил по телефону. Приветливо улыбнувшись нам, пригласил сесть.

- Орел? Мне товарища Бойцова! - кричал он в трубку.- Как дела, Василий Иванович? Беспокоит Тула, Жаворонков. Что-что?.. Не может быть! А как в городе? Штаб округа на месте?

Мы не могли слышать, что отвечал Жаворонкову первый секретарь Орловского обкома партии В. И. Бойцов. Но лицо Василия Гавриловича выказывало сильное волнение.

Положив трубку, он какое-то время молчал. Потом сказал:

- Фашисты уже в пятидесяти пяти километрах от Орла. В городе пока все на месте, Но я доподлинно знаю, что Орловский гарнизон не бог весть как силен...

Оказалось, что, после того как 30 сентября немецко-фашистские войска прорвали оборону армий Брянского фронта и большими силами начали продвигаться вперед, Жаворонков по нескольку раз на день звонил вот так-то в Орел. Ибо Тула, еще четыре дня назад бывшая в глубоком тылу, вдруг тоже оказалась в непосредственной опасности. Правда, в городе продолжал работать знаменитый оружейный завод, плавился чугун, варилась сталь, изготовлялись машины. На складах хранились большие запасы цветных металлов, тысячи тонн зерна, крупы, сахара, масла. А ведь от Орла до Тулы каких-нибудь полтораста километров!..

Звонок в Орел, как мы заметили, еще больше озадачил Жаворонкова. Он рассказал нам, что вчера тут, в кабинете, говорил с бригадным комиссаром К. Л. Сорокиным, приехавшим из-под Орла. Ставка Верховного Главнокомандования выдвигает в район Мценска гвардейский корпус генерала Д. Д. Лелюшенко. Части его пока не сосредоточились, и комиссар корпуса поспешил в Тулу просить содействия обкома партии в организации четкой работы железнодорожников. Жаворонков спросил тогда, есть ли у военных товарищей уверенность, что враг будет остановлен у Мценска. Бригадный комиссар был откровенен:

- Остановим. Но на какое время - не знаю...

Сорокин рассказал Жаворонкову, что генерал Д. Д. Лелюшенко дважды вызывался к И. В. Сталину. ЦК, Ставка и Генеральный штаб очень обеспокоены прорывом танков Гудериана в направлении Орла и принимают в связи с этим соответствующие меры. Он, Жаворонков, тоже понял, что Москве реально грозит опасность, нависшая также и над Тулой. И сделал вывод, что областная партийная организация, коллективы

городских предприятий и учреждений должны удвоить усилия для помощи фронту.

Каждый день первый секретарь обкома партии бывал на предприятиях, работающих на оборону. Не изменил этому порядку Жаворонков и сегодня. Попросив своих помощников побыстрее соединить нас с Москвой, Василий Гаврилович уехал к оружейникам. Затем побывал у металлургов, заехал на учебный пункт областного военного комиссариата.

В пять часов вечера он снова попросил вызвать по телефону Орел.

- С Орлом связи нет уже несколько часов,- сообщили с телефонной станции.

В семь часов Жаворонков еще раз пытался поговорить с Орлом. Связи по-прежнему не было.

В десять часов ему позвонил Фирсанов - начальник Орловского областного управления НКВД.

- Где вы, товарищ Фирсанов? - с тревогой спросил Жаворонков.

- В Мценске...

- Как в Мценске?

- Несколько часов назад вражеские танки вошли в Орел...

Первый раз в жизни Жаворонков, до этого здоровый человек, отличный лыжник и пловец, почувствовал страшную физическую усталость. Может, подвело натруженное сердце, может, на эти секунды пришелся пик невероятного напряжения последних месяцев.

- Позовите ко мне, Иван Михайлович,- сказал он помощнику Барчукову, - всех секретарей и членов бюро обкома партии. Пусть идут немедленно.

Вскоре один за другим в кабинет начали входить члены бюро - А. В. Калиновский, Н. И. Шарапов, Н. И. Чмутов, В. Н. Суходольский, Ф. С. Филимонов. Да, бюро обкома поредело. Ведь многие секретари и члены бюро были мобилизованы в действующую армию.

* * *

Мы потом узнали, о чем шел разговор на этом заседании.

...Не в первый уже раз собиралось бюро областного комитета партии в эти тревожные месяцы. Заседали, как правило, недолго, по-военному, и сразу же разъезжались по городу и области, каждый по делу, с поручением. Военное положение требовало собранности и четкости. Никто не считался со временем, день и ночь перемешались, обкомовцы отдыхали урывками - или в машине в пути, или на солдатской койке в служебном кабинете. Непривычные вначале военные гимнастерки, галифе и сапоги

стали не только привычными, но казались уже исключительно удобными...

Весть о том, что враг в Орле, ошеломила и потрясла. Внутренне, правда, люди давно готовили себя к самому худшему. Ведь Жуковка за Брянском, Трубчевск и Севск, где уже в августе шли бои,- не за горами и морями, не бог весть как далеко. А вот теперь фронт приблизился непосредственно к Туле...

Тяжелая и длительная пауза пролегла между сообщением Жаворонкова и моментом, когда члены бюро начали выступать. Василий Гаврилович слушал, взвешивал каждую высказанную мысль и делал заметки в блокноте. Надо было найти решение, с которым можно будет пойти на заводы и фабрики, в учреждения и колхозы, о котором можно будет сообщить в Москву. Решение, достойное Тулы, ее революционных и боевых традиций, ее партийной организации, ее рабочих. Кто-то .вспомнил годы гражданской войны, угрозу Туле со стороны Деникина и внимание, которое уделял всероссийской оружейной кузнице В. И. Ленин. Вспомнили знаменитое письмо Владимира Ильича Тульскому ревкому: "За обороной следить, не спуская глаз..."

После заседания В. Г. Жаворонков дал мне прочитать записи, которые он сделал. В них есть и такие строки:

"1. Тула должна стать неприступной крепостью на южных подступах к Москве. Удар врага по Туле будет ударом по Москве.

2. Все обученные резервы поднять по тревоге и под командованием военных товарищей отправить генералу Лелюшенко.

3. Все население бросить на подготовку города к обороне - окопы, противотанковые рвы, доты и дзоты.

4. Подготовка помещений для новых госпиталей.

5. Эвакуация заводов и запасов.

6. Дополнительная мобилизация членов партии в армию.

7. Организация партизанских отрядов и партийного подполья.

8. Борьба с пропагандой, лазутчиками и распространителями провокационных слухов.

9. Собрание партийного актива".

- Это вместо протокола? - поинтересовался я.

- Протокол оформим потом. А это то, что бюро сочло необходимым сделать немедленно...

В кабинет в это время вошел командующий Московским военным округом генерал П. А. Артемьев.

- Орел сдан, товарищ генерал,- сообщил ему Жаворонков.

- Знаю,- ответил Артемьев.- Поэтому-то я и приехал к вам.

Поздно ночью, когда на фабриках и заводах началась запись в

новые ополченческие роты, а к окраинам города потянулись группы людей с кирками и лопатами, В. Г. Жаворонков доложил в ЦК партии о положении в Туле и о мерах, которые наметил и стал осуществлять обком. Москва ответила:

- Войска генерала Лелюшенко начали бои с танковыми и механизированными частями противника. Обеспечьте самое быстрое продвижение по железной дороге к Мценску танковой бригады Катукова. Учтите - она хорошо вооружена и должна сыграть большую роль в отпоре врагу. Посылаем Лелюшенко дивизион гвардейских минометов. Обеспечьте на своем участке усиленную охрану и меры секретности... Продолжайте посылать Лелюшенко обученных людей. Но оголять важные оборонные производства нельзя. Готовьте заводы и основные кадры к эвакуации, соответствующее решение последует. Откровенно информируйте партийный актив об опасности городу... Каждый день информируйте нас о ходе дел...

* * *

Поздно ночью на вокзале Жаворонков провожал на Мценск последнюю группу курсантов оружейно-технического училища. Одетый в кожаное пальто-реглан, с трофейным парабеллумом на армейском ремне, высокий, внутренне собранный, Василий Гаврилович подходил к вагонам: где говорил напутственные слова, где просто жал руки курсантам.

- Надеемся на вас, товарищи. Партия, Родина надеются!

Или:

- Будем ждать в Туле хороших вестей.

Потом грузился в эшелон истребительный батальон Пролетарского района. Тут среди бойцов и командиров у Жаворонкова было много знакомых. Первым к нему подошел Петр Максимович Коротков:

- Вот, Василий Гаврилович, пришел, и мой черед...

Жаворонков еще в июле горячо поспорил с Коротковым - потомственным тульским оружейником, коммунистом ленинского призыва. Петр Максимович проводил на фронт четырех сыновей и зятя, а 1 июля сам подал заявление с просьбой отправить его в действующую армию. Его не пускали. Дело дошло до обкома. Жаворонков и Коротков согласились тогда на компромисс - старика зачислили бойцом в истребительный батальон.

Жаворонков считал, что Коротков и сейчас со своими золотыми руками и авторитетом больше нужен на заводе, чем в армии. Но взять его из батальона, да еще в момент погрузки в вагоны, было уже нельзя.

- Что же, Петр Максимович,- сказал Жаворонков,- твоя взяла...

Они стояли друг против друга, оба рослые и чем-то похожие. Василий Гаврилович обнял Короткова:

- Желаю тебе, Петр Максимович, как это в песне-то поется?..

- "Если смерти - то мгновенной, если раны - небольшой", - напомнил Короткое.

- Нет, о смерти не думай. Ждем с победою домой... Помолчали.

- Я думаю, что побьем мы фашиста. Не можем не побить! Ведь все рати, считай, встали - русская, украинская, белорусская, татарская, башкирская, грузинская, казахская...- И тише, с болью в голосе добавил: - Плохо, что о сыновьях ни слуху ни духу. Как хоть они там?..

- А ты наказал Зинаиде Семеновне писать тебе, если от кого из них весточка появится? - спросил Жаворонков.

- Наказал... Я ей еще, Василий Гаврилович, сказал, что если вдруг чего не так случится, чтобы сразу к тебе шла.

- Правильно. Я и сам к ней при случае наведаюсь...

Шестьдесят составов отправила Тула 4 октября на фронт.

А 16 октября состоялось собрание городского партийного актива.

"Над Тулой,- говорилось в обращении актива к коммунистам и трудящимся города,- нависла непосредственная угроза нападения. Злобный и коварный враг замышляет захватить город, разрушить наши заводы, наши дома, отнять все то, что завоевано нами, залить улицы города кровью невинных жертв, обратить в рабство тысячи людей. Не бывать этому! Тула, красная кузница, город славных оружейников, город металлистов, не будет в грязных лапах немецко-фашистских бандитов.

Мы, большевики Тулы, заверяем Центральный Комитет ВКП(б), что все, как один, с оружием в руках будем драться за наш любимый город и никогда не отдадим Тулу врагу!

Все на защиту Тулы!

Станем плечом к плечу с бойцами Красной Армии на оборону нашего города! Победа будет за нами!"

* * *

Осенняя непогодь. Вторые сутки льет дождь. На шоссе - вода. В кюветах вода. За кюветами такая грязь, что и шагу сделать нельзя.

Мы с новым водителем Сергеем Васильевым в четыре глаза смотрим вперед и все-таки еле различаем границы дороги. Уже больше часа нет ни встречных машин, ни повозок, ни даже людей. Шоссе словно вымерло.

Решаю сделать остановку, чтобы сориентироваться. Васильев резко тормозит. Из кузова тут же раздается недовольный голос

Владимира Лысова:

- Опять уточняешь дорогу? Пора понять, что так мы и до утра не доберемся до места.

Я все, конечно, понимаю. Но на незнакомой дороге, да еще вблизи очень подвижной линии фронта, нужна особая осторожность. Включаю электрический фонарик, смотрю карту. По времени давно должен бы быть Мценск, а его все нет.

Вылезаю из кабины, нащупываю ногами дорогу - твердо. Значит, едем по шоссе, правильно.

Через несколько минут продолжаем путь. И почти тут же перед машиной вырастает шлагбаум. Подходит часовой. Пароля мы не знаем, и он -ведет меня к старшему наряда. Тот смотрит документы и говорит:

- У меня в провожающие дать некого. Держитесь телефонной шестовки, она приведет в штаб.

И вот мы в передней одноэтажного каменного здания, что на окраине Мценска. На нашу беду, в штабе никого из старших начальников нет. С нами говорит капитан, наверное работник оперативного отдела.

- Придется подождать, скоро должен кто-нибудь появиться.

И он показывает нам на угол за русской печью, где можно посидеть и даже вздремнуть. В другом углу у полевого телефона сидит одетый в телогрейку телефонист и уже охрипшим голосом почти каждую минуту повторяет:

- Я - "Беркут"! Я - "Беркут"! "Беркут" слушает...

Иногда телефонную трубку берет капитан и что-то записывает в раскрытую перед ним канцелярскую книгу, которая служит тут, видимо, журналом боевых действий.

Дом внезапно вздрагивает, в окне вспыхивает отблеск огня, и только потом с улицы врывается грохот.

Капитан успокаивает:

- Это далеко. Бьет по мосту...

Кнорринг начинает подремывать. И тут раздается такой оглушительный и резкий храп, что Кнорринг и Габрилович испуганно вскакивают. Капитан тоже поворачивает голову в нашу сторону. А телефонист, закрыв ладонью трубку, извиняющимся голосом говорит:

- Пожалуйста, потише. Так ничего не услышишь.

Я толкаю в спину нашего знаменитого храпуна Владимира Лысова. Он сразу понимает, в чем дело, и переворачивается на другой бок. Вскоре усталость сваливает и меня...

Пробуждаемся от шума в сенях. Светает. Из сеней слышна громкая словесная перепалка. Затем в дом входит наружный часовой и докладывает капитану:

- Там какой-то дядька ломится в штаб, выдает себя за командира корпуса.

- Веди его сюда! - приказывает капитан.

В дверях показывается мужчина. Сапоги, плащ, фуражка, руки и даже лицо у него заляпаны грязью. Одни только глаза сердито глядят сквозь подсохшие ошметки глины на бровях и щеках. Он молча расстегивает, снимает плащ, и только теперь дежурный по штабу узнает генерала Д. Д. Лелюшенко.

- Воды! - властно требует генерал. Умывшись, начинает слушать доклад капитана.

- У Катукова подбито три танка и убито девять бойцов и два командира,говорит капитан.- У Пияшева - двенадцать убитых и двадцать три раненых. У ленинградцев убито восемьдесят, ранено сто два, безвозвратно потеряно четыре станковых пулемета, два орудия и миномет. Кавалеристы потеряли два орудия, пятнадцать бойцов и шесть командиров...

Капитан замолчал. Но все мы догадывались, что доклад еще не окончен, просто ему не хватает смелости сказать все.

- Продолжайте! - кивает Лелюшенко.- Продолжайте, я говорю.

- ...Убит инструктор нашего политотдела Герой Советского Союза старший политрук Николай Поликарпович Власенко... В атаке заменил погибшего командира батальона. Прямое пулевое попадание в сердце...

Всякая потеря тяжела и невозвратима. Но эта для них обоих была, вероятно, особенно чувствительной и горестной.

* * *

После доклада капитана Лелюшенко, взяв журнал, какое-то время молча читал его. Затем переговорил по телефону с частями. Связался с командиром резервной авиагруппы А. А. Демидовым и попросил того завтра не позднее одиннадцати быть у Катукова. И только после этого обратился к нам:

- Я от всего сердца приветствую "Красную звезду". Рад, что наша любимая газета первой вспомнила о нас. Уверен, что каждый из вас найдет в наших частях достаточно интересных героических тем... А с вами,- повернулся он ко мне,если меня не обманывает память, мы уже встречались. Июль, Северо-Западный фронт. Верно? Вы приезжали ко мне в корпус с членом Военного совета корпусным комиссаром Богаткиным...

- Так точно, товарищ генерал.

Доложив о целях нашего приезда в Мценск, я попросил Лелюшенко хотя бы коротко проинформировать нас о положении на этом участке фронта.

- Пока все атаки танков и мотопехоты Гудериана отбиваем,- сказал генерал.Но с каждым днем делать это становится все

тяжелее. Враг сильнее нас минимум в пять-шесть раз, а в танках и авиации - еще больше. Впрочем, если денек-два побудете у нас, сами все увидите. - И посоветовал не мешкая отправиться в сражающиеся части.

Вскоре Лысов и Габрилович на нашей машине в сопровождении работника политотдела корпуса поехали в 6-ю гвардейскую стрелковую дивизию, прибывшую сюда из-под Ленинграда. Кнорринга генерал попросил в первую очередь сфотографировать несколько товарищей в мотоциклетном полку, а потом с какой-либо оказией перебраться в полк пограничников.

- А мы с вами, если не возражаете,- сказал он мне,- направимся к танкистам Катукова. Там, правда, второй день находится наш комиссар Константин Леонтьевич Сорокин, но мы, я думаю, ему не помешаем.

Давно ли мы встречались в первый раз с Дмитрием Даниловичем Лелюшенко! А он уже заметно похудел, лицо почернело и осунулось. Но, как я успел заметить, был по-прежнему энергичен, так же хорошо и детально знал обстановку на фронте и, как прежде, чуть ли не все двадцать четыре часа в сутки проводил на ногах.

...У моста через Зушу пришлось часа два простоять, пропуская в сторону Орла артиллерию, а оттуда - машины и повозки с ранеными. Несколько раз к генералу подходил комендант переправы, просил ехать, уверяя, что наша машина никого не задержит и не помешает. Но генерал всякий раз отвечал, что он не торопится, пусть-ка идут сначала войска. Потом не вытерпел и сам потел к мосту.

Немецкая артиллерия методически била по переправе. Но погода, к счастью, была пасмурной, и это мешало вражеским корректировщикам.

После ствольной артиллерии к мосту подошла колонна гвардейских минометов. И лишь пропустив ее, мы тронулись дальше.

Катукова нашли на опушке рощицы. Между деревьями стояли врытые по башни в землю танки Т-34. В глубоких капонирах располагались и колесные машины.

- А где остальные батальоны? - оглядевшись, спросил Лелюшенко у командира танковой бригады.

- Вон за той высоткой, в засаде,- ответил М. Е. Катуков. Полковник был моложав на вид, одет в черный реглан, на голове - танковый шлем.

- Как ведет себя противник?

- Пока никакой активности,- ответил Катуков.- Думаю, ждет, когда распогодится.

- А где Сорокин?

- У майора Рафтопулло. Я не советовал ему ехать туда, а приказать не мог. Ведь комиссар!

- Сорокин - хороший комиссар,- пояснил мне Лелюшенко.- Вот только беда привык лезть в огонь даже тогда, когда этого и не требуется.

Тем временем подул легкий ветерок, в облаках показались голубые просветы. И почти тотчас же кто-то громко крикнул:

- Воздух!

Со стороны Орла шли эскадрильи "юнкерсов". Лелюшенко и я попятились было к щелям, но самолеты, вдруг развернувшись, взяли курс на юг. И там начали звеньями входить в пике.

На строгом лице генерала появилась улыбка. Ведь враг бросал бомбы на наш ложный передний край.

Не успел рассеяться дым от бомбежки, как яростно ударила неприятельская артиллерия. И сразу же за разрывами снарядов справа и слева от Орловского шоссе показались две группы фашистских танков. В одной было до сорока машин, в другой - более шестидесяти.

Залпами начали бить дивизионы нашей артиллерии. Вражеские танки были атакованы и советскими штурмовиками.

- Порядок! Пока порядок,- удовлетворенно сказал Лелюшенко, не отрывая глаз от полевого бинокля. Минут через десять приказал Катукову ударить во фланг левой группе немецких танков.- А по правой ударим из реактивных минометов,заключил он.- Успели предупредить пехоту о новом виде оружия? Хорошо... Капитан Чумак, видите цель?

Коренастый и длиннолицый капитан щелкнул каблуками, ответил:

- Так точно, товарищ генерал, вижу!

- Давайте огонь!

Бой входил в свою кульминацию.

* * *

"Катюши" ударили точно по лощине, которой вражеские танки и бронетранспортеры приближались к позициям 6-й гвардейской стрелковой дивизии. Ослепительные космы голубого пламени осветили все окрест. Раздался такой звук, будто сотни паровозов начали одновременно продувать свои топки. Земля задрожала, лощина превратилась в море огня.

Уже потом, после боя, поздно вечером, один из пленных гитлеровских офицеров скажет:

- Это был ад. На танках горела броня. Горела земля. Горели люди. Нигде и никогда ничего более страшного никто из нас не видел и не испытал. Ужас охватил всех. Я не понимаю, как сам

остался жив...

Сражение как бы приостановилось. Удар гвардейских минометов внес в ряды противника растерянность, а в иных местах даже панику. Но Лелюшенко понимал, что враг далеко не сломлен, что скоро он придет в себя и вновь повторит атаку. Поэтому временную передышку командир корпуса использовал для ускорения подвоза боеприпасов, подтягивания резервов, приказал артиллерии занять новые, более выгодные позиции. Связался с авиаторами и проинформировал их об обстановке.

Угадать, предвидеть следующий шаг врага - одно из обязательных качеств хорошего военачальника. Д. Д. Лелюшенко, как показали дальнейшие события дня, верно разгадал замыслы Гудериана.

В час дня немецкая авиация тремя волнами снова атаковала наш передний край. Злее прежнего ударила вражеская артиллерия.

- А теперь надо снова ждать появления танков,- сказал Лелюшенко своему заместителю генералу Куркину.

- А вон и они! - почти тут же воскликнул Катуков.

На этот раз танки шли не группами, а компактно, намереваясь, видимо, протаранить советскую оборону в самом центре.

- Не менее сотни, если не больше,- попытался было подсчитать машины генерал Куркин.

Налетевшие советские штурмовики несколько расстроили боевой порядок танковой армады, но не остановили ее. С левого фланга сообщили, что фашисты уже подошли к Зуше и начали растекаться по берегу этой реки к востоку, заходя в тылы нашему авиадесантному корпусу.

- Соедините меня с Сорокиным! - приказал Лелюшенко. И к Куркину: - Вас, Алексей Васильевич, прошу проехать к артиллеристам. Берите оба дивизиона - и как можно быстрее на помощь десантникам. Пияшева поверните фронтом на запад.

Телефонист подал трубку:

- У аппарата Второй.

- Константин Леонтьевич! Лелюшенко. Немедленно стяните все ваши танки и ударьте противнику во фланг. Передайте майору Рафтопулло, что сейчас успех боя почти на все сто процентов зависит от него.

Но даже и эти меры не остановили противника. Посеревший от напряжения Лелюшенко подозвал к себе Катукова. Я ждал, что вот сейчас он примет решение отвести части корпуса на новый рубеж. Но в это время комиссар танковой бригады М. Ф. Бойко, следивший за полем боя в трофейный цейсовский бинокль, вдруг

радостно закричал:

- Смотрите, товарищи, смотрите! С тыла фашистов атакуют наши танки! Это тридцатьчетверки!..

Генерал Д. Д. Лелюшенко уже после войны так вспоминал об этом эпизоде:

"На войне случаются всякие неожиданности. В самый тяжелый момент в тылу наступающих немецких танков внезапно появились наши тридцатьчетверки и стали в упор расстреливать фашистские машины. В боевых порядках врага началось смятение. Откуда это своевременное подкрепление?

Выручил нас... Александр Бурда. Он со своей ротой вышел все-таки из фашистского тыла, где вел разведку, и повел машины на гул сражения. Дерзко ударил по боевым порядкам и штабу 4-й немецкой танковой дивизии. Атака подразделения Бурды была ошеломляющей. Фашисты, по-видимому, решили, что их окружают, и стали отступать..."

Но это - после войны. А тогда, в сорок первом, едва утих гром боя, генерал обернулся ко мне и устало сказал:

- Видели, какой напор врага выдержали? И вот так - каждый день, уже шестые сутки...

Вечером я разговаривал со старшим лейтенантом Александром Федоровичем Бурдой, ставшим впоследствии Героем Советского Союза. Выше среднего роста, широкоплечий, с почти круглым лицом, на котором несколько выделялся крупноватый нос, он всем своим видом являл недюжинную силу и твердый характер. Сын шахтера и сам шахтер, Бурда командовал танковой ротой еще в боях на Украине. Там его подразделение вывело из строя девять машин противника.

- Значит, с врагом встретились не впервые?

- Какое там впервые! Знаю этих извергов хорошо. Как оказался у них в тылу? Сначала, как полагается, был приказ,- рассказывал Бурда.- Мне с ротой и десантом автоматчиков приказали разведать, что за силы противника располагаются в Орле и какие у этих сил дальнейшие планы... Двинулись к Орлу. Потом были бои. Однажды из лесочка, где мы остановились, увидели приближающуюся колонну противника - три танка, пять бронетранспортеров, четыре транспортные машины и два орудия. Тоже вроде разведки. Они нас не заметили, ну мы и накрыли их. В портфеле убитого офицера нашли карту с оперативной обстановкой. Я ее тут же отослал в бригаду.

Были еще две стычки, и обе кончились в нашу пользу. Возвращаясь к своим, услышали сильную пальбу и поняли, что у Мценска идет бой. С тыла и ударили по фашистам...

Помолчал. Наверное, ждал очередных вопросов. Но мне

хотелось, чтобы он сам продолжил рассказ. И он продолжил:

- Бить их можно, если, конечно, с умом к этому делу подойти. Они ведь числом берут... Отличившихся людей я назову вам потом, когда посоветуюсь с политруком.

Потом я долго и с большим интересом следил за боевой судьбой этого замечательного танкиста. А. Ф. Бурда отважно сражался под Волоколамском. В Курской битве успешно командовал танковым полком. И погиб геройской смертью в огне Корсунь-Шевченковской операции, ведя в бой уже 64-ю гвардейскую бригаду.

Поздно ночью в штаб вернулся бригадный комиссар К. Л. Сорокин. Тот самый Сорокин, который был начальником оргинструкторского отдела политуправления Забайкальского военного округа, а затем начальником политотдела 16-й армии. Тот самый Константин Леонтьевич, с которым я жил в Чите в одном доме, на одной лестничной клетке.

Высокий, с мужественным лицом, со строевой выправкой выпускника военного училища, Сорокин начал служить в Красной Армии с 1920 года. И сейчас никто не верил, что бригадному комиссару уже за сорок, что он двадцать один год в партии,- так молодо выглядел Константин Леонтьевич, так был энергичен и подвижен.

Радость нашей встречи, к сожалению, была омрачена известием о гибели Николая Власенко, которая так потрясла Сорокина, что он несколько минут не мог вымолвить ни слова. Говорят, что коммунисты не плачут. Это не совсем так. Я сам видел, как Сорокин, никого не стесняясь, вытер глаза платком...

- Редких большевистских качеств был человек,- сказал он, несколько уняв горе.- Блестяще владел даром слова и убеждения. А как он умел слушать и ценить людей!

К. Л. Сорокина прервал телефонист:

- Вас, товарищ бригадный комиссар. Генерал Петров...

- Слушаю, Константин Иванович...

Звонил командир 6-й гвардейской стрелковой дивизии, которая еще днем вместе с танкистами Катукова, полком пограничников Пияшева и артиллеристами выдержала основную тяжесть удара противника.

- Так... Так... Да, слушаю...- повторял Сорокин, и лицо его с каждой минутой суровело.- А на месте боя были? Неужели ни одного, хотя бы раненного? Что ж, Константин Иванович, всем сердцем разделяю твою скорбь. И горжусь твоими людьми! Потеря действительно тяжелая. Но верю, народ в свое время поставит им величественный памятник. Обязательно поставит! И золотыми буквами...

Никто не осмелился нарушить тишину, наступившую в комнате, когда Константин Леонтьевич положил телефонную трубку. Он долго стоял, сложив руки на пряжке ремня. Затем побарабанил по столу пальцами. И только после этого заговорил:

- Рота под командованием старшего лейтенанта Николая Васильевича Бондарева, которому я лишь вчера утром вручил партбилет, полностью погибла, но не оставила своего рубежа. В распоряжении командира были два противотанковых орудия. Рота из этих орудий, а также связками гранат и бутылками с горючей смесью уничтожила двенадцать танков... На месте боя - следы рукопашной схватки. Дрались даже раненые...

Итак, пробыв в корпусе Д. Д. Лелюшенко два дня, мы с блокнотами, в которых исписали все страницы, вернулись в Тулу. Отсюда была устойчивая связь с Москвой, а значит, и с редакцией нашей газеты. От нас ждали материалов. И они у нас были. Первый - о роте старшего лейтенанта Н. В. Бондарева...

* * *

Рано утром 15 октября мы с Кнорингом прибыли в Москву. Нас срочно вызвал сюда редактор.

Редакция с улицы Чехова переехала тем временем на площадь Коммуны, в подвальное помещение театра Красной Армии. Секретариат, отделы, руководящие работники разместились в комнатах, похожих на залы. Просторно, но дневного света нет. Еще одно неудобство состояло в том, что далеко типография.

Но зато - безопасно. При частых воздушных тревогах редакция могла спокойно продолжать работу.

Первым, кого мы встретили в коридоре, был батальонный комиссар Л. А. Высокоостровский, который, как оказалось, тоже только что прибыл с Северо-Западного фронта. Я спросил, чем, по его мнению, вызвано столь внезапное приглашение в Москву.

- Понятия не имею. Мне вот тоже приказали немедленно явиться. А зачем - не знаю. Идем к Карпову, узнаем у него,- предложил Высокоостровский.

Зашли к ответственному секретарю редакции Александру Яковлевичу Карпову. Небольшого роста, уже начавший полнеть, старший батальонный комиссар тем не менее был еще очень подвижен, энергичен. В редакции его одновременно и любили и побаивались - иногда он бывал довольно крут с людьми. Но, как говорится, по делу.

Карпов нас встретил по-дружески, сейчас же угостил чаем и "Казбеком", но сказать о причине вызова не смог.

- Сам не знаю, друзья, честное слово, сам не знаю,- развел руками Александр Яковлевич.

Но мы ему, конечно, не поверили. Чувствовалось, что ответсекр что-то скрывает.

Наконец в час дня нас всех позвали к Д. И. Ортенбергу. Редактор дождался, пока мы рассядемся, и сказал:

- Решением правительства из Москвы эвакуируется часть учреждений и промышленных предприятий. Выезжают в Куйбышев большинство работников "Правды" и "Известий". Нам тоже предложено разделиться на две группы. Одна поедет в Куйбышев, другая - оперативная - останется в Москве и будет продолжать выпускать газету. Сейчас товарищ Карпов зачитает приказ по редакции.

Я посмотрел на товарищей, которые за месяцы войны стали мне еще роднее и ближе. Вот сидят Леонид Высокоостровский, Александр Поляков, Михаил Зотов, Савва Дангулов, Сергей Лоскутов, Михаил Головин, Евгений Габрилович, Александр Кривицкий, Валентин Доброхвалов, Зигмунд Хирен... На лице каждого можно легко прочесть затаенную тревогу. И хотя Ортенберг был очень осторожен в выражениях и ничего конкретного об ухудшении обстановки под Москвой не сказал, все, конечно, догадались об истинной причине столь поспешной эвакуации редакций из столицы...

Среди выезжающих в Куйбышев были названы имена заместителя редактора Шифрина, начальников отделов Хитрова, Готовского, Ерусалимского, писателей Эренбурга, Гроссмана, специального корреспондента Гехмана и других.

И у отъезжающих, и у остающихся в Москве и на фронте настроение сразу же упало.

Закрывая собрание, Д. И. Ортенберг попросил фронтовых корреспондентов остаться. С нами он был более откровенен.

- Враг продолжает продвигаться к Москве. Пока его остановить не удалось... Вам, самое позднее завтра утром, надо отправиться на свои участки фронта. Хочу еще раз повторить то, что говорил уже не один раз: самое главное у вас - связь с редакцией. Где бы вы ни были, ищите возможность связаться с ней.

Помолчал, оглядывая нас. И закончил бодрым голосом:

- Носы не вешать! Я верю, что все будет хорошо и мы с вами еще встретимся здесь, в редакции.

* * *

Рано утром, еще затемно, наша новая эмочка помчалась в Тулу. 19 октября были уже в поселке севернее Плавска. Здесь, в поисках штаба 26-й армии, неожиданно стали свидетелями солдатских похорон. Поставили машину между деревьями и подошли к группе бойцов, окруживших почти уже засыпанную

могилу, вырытую под березой. Красноармейцы, их было четверо, работали лопатами, досками, выломанными из стоящего неподалеку забора, а то и просто руками. Им помогали два подростка и три пожилые женщины. Наш водитель Бураков тотчас же сбегал к машине и принес еще две лопаты. У него же нашелся и топор, чтобы вытесать столбик, к которому прибили дощечку. На ней уже было написано химическим карандашом: "Здесь покоится воин Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды и медалей "За отвагу" и "За боевые заслуги" бронебойщик Потапов Василий Семенович. Родился в 1915 году. Погиб от вражьей бомбы 19 октября 1941 года".

- Надо бы написать, какой он части,- сказал я красноармейцу, который показался мне старшим по возрасту.

- Говорят, что не полагается. Военная тайна.

Тогда я предложил произвести ружейный салют, чтобы был полностью соблюден воинский ритуал.

- Вот с этим давайте погодим,- ответил боец.- Хочу прежде речь сказать на прощание. Объявите, товарищ старший политрук, что будет говорить Иван Маркелов.

- Слово имеет товарищ Маркелов,- не очень громко сказал я.

Пожилой красноармеец вскинул забинтованную голову к небу, затем поглядел направо, налево и заговорил:

- Красивая здесь земля, товарищи. И хороним мы на ней тоже красивого человека, члена Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Такого красивого человека, которого, будь они сейчас живы, не могли бы не описать в своих книгах ни уважаемый граф Лев Толстой, ни писатели Тургенев и Лесков... Только вот нынче-то по этой земле бегут огненные и Дымные версты. От Орла их, значит, не менее девяноста, от Десны все триста, а от Днепра и Буга и того больше. И на каждой версте, считайте, за эти месяцы выросли десятки, а то и сотни таких-то могил, в которой мы только что погребли нашего дорогого Василия Семеновича Потапова. Очень много могил! Но я уверен, что не зря полегли эти советские люди!..

Возьмем Василия Семеновича. Вот его орден Красной Звезды.- Боец вынул из кисета орден и показал его всем.- Этот орден дан ему за немецкий танк и четырех фашистов, которых он сжег в этом самом танке. Вот медаль "За отвагу". Ее Василию Семеновичу Потапову вручили за уничтожение фашистского штабного броневика, на котором ехал ихний майор. Медаль "За боевые заслуги" получена им за рукопашный бой, в котором он свалил троих вражеских солдат...

А сколько Василий уничтожил этих гадов без наград - ни он, и никто другой не считал. Три раза его ранило в боях, и три раза

он не ходил ни в санбат, ни в госпиталь. И уж когда миной перебило ему руку., то сказал: "Теперь, пожалуй, самое время подлечиться..." И вот тут этот подлый стервятник окончательно оборвал Васину жизнь...

Женщины тихо всхлипывали. Подростки склонили головы. Бойцы тоже нахмурились. А оратор между тем закончил:

- Вечная и славная память тебе, наш дорогой Василий Семенович! Не сомневайся, друг, что эти огненные версты, которые стали и еще станут могилами для многих из нас, сожгут, испепелят всех до единого ненавистных гадов! Спасибо тебе за замечательную жизнь, за великие солдатские подвиги!

Холмик над могилой мы еще раз поправили. Затем дали провальный салют из винтовок.

Я спросил пожилого красноармейца, откуда он, кто по профессии, давно ли на фронте.

- Родом из Сталинграда,- ответил он,- гравер, мобилизован 22 июня.

Вручил мне кисет с наградами и документами убитого, сказав, что мне виднее, кому их сдать. Спросил, не сумеем ли мы подбросить его с товарищами до первого санбата или госпиталя, потому как все они ранены. Я согласился.

Кое-как разместились в эмке, поехали. Госпиталь нашли в городе Чернь. А затем вернулись в Плавск. Здесь в небольшом пригородном поселке стоял штаб 26-й армии. Она, эта армия, была создана на базе гвардейского корпуса Д. Д. Лелюшенко.

Редакция поручила мне помочь командующему 26-й армией генерал-майору Алексею Васильевичу Куркину подготовить статью о боях на тульском направлении. Но в штабе сказали, что командующего до утра не будет. Пришлось ждать.

Утром 20 октября А. В. Куркин действительно вернулся из войск. Приехал усталый, с серым лицом. Как-то боком присел на стул, и мне показалось, что он ранен. Бригадный комиссар К. Л. Сорокин позднее подтвердил мою догадку. Сам же командарм ни словом не обмолвился об этом.

- Статью, я думаю, надо начать с характеристики сторон на третье октября, когда мы только начали бои под Орлом,- заговорил Алексей Васильевич довольно бодрым голосом, что меня конечно же обрадовало.- В общих чертах эта характеристика известна и вам, я же хочу особо подчеркнуть, что Гудериан здесь, под Мценском, выполняет часть общего плана фашистского наступления на Москву. Корпус Дмитрия Даниловича Лелюшенко, который поехал от нас командовать армией, сыграл свою положительную роль. Я бы даже сказал - большую роль! Учтите, сегодня двадцатое октября, а наши части все еще на реке

Зуша...

Самыми теплыми словами хочу отозваться о смелых и грамотных действиях четвертой танковой бригады, которая недавно преобразована в первую гвардейскую, а ее командир Михаил Ефимович Катуков стал генералом. Эту бригаду, правда, от нас отозвали, и теперь она дерется где-то под Волоколамском. Но сказать о ней надо.

Учту в статье и такой момент: Гудериан бросил против нас только часть своих сил, а остальные были заняты боями с окруженными тринадцатой и пятидесятой армиями. А будь у Гудериана в руках вся группа, он нас, несомненно, смял бы. Значит, надо подчеркнуть и роль Брянского фронта, части которого, кстати, сейчас выходят из окружения и вливаются в наши войска...

Сразу скажу, что статья у А. В. Куркина получилась довольно удачной и была напечатана в одном из номеров "Красной звезды".

* * *

23 октября. Мы в Туле. Город с каждым днем приобретает все более прифронтовой вид. На окраинах, особенно на южной и западной, вырыты многие километры траншей и окопов, установлены противотанковые ежи, сооружаются бетонные и земляные огневые точки для орудий и пулеметов. Многие каменные строения тоже приспосабливаются для нужд обороны - окна закладываются мешками с песком, в стенах пробиваются амбразуры. На Орловском и Одоевском шоссе, на проспекте Коммунаров появились баррикады. И всюду - большие и малые бомбоубежища, щели.

Продолжается эвакуация предприятий. У заводских ворот и на вокзале печальные сцены проводов. Плачут женщины и дети, мужчины, их мужья и отцы, тоже прячут влажные глаза.

Создан городской комитет обороны. Во главе его - В. Г. Жаворонков. Зашел к нему поздравить с назначением.

- Это ты зря поздравляешь, дорогой,- с улыбкой ответил он.- Выше звания большевика ничего нет. А вообще-то это назначение, несомненно, принесет пользу, мне теперь можно будет более решительно говорить с военными товарищами.

Зазвонил телефон ВЧ. По разговору я понял: звонят из Москвы, на проводе кто-то из секретарей ЦК партии.

- Могу сообщить последнюю новость,- сказал Василий Гаврилович, положив трубку.- Оборона Тулы возложена на пятидесятую армию. Части двадцать шестой вливаются в эту армию. Командующим назначен генерал Ермаков, членом Военного совета - известный тебе Сорокин, начальником штаба - полковник Аргунов... Высылают нам бронепоезд и полк тяжелой

артиллерии. Обещают свежую сибирскую дивизию.

В кабинет зашел помощник. Жаворонков положил перед ним какую-то бумагу. Мне же пояснил:

- Мы сегодня приняли решение об организации рабочего полка. Сведем в него имеющиеся у нас истребительные батальоны и укрепим политбойцами из партийного актива.

Я спросил Василия Гавриловича, доволен ли обком тем, как центральные газеты освещают бои на тульском направлении.

- Читаем все. Претензий нет. Но тон выступлений, по-моему, должен быть еще тревожней, набатней. Сейчас гитлеровцы имеют возможность нацелить на Тулу все силы Гудериана. А у него одних танков - четыреста!..

Вечером съездил с командующим артиллерией армии полковником К. Н. Леселидзе на позиции зенитных подразделений. Он пояснил, что решил снять зенитки, особенно тяжелые, с прежних огневых позиций и поставить их там, где в город могут войти неприятельские танки. Обаятельный и горячий, как всякий грузин, Леселидзе и в машине произносил такие темпераментные и аргументированные речи, будто перед ним был Военный совет армии, а не я, простой корреспондент "Красной звезды".

- Правда, зенитчики держатся за свое,- развивал он свою мысль.- И по-своему они правы. Их главная задача конечно же состоит в том, чтобы прикрыть город от воздушного противника. Но, слушайте, нельзя же быть консерваторами, а то и просто глупцами! От кого они будут защищать город, если в Тулу ворвутся фашистские танки?!

24 октября состоялось первое заседание Военного совета 50-й армии. На нем, как я узнал, был утвержден план обороны Тулы. Принято и предложение К. Н. Леселидзе об использовании зенитных подразделений для борьбы с танками. А на следующий день бригадный комиссар К. Л. Сорокин, посадив меня в свою машину, поехал проверять, как выполняются решения и указания Военного совета, принятые на вчерашнем заседании.

* * *

В Центральном райкоме партии мы не пробыли и десяти минут. Его первый секретарь А. Н. Малыгин предложил Сорокину лично посмотреть, как возводятся на улицах баррикады, приспосабливаются для нужд обороны каменные дома. Но бригадный комиссар сказал, что он и без этого верит в дисциплинированность и оперативность работников райкома.

- Тут все в порядке. Все идет как надо,- сказал он мне в машине убежденно.

- Почему вы в этом так уверены?

- А вы не понаблюдали за секретарем, когда мы вошли в его кабинет?

- Не догадался.

- Ну вот, а еще журналист! Малыгина же не смутил мой чин, он не заискивал перед старшим начальником. А что это значит с психологической точки зрения? Значит, что перед тобой - человек дела, твердого слова, настоящий большевик! У него, я уверен, и все остальные работники такие. Зачем же мне тратить время на проверку того, что уже сделано и делается?

На заводе, который сваривал противотанковые ежи, нас встретил заместитель директора. Директор, как оказалось, уехал с основным оборудованием на Урал.

- Как дела? - спросил Сорокин.

- За ночь сделали пятнадцать комплектов...

- Покажите.

Замдиректора повел нас в цех, где стояли... три готовых комплекта ежей и работали всего два человека.

Лицо Сорокина налилось кровью. Он гневно спросил:

- Кого же вы обманываете?! Вам дала поручение Родина, а вы объективно способствуете врагу! Да вас за это следует немедленно арестовать и судить судом военного трибунала!

Нерадивый руководитель был на грани обморока, мне даже пришлось поддержать его под руки.

- Про трибунал я не зря упомянул,- сказал уже мягче Сорокин.- Вечером у вас будут товарищи из обкома партии. Если дело не поправите - пеняйте на самого себя!

Поехали дальше. У Кремля немецкие самолеты сбросили несколько бомб. Были разрушены два дома.

- Стоп! - скомандовал Сорокин водителю.- Забери отсюда раненых - и в госпиталь. Скорее, товарищи, скорее...

В легковую машину класть раненых было неудобно. Сорокин тут же опустил спинки передних сидений, и эмка превратилась почти что в санитарную машину.

- Запачкаем все кровью, товарищ бригадный комиссар, - заикнулся было водитель.

- Кровь - это жизнь! Поезжай в первый же госпиталь - и мигом обратно. Пусть пришлют сюда и свой транспорт.

...Между Тулой и Косой Горой, в реденьком лесочке, зенитчики устанавливали свои пушки, готовя их к бою с танками противника. Еще издали мы заметили на шоссе двух командиров.

- Это кто там? - спросил Сорокин.

- Похоже, полковник Леселидзе и лейтенант Волнянский определяют расстояния до намеченных ориентиров...

- Вот это дело,- сказал бригадный комиссар и пошел к

артиллеристам. Через четверть часа вернувшись к машине, он сказал подошедшему политруку зенитной батареи М. И. Сизову:

- Соберите-ка на минутку людей...

Зенитчики с любопытством окружили нашу машину.

- Митинговать, товарищи, некогда,- заговорил Сорокин.- Вчера враг прорвал наши позиции у Плавска и Белева. Не сегодня-завтра он может оказаться у стен Тулы. Буду откровенен с вами: сил у нас тут не густо. На вас Военный совет армии, Советская Родина возлагают великие надежды. Зенитный снаряд пробивает броню любого фашистского танка. Это я видел собственными глазами еще в боях у Смоленска. Чувствуете, какое грозное оружие доверено вам? Ни шагу назад! Ни одного вражеского танка не пропустить к Туле - вот ваша святая задача! Все понятно, товарищи?

Раздались возгласы:

- Понятно, товарищ бригадный комиссар!..

- Постараемся!..

- Мы им тут устроим русскую баню!..

У здания обкома партии Сорокин сказал мне:

- Здесь я тебя высаживаю. Мне нужно еще с Жаворонковым кое о чем посоветоваться...

Вылез из машины. Пешком вернулся в штаб. Здесь нашел возможность представиться новому командующему 50-й армией генерал-майору А. Н. Ермакову и начальнику штаба армии полковнику Е. Н. Аргунову. Оба они - опытные военачальники, закаленные фронтовики. Генерал Ермаков показал высокое искусство в оборонительных боях на Центральном и Брянском фронтах. Е. Н. Аргунов имел академическое образование и с успехом исполнял обязанности начальника оперативного отдела двух фронтов. Вышел из вражеского окружения вместе с войсками 50-й армии, заменив в боях погибшего командарма.

Позже у нас, корреспондентов "Красной звезды", установятся довольно хорошие, просто-таки доверительные отношения с А. Н. Ермаковым и Е. Н. Аргуновым. А сейчас же разговор получился официальным. Правда, мне разрешили поприсутствовать вечером при докладе полковника К. Н. Леселидзе. Тот рассказал, как расположены и какие задачи получили артиллерийские подразделения.

- Командование ПВО пожаловалось начальнику Генерального штаба товарищу Шапошникову на наше самоуправство и превышение власти Военным советом армии,сказал ему Ермаков. И добавил: - Маршал, однако, одобрил наше решение насчет использования зениток против танков как единственно правильное в создавшейся ситуации.

Леселидзе радостно улыбнулся.

* * *

30 октября. Я снова в Москве. Еще вчера утром меня вызвали сюда из Тулы, чтобы написать очерк о генерале К. К. Рокоссовском. Этот материал был заказан Советским информационным бюро и предназначался для иностранной прессы.

...Выехали сразу же. Фронтовая дорога жила своей обычной жизнью. Недалеко от Подольска нашу машину остановил военный, одетый уже по-зимнему, в овчинный полушубок.

Шофер спросил его:

- Тебе куда, дорогой?

- Никуда. Ты мне вот папиросу помоги скрутить. Левая рука еще не подчиняется...

Познакомились. Военный назвался старшиной Федором Петряковым и оказался одному из нас земляком - волжанином. Был он высок, крепко сбит и в разговоре, как все волжане, окал. Ранен в руку. Перед войной окончил школу, работал на заводе в Саратове, а потом был послан по партийной мобилизации в деревню. Оттуда-то его и призвали в армию. Артиллерист. Войну встретил в районе Бреста.

- Из госпиталя?

- Будто бы так,- загадочно ответил старшина и подал мне какую-то бумажку. В ней комиссар оборонительного района писал в артиллерийский полк, что раненный в руку старшина Федор Степанович Петряков добровольно ушел из госпиталя на строительство укреплений, где показал себя авторитетным командиром и квалифицированным сапером.

Когда я произнес слово "квалифицированным", Петряков рассмеялся:

- Да какой же я сапер! В деревне немного баловался топором. Правда, в окружении приходилось делать все... Скажут же - квалифицированный сапер!..

Иду, вижу: работают девушки и женщины,- рассказывал далее Петряков.- Но копать-то землю не умеют, на ладонях - кровавые мозоли. Некоторые чуть не плачут. Дай, думаю, помогу женщинам. И помог. Самому тоже было не очень-то легко. Но ведь - мужчина! Выдержал. Рука болела, ясное дело, но скажите, кто в эти дни не чувствует какую-нибудь боль?

Старшина поинтересовался последними новостями с фронта, и я рассказал ему все, что знал сам.

- Обойдется,- как-то очень уж спокойно сказал Петряков.- Думаю, обойдется, выстоим...

Сразу же скажу, что в дальнейшем это наше случайное

знакомство с Федором Степановичем перейдет в дружбу и читатель не раз еще встретится в книге с рассказами о нем.

...К полудню 29 октября мы с шофером Михаилом Бураковым были уже в Москве, на улице "Правды", куда в очередной раз переехала редакция "Красной звезды". Здесь Д. И. Ортенберг сказал мне, что одновременно с материалами для очерка следует взять в штабе 16-й армии несколько фактов о стойкости частей и подразделений Красной Армии и для передовой статьи, которая будет называться "Ни шагу назад". И будет еще лучше, добавил редактор, если я уговорю К. К. Рокоссовского дать такую передовую за его подписью.

В третьем часу дня мы снова в пути. Миновали метро "Сокол" и выехали на Волоколамское шоссе. Это шоссе было гораздо оживленнее, нежели Тульское. Но и опаснее. Несмотря на пасмурную погоду, в небе то и дело появляются фашистские "мессершмитты" и "юнкерсы". Два или три раза нам пришлось выскакивать из машины и бросаться в мокрые кюветы: шоссе атаковали вражеские самолеты.

Примерно через час свернули с шоссе и в маленькой деревушке, среди леса, разыскали штаб армии. Командарма на месте не оказалось. Он был в войсках. Но о том, что мне поручено писать очерк о Рокоссовском и взять факты для передовой статьи, в штабе уже знали. Меня провели в горенку одного из домов, куда вскоре зашли член Военного совета дивизионный, комиссар Алексей Андреевич Лобачев и начальник штаба генерал-майор Михаил Сергеевич Малинин. Оба выглядели сильно утомленными.

И это было понятно. 16-я армия в том составе, в котором она вела сейчас бои с врагом на волоколамском направлении, имела до обидного мало сил. В нее входили 316-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор И. В. Панфилов, курсантский полк, где командиром был полковник С. И. Младенцев, кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора, несколько артиллерийских полков и специальных подразделений. Но генерал К. К. Рокоссовский и его штаб, правильно разобравшись в обстановке, определили, что наиболее угрожаемым является участок в двенадцати - пятнадцати километрах от Волоколамского шоссе. Там-то и заняла оборону дивизия генерал-майора И. В. Панфилова. Сюда, естественно, было обращено и основное внимание командарма.

Об ожесточенности атак врага на этом участке свидетельствует хотя бы тот факт, что, например, только 18 октября оборона полков дивизии Панфилова была атакована сразу ста пятьюдесятью танками противника.

И все же, несмотря на упорство наших войск, фашисты 27 октября овладели городом Волоколамском...

- Таковы наши дела на сегодня,- закончил свой рассказ М. С. Малинин.

- Как видите, нам очень и очень трудно,- добавил дивизионный комиссар А. А. Лобачев.

И это было так.

* * *

К. К. Рокоссовский вернулся в штаб довольно поздно. Долго отказывался от разговора со мной, ссылаясь на занятость, говоря, что очерки надо писать не о генералах, а о бойцах, которых в армии тысячи. Но дивизионный комиссар Лобачев все-таки убедил его выполнить просьбу "Красной звезды".

- Хорошо,- сказал наконец Константин Константинович.- Поговорить поговорим, раз это так необходимо. Но никаких передовых я писать и подписывать не буду. Я приказываю войскам: ни шагу назад. Это приказ военачальника. Призывать же в газете к этому должны другие авторы - рядовые бойцы, отличившиеся в боях командиры...

На этом и порешили. Рокоссовский коротко рассказал мне свою биографию типичную для наших советских полководцев. Я быстро записывал, чтобы потом использовать данные для очерка о нем.

- А теперь я вот здесь, где вы меня видите,- закончил Константин Константинович.- Время для Отечества тяжелое, но, думаю, не безвыходное. Враг еще силен, но это уже не тот враг, который 22 июня начал войну. Цвет немецко-фашистской армии выбит еще на полях Прибалтики, Белоруссии, под Ленинградом, у Смоленска, Киева и Одессы, у Брянска и под Москвой. Мы нанесли врагу очень сильный урон. Допускаю, что фашисты еще могут добиться каких-то отдельных успехов. Но только не решающих...

Рокоссовский сделал паузу. И вдруг спросил:

- У вас карта есть?

Я подал ему карту Подмосковья. Генерал взглянул на нее, вернул карту и позвал адъютанта.

- Почему нет моей карты Европы?

Адъютант сделал шаг назад.

- Сходите в оперативный отдел,- остановил его Рокоссовский,- и попросите склеить две карты Европы. Для меня и корреспондента.- И мне: - Без перспективы воевать нельзя. Надо видеть весь возможный театр войны. Вы что думаете, мы, Красная Армия, не будем в Берлине? - И тут же опять вернулся к мысли, которую уже высказывал: - У врага уже нет и не может быть тех

сил, которыми он начал войну. А наши силы...

Он остановился. И мне показалось, что генерал знает, какие у нас есть или собираются силы, но не считает нужным пока говорить об этом.

А. А. Лобачев принес листок с фактами для редакционной передовой. Рокоссовский прочитал его и попросил дополнительно внести фамилию одного артиллериста из кавалерийской группы генерала Доватора. Сказал:

- Вот кто должен передовые писать! Его слово будет бить набатом, дойдет до сердец миллионов воинов!

Вернулся адъютант с картой Европы. И я попросил генерала написать на уголке карты его слова о Берлине. Рокоссовский вывел:

"Специальному корреспонденту "Красной звезды" Трояновскому П. И. Воюя под Москвой, надо думать о Берлине. Обязательно будем в Берлине!

К. Рокоссовский. Подмосковье, 29 октября 1941 года".

* * *

1 ноября вернулся в Тулу. Пока был в Москве, ездил в 16-ю армию, здесь уже сложилась еще более трудная обстановка. 29 октября передовые вражеские части подошли к Туле, заняли село и музей-усадьбу Л. Н. Толстого - Ясную Поляну, а также Косую Гору, Ивановские дачи, Ново-Басово и начали артиллерийский обстрел города.

А в седьмом часу утра 30 октября враг двумя колоннами танков и бронетранспортеров предпринял непосредственный штурм Тулы. Командир зенитного полка майор М. Т. Бондаренко, находившийся на передовом наблюдательном пункте, насчитал тогда до ста бронированных машин.

Самая большая тяжесть в эти часы выпала, пожалуй, на долю зенитчиков лейтенанта Григория Волнянского. На огневые позиции двух 76-мм орудий, которыми командовал лейтенант, шло так много вражеских танков, что Волнянский даже сосчитать их на первых порах не сумел. Не было времени. Досчитал до тридцати и бросил, подал команду:

- Бронебойным, прицел... Огонь!

Первыми же снарядами был подожжен один из головных танков. Машина окуталась густым дымом. Но фашисты тут же открыли по зенитчикам ответный огонь.

- Цели выбирать самостоятельно! - командовал Волнянский...

Тридцатая минута боя. Вот падает замертво наводчик первого орудия. Лейтенант сам встает на его место.

- Огонь!

Двенадцать вражеских машин горят уже на шоссе и его

обочинах. Но натиск гитлеровцев не ослабевает. Все новые и новые их танки идут на зенитчиков. Лейтенант насчитал теперь уже сорок машин.

- Огонь!

Подбито еще три танка. И в это время из ближайшей машины ударил пулемет. Лейтенант Волнянский схватился за грудь и упал на руки политрука Михаила Сизова.

- Гриша! Лейтенант! Гриша!

Но лейтенант уже не слышал голоса политрука. Не мог слышать: пуля сразила его насмерть...

А у ликеро-водочного завода дрался с врагом огневой взвод лейтенанта Милованова. Уже во время первой атаки его зенитчики уничтожили четыре танка и два орудия противника...

Итак, первый натиск дивизий Гудериана на Тулу был отбит на всех участках. Но в десять часов утра противник предпринял второй. На этот раз ему удалось несколько потеснить рабочий полк, а к 14 часам занять Рогожинский поселок.

Залпами бил по вражеским танкам бронепоезд. Героически дрался полк НКВД. Не знали отдыха дивизионы тяжелых орудий майора А. А. Маврина...

Здесь следует сказать, что еще в 7 часов утра на станцию Хомяково, что под Тулой, прибыл первый эшелон 32-й танковой бригады. Соединение имело всего пять танков КБ, семь Т-34 и двадцать два танка Т-60. Но в тех условиях, в которых оказалась Тула, и это было большим подспорьем.

Командир бригады полковник И. И. Ющук прямо на станции ставил боевые задачи своим батальонам и ротам. И в 13 часов они уже вступили в бой.

Да, тяжелым был для Тулы этот день 30 октября. Враг четырежды накатывался стальными волнами на город. Но потеряв тридцать один танк, фашисты так и не достигли сколько-нибудь значительного успеха.

С рассветом 31 октября атаки врага возобновились.

Танки и мотопехота Гудериана снова волнами шли на город, перенося удары с одного участка на другой. Усилился артиллерийский обстрел. Чаще на Тулу налетали фашистские самолеты.

Но и она, Тула, тоже наращивала силы. В город пришел дивизион гвардейских минометов - "катюш". Первым его залпом было уничтожено пять вражеских танков и до роты солдат. Рядом с рабочим полком встал 473-й стрелковый полк под командованием полковника М. П. Краснопивцева. Занял позиции 702-й истребительный артиллерийский полк резерва Главного командования.

А самой весомой помощью защитникам Тулы было прибытие сюда 413-й стрелковой Сибирской дивизии, которой командовал генерал А. Д. Терешков. Соединение насчитывало двенадцать тысяч стрелков, артиллеристов, минометчиков и саперов. Люди - как на подбор, один к одному, хорошо вооружены. Молодые, горячие.

Словом, Тула готовилась стоять насмерть.

* * *

Штаб тульского рабочего полка разместился в подвале полуразрушенного каменного дома. Собственно говоря, штаба как такового пока еще не было, имелась просто небольшая группа людей, в меру своих возможностей помогавших майору А. П. Горшкову.

Сам майор сидел за столом, склонившись над картой, и показывал капитану-артиллеристу из 702-го артполка цели, выявленные в боях за эти дни.

- Если бы не артиллерия, то, право, не знаю, что стало бы с моим полком... Люди-то необстрелянные, а тут - самолеты, танки, автоматчики,- говорил мне Горшков, водя карандашом по карте. И - капитану-артиллеристу: - Вот здесь, по шоссе и рядом с ним, самые танкоопасные направления. Еще вот тут, от Рогожинского поселка. Там у них тоже танки...

Артиллерист быстро помечал все это на своей карте. А А. П. Горшков, снова обратившись ко мне, сказал извиняющимся тоном:

- Еще несколько минут, и я буду в вашем распоряжении.

Наконец он встал из-за стола. И я только сейчас увидел, какой же майор все-таки высокий. Туго затянутый ремнями, он имел вполне спортивный вид. Я уже знал, что, несмотря на свою относительную молодость, А. П. Горшков уже успел пройти хорошую партийную-и чекистскую школу. А вот сейчас ему доверено командование полком. Да и каким полком!

Майор пригласил меня поближе к столу, сказал:

- Мне уже звонил Василий Гаврилович Жаворонков. Готов отвечать на ваши вопросы.

Я попросил его рассказать о составе и задачах вверенной ему части.

...Полк был организован в последних числах октября постановлением Тульского городского комитета обороны, В него вошли истребительный батальон строительно-монтажного треста численностью 110 человек, истребительный батальон косогорского металлургического завода - тоже 110 бойцов, батальоны Центрального и Заречного-районов - по 80 человек в каждом, кавалерийский эскадрон в 50 сабель и другие мелкие

ополченческие подразделения. Всего же к началу боев полк насчитывал около 1200 бойцов и командиров. Комиссаром к А. П. Горшкову был назначен старый большевик, участник гражданской войны, орденоносец, начальник треста "Черепетьуголь" Г. А. Агеев.

- Вооружением полка похвастаться не можем,- рассказывал далее майор.Винтовки, правда, есть у всех, а вот пулеметов мало. Противотанковых ружей было двадцать, сейчас осталось двенадцать. Очень плохо с патронами для этих ружей...

27 октября полк по приказу начальника гарнизона и городского комитета обороны занял свой участок обороны: южная окраина Тулы от высоты 225,5 и до Воронежского шоссе.

- Как видите,- продолжал А. П. Горшков,- участок приличный, а времени ни на обучение личного состава, ни на совершенствование обороны враг нам не предоставил.

И действительно, 30 октября, примерно в 7 часов-30 минут утра, в районе кирпичного завода показались первые танки противника. Майор насчитал более 30 машин. Враг с ходу открыл огонь из пушек и пулеметов. Артиллерия, приданная полку, тоже начала стрелять. Правда, непосредственно в боевых порядках части находилась всего лишь одна батарея. С ней много не сделаешь. Горшков запросил помощи.

По его заявке открыли огонь артиллеристы, расположенные в Кировском поселке. Но и это не остановило врага. Его танки приближались. И тогда бойцы встретили их гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Первая атака врага совместными усилиями полка и артиллеристов была отбита.

В 12 часов дня - вторая атака, еще более мощная. Ей предшествовала авиационная и артиллерийская подготовка. На этот раз фашистам удалось расчленить батальоны полка и оттеснить их на восточную окраину Рогожинского поселка.

Следующие двое суток противник атаковал и днем и ночью. В течение их полк только своими силами сжег пять фашистских танков. Много машин врага подбили и артиллеристы. Но и батальоны понесли тяжелые потери. В частности, погиб комиссар полка старый большевик Г. А. Агеев...

На улице загрохотали взрывы. А. П. Горшков прервал свой рассказ и приказал телефонисту:

- Соедини меня со вторым батальоном.- И - нам: - Похоже, готовится новая атака...

Командир 2-го батальона сообщил, что из поселка вышло и движется на них двенадцать вражеских танков с десантом автоматчиков.

- Приготовить гранаты и бутылки с зажигательной смесью! -

приказал Горшков.- В первую очередь отсекайте от танков автоматчиков. Окопы не оставлять! Держаться во что бы то ни стало. Вам помогут и артиллеристы.

В такие минуты конечно же не до расспросов, и мы подошли к подвальному окну. Впереди горело какое-то строение, подожженное фашистскими снарядами. И за ним сквозь дым угадывались темные силуэты трех фашистских танков. Вот прямо перед ними встали султаны огня, потом еще и еще...

- Смотрите, начинают разворачиваться наутек! - громко сказал артиллерийский капитан.- А один дымит, подбили... Вон накрыли и другую машину...

Когда первое напряжение боя спало, А. П. Горшков сказал капитану-артиллеристу:

- Передайте благодарность всем расчетам, которые так метко вели огонь по противнику. Причем рабочую благодарность!

Поступило донесение и из 2-го батальона. Там тоже подбито несколько танков, батальон устоял. Выслушав это, Горшков задумчиво произнес:

- Что же, народ с каждым днем все лучше и лучше постигает трудную науку боя. Как точно кто-то сказал: солдатами не рождаются... Дайте срок, и наши металлисты, оружейники, строители, железнодорожники тоже станут хорошими бойцами!..

* * *

Уже 6 ноября. Бои не утихают ни днем, ни ночью. В районе вокзала враг предпринял даже психическую атаку. Пьяные фашисты шли во весь рост, с музыкой и развернутыми знаменами. Наши сосредоточили по ним огонь сразу трех артиллерийских дивизионов. Атака захлебнулась, было уничтожено до семисот гитлеровских солдат и офицеров...

В. Г. Жаворонков пригласил меня побывать на Новотульском заводе. Здесь по инициативе старых рабочих и директора предприятия М. Д. Баженова приступили к изготовлению бронированных колпаков для пулеметных гнезд. Председатель городского комитета обороны лично испытал один такой колпак на пробиваемость бронебойными пулями. На броне - лишь царапины.

- Ну как, Василий Гаврилович, примет Красная Армия наши колпаки? - спросил у Жаворонкова слесарь Ф. Ф. Федоров.

- Сделано по-тульски,- ответил довольный Жаворонков. И в свою очередь спросил: - А каковы ваши ближайшие планы?

- Сейчас собираем старый токарный станок,- сказал Баженов.- Он, правда, чуть ли не со времен Петра Первого, но еще послужит. У нас тут кой-какие новые планы имеются...

Железнодорожники тем временем закончили строительство

нового бронепоезда. У них же в мастерских ремонтировались танки, артиллерийские орудия, пулеметы и минометы.

- Мы на пути к тому, что защитники города не будут испытывать нужды ни в оружии, ни в боеприпасах,- говорил В. Г. Жаворонков.- Рабочая Тула обеспечит их всем необходимым.

Вернулись в обком, который теперь переехал в подвал школьного здания в Чулкове. У дверей кабинета, опираясь на костыли, стоял какой-то боец с забинтованной головой. Жаворонков вдруг кинулся к нему:

- Петр Максимович, живой?!

- С раной небольшой, Василий Гаврилович. Как в той песне поется.

- А почему не в госпитале?

- Да я ж из госпиталя, Василий Гаврилович. Твоим именем поручился...

Жаворонков крепко расцеловал Короткова, усадил на стул.

- Ну рассказывай, как воевал.

- А чего рассказывать-то, Василий Гаврилович? Наверно, не так уж хорошо воевал, раз поддался ему, подлому...

- Не поверю, что плохо воевал.

- Воевал, конечно, как надо. Несколько гадов точно прихлопнул. Но вот и меня достали...

Телефонный звонок на время прервал их разговор. А после того как Жаворонков освободился, Петр Максимович продолжил:

- Но я-то к тебе не с воспоминаниями, товарищ секретарь обкома, пришел. С предложением. Хочу снова пойти на завод. Ты, я слышал, клич по этому поводу пенсионерам бросил. Вот и возьми меня из госпиталя. Пойду хоть бригадиром, хоть мастером. У меня же ни руки, ни глаза не тронуты.

- А не трудно будет?

- Выдюжу, Василий Гаврилович! Ты мне дело дай, сразу поправлюсь.

- Что ж, договорились. И спасибо тебе, Петр Максимович. Партийное спасибо! Такой человек, как ты, очень нам на заводе нужен... От сыновей вести есть?

- Гриша, старший, прислал недавно письмо. Он сейчас тоже в госпитале. В Горьком. Награжден орденом Красного Знамени...

- Ну вот, видишь, весь в тебя, Петр Максимович! Оно и то: у большевика и дети орлами вырастают!

Слушая этот их разговор, я время от времени делал пометки в своем рабочем блокноте. Знал, что напишу о П. М. Короткове очерк.

* * *

21 ноября мне снова пришлось оставить Тулу и выехать в

Москву. И виновницей этого вызова опять оказалась 16-я армия. Дело в том, что на днях командующий артиллерией этой армии генерал-майор В. И. Казаков позвонил по ВЧ главному редактору "Красной звезды" и сообщил, что у них совершен подвиг, равного которому он, уже опытный артиллерист, право же, не встречал. Попросил срочно откомандировать к ним Алексея Толстого или Николая Тихонова, Петра Павленко или Константина Симонова. Но тут следует сказать, что Д. И. Ортенберг всегда с большой осторожностью относился к таким, как он выражался, "сенсационным" случаям. К этой осторожности, кстати, его приучила сама фронтовая действительность. Ведь бывало, что Петр Андреевич Павленко или Константин Михайлович Симонов срочно выезжали по таким вот звонкам или телефонограммам и оказывалось, что их авторы пользовались... в лучших случаях просто непроверенной информацией. К тому же ни Тихонова, ни Павленко и ни Симонова как раз в редакции не оказалось, и редактор вспомнил о моей недавней и удачной поездке в армию К. К. Рокоссовского. И это послужило главной причиной для моего вызова из Тулы.

Короче говоря, на следующий день я уже сидел перед командующим артиллерией 16-й армии генералом В. И. Казаковым и внимательно слушал его рассказ о действительно выдающемся подвиге рядового артиллериста.

...В 3-й батарее 694-го противотанкового артиллерийского полка служил в орудийном расчете вторым номером молодой красноармеец Ефим Дыскин, юноша из Брянска, который только летом 1941 года успел закончить среднюю школу.

15 ноября в их батарее, как и в других подразделениях полка, состоялась политбеседа, во время которой политрук Бочаров сообщил, что, по имеющимся данным, на завтра гитлеровцы планируют мощнейшую атаку с применением большого количества танков. В этой связи командарм генерал Рокоссовский обращается с личной просьбой ко всем артиллеристам армии стоять насмерть, не пропустить врага.

- Вы только вдумайтесь в это, товарищи,- взволнованно говорил политрук. Конечно, мы люди военные, привыкли к приказам. Знаем, что приказ есть приказ, его не обсуждают, а исполняют. Но тут - личная просьба командующего, нашего Константина Константиновича Рокоссовского!

На следующий день утром враг действительно пошел в наступление. И случилось так, что примерно через час тяжелейшего боя в 3-й батарее уцелело лишь одно орудие, а из расчетов - лишь красноармейцы Дыскин и Гусев. А на них, лязгая гусеницами, наползают двадцать фашистских танков. По десять

стальных чудовищ на каждого!

В подобной ситуации, казалось бы, решение должно быть одно - спасаться. Но это решение не для советских бойцов! И они дают друг другу клятву умереть, но не покрыть себя позором бегства с поля боя. Дыскин тут же взял на себя обязанности командира и наводчика орудия" Гусев стал подносить снаряды...

Выстрел! Загорелся один танк. Еще выстрел! Задымила другая машина. Но и враг обнаружил одинокое орудие, открыл по его позиции огонь из восемнадцати пушечных стволов...

Гусев упал, подавая очередной снаряд. Дыскин подхватил его из рук погибшего товарища, дослал, долго прицеливался в третий танк. Тот был ближе всех к нему, шел зигзагами, всякий раз сбивая наводку. Но Дыскин попал-таки и в него! После выстрела T-IV вздрогнул, задымил и тут же взорвался.

Теперь уже Ефим Дыскин бросился сам за новым снарядом. И увидел подбегающего политрука Бочарова.

- Живо к орудию! - закричал ему политрук.- Снаряды буду подносить я!

Вернулся, снова припал к прицелу. И в ту же секунду остро обожгло спину. Ранен! Но до боли ли, когда на позицию накатывается четвертый танк?

Этот выстрел Дыскин почему-то не расслышал. Но танк застыл на месте, задымил. И снова адская боль пониже, уже в пояснице. Новое ранение! А перед ним - еще один танк, пятый. И Дыскин бьет по нему почти в упор. И снова удачно.

Боль в бедре (это уже третье ранение!) на мгновение мутит сознание. Но только на мгновение. Дыскин успевает сделать еще два точных выстрела, когда рядом с коротким вскриком падает замертво на землю политрук Бочаров. Ему и хочется броситься к политруку, но восьмой танк - вот он, рядом... И тогда Дыскин, шатаясь, бежит за снарядом, последним усилием воли досылает его в орудие, успевает сделать выстрел и, теряя сознание . от четвертого ранения, валится на станину, все же подметив: попал!

Материал, о Ефиме Дыскине и его удивительном подвиге мы писали вместе с генералом В. И. Казаковым.

Читатель вправе поинтересоваться дальнейшей судьбой героя. Она у него не совсем обычная. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1942 года Ефиму Анатольевичу Дыскину было присвоено звание Героя Советского Союза. Но... посмертно. А Ефим Анатольевич всем смертям назло выжил и даже в 1944 году поступил в Военно-медицинскую академию, которую успешно закончил. Уже в звании полковника медицинской службы стал профессором Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, защитил докторскую диссертацию.

* * *

Где-то в полдень 25 ноября, после долгих странствий по проселочным дорогам, наша машина выехала наконец на Каширское шоссе. Прибавили скорость, начали обгонять тяжело шагавшую пехоту, кавалерийские эскадроны, колонны танков, артиллерийские дивизионы.

Через несколько километров показались высокие дома и трубы какого-то завода.

- Ступино,- объявил шофер.

За городом шоссе, понырял на спусках и подъемах, вскоре уперлось в мост через Оку. На высоком правом берегу реки стояла Кашира. Она манила нас, как место, где мы могли найти более или менее устойчивую связь с Москвой хотя бы на полтора-два часа, чтобы передать материалы о боях в районе станции Ревякино.

Перед мостом решили размять затекшие ноги. Вылезли из машины. Было холодно, дул сильный ветер. Ока уже встала. Только в одном месте, ближе к середине реки, темнела парящая полынья.

- Что такое? Посмотрите! - вдруг с тревогой воскликнул Олег Кнорринг, показывая в сторону Каширы. Я взглянул на город. Над ним вспыхивали в небе черно-белые барашки шрапнели. Да, да, именно шрапнели, а не разрывов зенитных снарядов. Откуда над Каширой шрапнель? Неужели там уже фашисты? Да нет, не может быть! И все же...

Да, враг всеми силами пытался осуществить свой дьявольский план по окружению и последующему уничтожению Москвы. Его дивизии рвались к Химкам, подошли к Лобне, обстреливали Серпухов, перерезали железную и шоссейную дороги на Тулу, заняли Сталиногорск, Венев. А вот теперь появились и у Каширы...

В городе мы, естественно, застали обстановку некоторой нервозности. Ведь враг же на пороге! Жители прятались от обстрела в подвалы, бомбоубежища, другие с детьми и самыми необходимыми пожитками торопились к мосту через Оку.

Неподалеку от пожарной каланчи, что возвышалась в центре города, нам навстречу попался знакомый подполковник И. А. Семенов - представитель Генерального штаба при 50-й армии. Он тоже торопился и, назначив на вечер свидание в райкоме партии, побежал на телеграфную, к аппарату Бодо. Ему нужно было срочно продиктовать телеграмму в Москву, в Генеральный штаб.,

Мы тоже поначалу двинулись за ним, но вовремя поняли: сейчас не та обстановка, чтобы занимать канал связи для передачи наших корреспонденции.

Враг тем временем продолжал обстрел города. Несколько фашистских танков пытались даже ворваться на улицы Каширы, но, встретив дружный отпор зенитного дивизиона, отошли к деревне Пятница.

Как позднее покажут пленные из 3-й танковой дивизии, Гудериан отложил общий штурм Каширы на 26 ноября, так как ожидал подхода подкреплений. Наше командование и Ставка тоже делали все от них зависящее, чтобы отстоять город. Так, вечером 25 ноября в кабинете первого секретаря Каширского райкома партии раздался звонок из Москвы. Звонил И. В. Сталин. Попросил проинформировать его об обстановке в городе и как можно скорее пригласить к телефону генерала П. А. Белова, командира кавалерийского корпуса, части которого как раз подходили к Оке.

Секретарь райкома пообещал сейчас же послать за генералом.

- Сколько времени вам понадобится на эти поиски? - поинтересовался Сталин.

- Двадцать - двадцать пять минут.

В тот момент, когда в Каширу звонил И. В. Сталин, одна из дивизий корпуса, под командованием генерал-майора В. Н. Баранова, уже начала форсирование Оки. Вместе с комдивом переправой этого соединения руководил и генерал П. А. Белов. Тут-то его и нашел нарочный из райкома партии.

Ровно через 25 минут вновь позвонил Верховный Главнокомандующий. Генерал взял трубку, внимательно выслушал и отчеканил:

- Есть, товарищ Сталин, удержать любыми средствами Каширу!

В ночь на 26 ноября кавалеристы генерала П. А. Белова вместе с подошедшими танкистами полковника А. Л. Гетмана перекрыли врагу путь к Кашире. Днем они отбили все его атаки. Тем временем сюда же стянулась и 173-я стрелковая дивизия, а также 15-й гвардейский минометный полк. И утром 27 ноября вся эта группа войск, которую возглавил генерал П. А. Белов, нанесла но частям и соединениям Гудериана такой сильный удар, что гитлеровцы вынуждены были отступить на 10-15 километров в сторону Мордвеса.

По свежим следам боев мы побывали в деревне Пятница, недавно отбитой у врага. Ее улицы, близлежащие поля и овраги сплошь забиты побитой, а то и просто брошенной фашистами техникой. Танки, орудия, грузовики и легковые автомашины, конные повозки, штабеля снарядов и мин, неубранные трупы солдат и офицеров - все это свидетельствовало как о накале боя, так и о поспешном отступлении, а точнее - просто бегстве

фашистов из нее.

В единственном уцелевшем доме деревни генерал П. А. Белов допрашивал взятого в плен гитлеровского офицера.

- Нашей ближайшей целью было форсирование Оки и захват на том берегу плацдарма, с которого нам предстоял марш к Москве,- торопливо говорил пленный.- Но зенитки, поставленные на прямую наводку, не дали нам войти в Каширу. А затем последовал этот ужасный контрудар ваших танков и казаков. Их появление было столь неожиданным, что наши штабы и командиры растерялись, не сумели организовать должного сопротивления. Потери наши велики... Генералу Гудериану, наверно, теперь надо думать не о Москве, а о спасении собственного лица...

И верно: Гудериан, вопреки истеричным приказам и требованиям Гитлера, 30 ноября отдал своим войскам распоряжение о переходе к обороне.

* * *

По заведенному с первых дней обороны Тулы правилу вечерами, а иногда даже и по ночам в штаб 50-й армии приглашались корреспонденты центральных газет. Чаще всего с нами здесь беседовали начальник штаба полковник Н. Е. Аргунов, член Военного совета армии бригадный комиссар К. Л. Сорокин или комиссар штаба батальонный комиссар А. Г. Нарышкин. Они рассказывали о событиях дня, называли особо отличившиеся в боях части и подразделения, и эти их сообщения ложились затем в основу оперативных корреспонденции, появляющихся уже наутро, на страницах "Правды", "Известий", "Красной звезды", "Комсомольской правды".

А 13 декабря нас предупредили, что эта своеобразная пресс-конференция в штабе состоится не вечером и не ночью, а в 16 часов.

Корреспонденты прибыли в штаб почти одновременно. Николай Ильинский, бывший редактор тульской областной газеты "Коммунар", представлял "Правду". "Известия" имели в Туле двух своих представителей, двух неразлучных друзей Валентина Антонова и Александра Булгакова. Корреспондентом ТАСС являлся Герман Крылов. От "Красной звезды" здесь постоянно находились автор этих строк и фотокорреспондент Олег Кнорринг. Правда, в разное время в Туле бывали Николай Денисов и Зигмунд Хирен, но сейчас они работали на других участках фронта.

Ровно в 16.00 к нам вышел полковник Н. Е. Аргунов. Пригласил:

- Проходите, товарищи, прошу...

В небольшом кабинете начальника штаба нас уже ожидали командующий 50-й армией генерал-лейтенант И. В. Болдин (сменивший 20 ноября генерала А. Н. Ермакова), члены Военного совета бригадный комиссар К. Л. Сорокин и первый секретарь Тульского обкома партии, председатель городского комитета обороны В. Г. Жаворонков.

Я видел всех этих людей в разные периоды обороны Тулы. Видел очень встревоженными, расстроенными, усталыми, хмурыми, сердитыми. Но никогда не видел подавленными. Вера в силы нашей армии, в героический тульский рабочий класс никогда не покидала их, и ни один из них ни на минуту не предавался панике.

- Выстоим!

- Врагу в Туле не бывать! - говорили они войскам, заверяли Москву, говорили и нам.

Сейчас на их лицах тоже лежали следы усталости, невероятного напряжения. И все-таки это были другие люди. У них потеплели взгляды. Другими были голоса. Даже рукопожатия стали крепче. Еще бы! Ведь рабочая Тула не только выстояла, но и сама перешла в наступление!

- Перед частями армии поставлена задача спасти Ясную Поляну, - заговорил между тем Иван Васильевич Болдин.- Только что звонил маршал Шапошников. Сказал, что судьба Ясной Поляны очень тревожит Верховного Главнокомандующего. Звонил и генерал армии Жуков... Нами отданы соответствующие приказы. На Ясную Поляну пойдут подразделения из соединений генералов Трубникова и Фоканова. Им будут приданы танки полковника Ющука и бронепоезд. Фронт выделил и дополнительные силы авиации...

- Короче говоря, товарищи,- вступает в разговор бригадный комиссар К. Л. Сорокин, - ваше место сейчас в частях генерала Трубникова. Полковник Аргунов доведет до вас, где искать Трубникова. Думаю, о политическом значении освобождения Ясной Поляны говорить нет необходимости...

- И о патриотическом значении. Даже мировом, - добавляет В. Г. Жаворонков.

Уже темнело, когда мы, нанеся на карты место расположения частей генерала К. П. Трубникова, выехали к Косой Горе. Было морозно. Снег, выпавший накануне, немного подровнял шоссе, но ехать все равно трудно: то и дело попадаются воронки от снарядов и авиабомб.

Косая Гора совсем недавно была отбита у врага. Все вокруг еще черно от огня и порохового дыма. Выпавший снег только припорошил, но не стер следы ожесточенных боев. Тут и там

темнеют остовы сгоревших фашистских танков. Беспомощно стоят брошенные гитлеровцами крупнокалиберные орудия, из которых они еще три дня назад обстреливали Тулу...

За Косой Горой машины пришлось остановить и дальше идти пешком. Из лесу нам навстречу три красноармейца, одетые в овчинные полушубки, вели группу пленных фашистов.

- Взяты в соседней деревне, - сказал старший конвоир. - Так увлеклись грабежом, что и не заметили, как оказались в плену.

Вспомнились строки из "Войны и мира": "Это была толпа мародеров, из которых каждый вез или нес с собой кучу вещей, которые ему казались ценны и нужны".

Вот и эти из той же породы.

* * *

В штабе дивизии генерала К. П. Трубникова не оказалось. В сопровождении офицера связи пошли в полк, батальоны которого должны были с утра атаковать врага в Ясной Поляне.

В полку только что закончился митинг. На нем выступил сам комдив. Он говорил о Толстом, о его значении для русской и мировой культуры, о Ясной Поляне, зачитал декрет ВЦИК от 10 июня 1921 года, который объявлял дом-усадьбу и яснополянские земли государственным заповедником.

Сейчас Кузьма Петрович Трубников беседовал с группой разведчиков.

- Вы, можно сказать, превращаетесь в пожарную команду, - говорил он. Двигаться надо вдоль речки Воронки прямо на усадьбу. Чует мое сердце, зажгут ее, сволочи...

Утром батальоны полка пошли в атаку. Орудийные залпы, треск пулеметных и автоматных очередей слились в один сплошной гул. По глубокому снегу двигались танки, стрелковые цепи, непосредственно в которых, не отставая, артиллерийские расчеты толкали свои орудия. Со стороны железной дороги залпами бил по врагу бронепоезд.

Напор наших батальонов был настолько стремительным, что фашисты из вражеской дивизии "Оленья голова" вскоре не выдержали и, огрызаясь огнем, подчас даже переходя в контратаки, стали отступать к Щекину.

На поле боя дымными кострами пылали подожженные нашими артиллеристами немецкие танки. Но дым стоял не только над полем боя. Его черные столбы поднимались и над деревней. Горела яснополянская школа, больница, догорали дома. Дым валил и из двухэтажного дома Л. Н. Толстого. Дорога в усадьбу загромождена разбитой фашистской техникой. На ее обочинах стоят мертвые, тоже обгоревшие деревья.

Ворота в усадьбу взорваны. Тянет гарью.

Да, здесь жил и творил один из величайших гениев мира. Каждый вершок этой земли, каждое здешнее дерево, любая постройка, каждая вещь связаны с дорогим для нас именем. И все это хранилось нашим народом с трепетной любовью. А вот теперь...

Вспомнился октябрь 1941 года. Тогда, возвращаясь с Брянского фронта в Москву, мы завернули в Ясную Поляну. Здесь еще продолжались экскурсии, но тень войны зримо дотягивалась и сюда. Помню встревоженные лица Софьи Андреевны Толстой-Есениной, хранителя дома-музея Сергея Ивановича Щеголева, научного сотрудника Марии Ивановны Щеголевой, других служащих...

Мы спросили тогда Сергея Ивановича Щеголева, с которым были знакомы, отчего у них печальные лица.

- Так ведь эвакуация же, - ответил он.- Получили правительственное распоряжение немедленно вывезти все самое ценное и важное...

Но все бесценные реликвии, к сожалению, вывезти не удалось. Да и как увезти, например, громоздкие старинные буфеты, книжные шкафы, музыкальные инструменты, оконные рамы, ветхие диваны и стулья?

И вот теперь, уже в декабре, мы снова в Ясной Поляне... Встретили того самого Сергея Ивановича Щеголева. Оказалось, что тогда, в октябре, он не успел выехать из Ясной Поляны и все дни вражеской оккупации провел здесь. С болью в голосе он рассказывает:

- Тридцатого октября, после бомбежки и обстрела усадьбы, к нам пришли трое гитлеровских офицеров. Надменные и нахальные, с жестами и тоном повелителей, завоевателей, хозяев. Не обнажив даже голов и не счистив грязи с сапог, пошли по комнатам. Сдирали со стен фотографии, опрокидывали стулья. В ответ на наши протесты злорадно скалили зубы.

Потом пришли другие. Заявили, что в бытовом музее отныне будет казарма для солдат, а в литературном - госпиталь. Мы снова выразили протест, заявив, что в Ясной Поляне есть ведь здание больницы, оно более пригодно для госпиталя. Но фашисты были непреклонны. Прислали к нам целую команду солдат. Те начали стаскивать одни вещи в подвальные помещения, а другие вообще выкидывать на улицу... В знаменитой комнате под сводами, где писалась "Война и мир", была оборудована курилка... Офицеры бесцеремонно воровали вещи и ценности... Была осквернена могила великого писателя. Рядом с ней гитлеровцы захоронили сотни своих солдат и офицеров. И в заключение - вот этот пожар... Вчера три фашистских офицера облили бензином библиотеку, спальню Льва Николаевича, спальню его жены, а рано утром команда солдат подожгла дом...

Мария Ивановна Щеголева в свою очередь поведала:

- В фашистах я увидела настоящих варваров. Представьте себе, ни один из них не слышал даже имени Толстого! Они убивали людей, трех человек повесили. Все население и наши служащие ограблены. А эти пожары - вандализм! На дворе ведь было много дров. Но что им дрова? Бросали в костры двери, оконные рамы, половые доски... И везде плевали, гадили. Для них нет ничего святого и чистого!

Сторож И. В. Егоров:

- У меня такое впечатление, что, окажись здесь и будь жив Лев Николаевич, фашисты обидели бы и его. Ей-ей - обидели бы! Посмотрите, что наделали представители этой "культурной" нации. Все поломано, выдрано, загажено. Хуже свиней!..

Ученик Павлик Комаровский:

- Я слышал, как немецкий доктор Шварц сказал Сергею Ивановичу Щеголеву: "Мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого..."

Остается добавить, что с пожаром героически боролись С. И. Щеголев, М. И. Щеголева, М. Н. Маркина, сторожа И. В. Егоров, Д. С. Фоканов, В. С. Филатова и другие. И они спасли то, что еще можно было спасти.

* * *

Подошло время возвращения в Тулу. Надо было передать в Москву обо всем увиденном и услышанном в Ясной Поляне.

С тяжелым чувством обошли мы еще раз разгромленные комнаты музея, постояли у могилы Льва Николаевича. Толстой и фашисты... Эти два слова никак не хотели соседствовать даже-в сознании.

У руин школы увидели генерала И. В. Болдина, бригадного комиссара К. Л. Сорокина, секретаря обкома партии В. Г. Жаворонкова. Подошли к ним. С юга, со стороны Щекино, все еще доносилась канонада. По врагу била советская артиллерия. Красная Армия продолжала освобождение советской земли от врага...

В Туле нас ждала неудача. Связи с Москвой не было. Решили ехать в Серпухов. Ночью с трудом достучались в дверь горкома партии. И сразу - к телефону.

- Москва есть?

- Москва на повреждении.

- Что есть?

- Есть Рязань...

И опять не повезло. Рязань уже несколько часов не имела связи с Москвой. Но была связь с Куйбышевом. Берем Куйбышев. Ответ леденит:

- Москва на повреждении.

- С кем имеете связь?

- С Казанью.

- Срочно Казань.

И вот наконец родной голос стенографистки Музы Николаевны.

- Муза Николаевна, поклон из Ясной Поляны. Буду передавать шесть страниц.

Моя корреспонденция, переданная в "Красную звезду" в ночь

на 15 декабря, называлась "Что увидели наши войска в Ясной Поляне".

Диктую, тороплюсь. Ведь за мной в очереди Николай Ильинский, Антонов, Булгаков... И вдруг слышу в трубке рассерженный голос Давида Иосифовича Ортенберга, нашего главного редактора:

- Трояновский! Как вы оказались в Казани?!

Пришлось объяснить, что я вовсе и не в Казани, а просто передаю материал по эдакой невероятной дуге связи...

17 декабря к нам в Тулу приехал Константин Симонов. Спросил меня, скоро ли войска 50-й армии освободят Калугу. Я разочаровал его, показав на своей карте приблизительное очертание фронта.

Вместе направились в штаб армии.

Генерал-лейтенант И. В. Болдин как-то заметил, что из фронтовых писателей и корреспондентов ему больше по душе Константин Симонов. Командарму, в частности, очень нравилась поэзия Константина Михайловича - энергичная, глубокая, человечная, патриотическая. Все стихи поэта, опубликованные в дни войны, затрагивают сердце и будят у воинов самые высокие чувства.

Выделялись и его корреспонденции, очерки. Они так же правдивы, высокохудожественны, интересны...

Поэтому и неудивительно, что, услышав о прибытии К. М. Симонова, генерал первым вышел из комнаты и тепло поприветствовал нашего товарища.

Без паузы начался разговор о поражении фашистских армий под Москвой, о героической обороне Тулы, о ближайших задачах войск 50-й армии.

- Калуга конечно же входит в планы армии, - сказал И. В. Болдин, отвечая на вопрос Симонова. - Но пока наше продвижение к этому городу встречает довольно сильное противодействие со стороны врага...

Худой и какой-то даже угловатый от этой худобы, очень усталый, К. М. Симонов, время от времени дотрагиваясь до своих крохотных усов, был весь внимание. Он обладал отличной памятью, поэтому никогда не делал записей, откладывая это на более позднее, когда останется один, время.

Симонов пробыл в 50-й армии несколько дней. Ездил вместе с фотокорреспондентом Кнорингом в только что освобожденные города Плавск и Одоев. И все время пытался пробиться к Калуге. Поехали в машине - помешала пурга. Вызвал из Москвы редакционный самолет У-2. Дважды летал в направлении Калуги, но оба раза непогода закрывала самолету путь. В довершение

всего Константин Михайлович заболел и, уезжая в Москву, полушутя-полусерьезно сказал мне:

- Калугу оставляю тебе...

Итак, Тульская область уже полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Танковые дивизии Гудериана потерпели здесь сокрушительное поражение.

Тула, конечно, не стала еще тыловым городом, но огненный вал войны все дальше откатывался от ее стен.

На очередной встрече с журналистами центральных газет первый секретарь обкома партии В. Г. Жаворонков привел интересные цифры, характеризующие вклад рабочей Тулы в разгром врага на этом участке фронта. На заводах города в трудные дни боев было отремонтировано 66 танков, 70 артиллерийских орудий, сотни пулеметов, немало автомашин. Выпускались минометы, собирались тысячи винтовок и автоматов. И все это делалось руками женщин, пенсионеров, мальчишек-ремесленников. Причем на самом примитивном оборудовании, так как основные станки и машины были с заводов заблаговременно эвакуированы.

В. Г. Жаворонков от имени обкома партии и городского комитета обороны поблагодарил корреспондентов за сотрудничество, попросил не забывать Тулу.

- Я знаю, - сказал он, - что вы пойдете вперед вместе с армией. Но время от времени пишите о тех, кто помогает нашим воинам ковать грядущую Победу.

* * *

Еле разыскали в калужских лесах небольшое село Еловка. Тут в чудом уцелевшей школе и построенных рядом с ней блиндажах разместилась оперативная группа штаба 50-й армии.

Наши машины остановили километра за полтора от Еловки и предложили нам дальше идти пешком. И это было правильно. Нельзя подсказывать вражеским воздушным разведчикам, что здесь обосновался штаб крупного соединения.

Вместе со мной к командующему армией генерал-лейтенанту И. В. Болдину зашли фотокорреспонденты "Правды", "Известий" и "Красной звезды" Михаил Калашников, Самарий Гурарий и Виктор Темин. Надо было договориться о выделении нам самолета, который бы доставлял в названные редакции корреспонденции и снимки из Калуги.

Выслушав нашу просьбу, Болдин рассмеялся.

- Это, товарищи, называется делить шкуру неубитого медведя. В Калуге-то еще сидят фашисты!.. Ну и нетерпеливый же народ, эти корреспонденты! обратился он уже к Н. Е. Аргунову. - Обязательно хотят опередить события.

У командующего было хорошее настроение, и из этого можно было сделать вывод, что наши дела под Калугой идут неплохо.

- Самолет будет, - пообещал И. В. Болдин, подходя к столу. - Предоставляю в ваше распоряжение и телефон ВЧ, и вообще весь узел связи. Остается самое маленькое - взять город...

И он опять рассмеялся. Потом подозвал нас к карте и показал населенный пункт, где корреспондентов будет ждать штабной самолет.

- Но в самолете только одно свободное место, - предупредил генерал. - Так что прошу заранее договориться, кто из вас его займет.

После этого командарм коротко рассказал о боях, которые ведут части и соединения армии на подступах к Калуге и в самом городе.

Эти бои начались девять дней назад. Была создана подвижная группа, в которую вошли 134-я стрелковая дивизия, тульский рабочий полк, отдельный танковый батальон и две батареи гвардейских минометов. Руководство ударными войсками поручили заместителю командующего армией генералу В. С. Попову.

Преодолевая зимнее бездорожье и обходя наиболее крупные населенные пункты, группа генерала В. С. Попова 21 декабря подошла к Калуге, внезапной атакой овладела понтонным мостом через Оку и ворвалась в город.

Враг на первых порах было дрогнул. Однако через день фашисты подтянули к Калуге свою 20-ю танковую дивизию, несколько других частей и подразделений. Против советских войск были брошены крупные силы авиации.

Но и командование Западного фронта, и штаб 50-й армии предвидели, что в Калуге фашисты будут сопротивляться с особым ожесточением. Поэтому на город еще загодя были нацелены и дивизии соседней, 49-й армии.

- Бои идут тяжелые, - заключил И. В. Болдин. - Но мы уверены, что враг будет выбит из Калуги!

Мы поняли, что беседа на этом закончилась, и, поблагодарив командующего за информацию, направились к выходу. И тут командарм попросил меня задержаться.

- Я только что получил телеграмму из вашей редакции, - сказал И. В. Болдин. - Просят написать статью об освобождении Калуги. Но мы на Военном совете посоветовались и решили, что на сей раз лучше выступить Николаю Емельяновичу Аргунову. Ведь вы меня печатали совсем недавно, и вновь выступать со статьей мне просто неловко...

Вошел адъютант и подал командарму телеграмму. И. В.

Болдин бегло прочитал ее и протянул мне.

"24 декабря в Ставке получены сведения, - сообщал штаб фронта,- что калужским войскам противника отдан решительный приказ упорно сопротивляться и не сдавать Калугу. Верховное Главнокомандование предупреждает о необходимости особой бдительности с вашей стороны. Нужно более энергично бить противника в Калуге, беспощадно уничтожать его, не допускать никакой уступки и не отдавать врагу ни одного квартала. Наоборот, нужно приложить все усилия, чтобы разгромить противника в Калуге".

- Я еду к Попову,- сказал Болдин вошедшему Аргунову. - А вас вместе с корреспондентом попрошу подумать о статье...

* * *

Калуга освобождена!

По-моему, каждый советский человек, вступая на улицы только что отбитого у гитлеровцев города, испытывает одновременно двоякое чувство. Он радуется, что вот еще одна частица родной земли очищена от фашистской нечисти и возвращена Родине. Вместе с тем следы страшных разрушений - развалины дымящихся домов, руины целых улиц, горе тысяч людей терзают душу, угнетают...

Я знал еще довоенную Калугу - на удивление уютную, чистую. Помнится, часами любовался заокскими далями, восхищался парком на берегу, обилием садов и цветников. А вот то, что предстало моему взору ранним утром 30 декабря 1941 года, долго не доходило до сознания. Мы поднимались со стороны Оки в гору по улице, на которой не осталось ни одного целого дома. Вместо окон на нас глазели мертвые, черные дыры. Стояла гробовая тишина. Догорали знаменитые торговые ряды. Лежал в развалинах городской театр. На дверях аптеки висели обрывки последнего приказа фашистского коменданта Калуги: "В город прорвались большевистские диверсанты... За сочувствие им - расстрел... За помощь - казнь через повешение. Кто зажжет вечером свет в квартире.- расстрел. Кто выйдет на улицу - расстрел..."

Вот каким языком говорили гитлеровцы с советскими людьми.

На снегу лежит убитая девочка лет четырех. Чем помешала она фашистскому солдату? Чем угрожала гитлеровской армии?..

Улица Луначарского, 131. Дом гражданки Полосковой. Вернее, остатки дома закопченные стены, печная труба. И рядом - пять трупов. Расстреляны старики Полосковы, двое их дочерей, грудной ребенок старшей дочери...

А вот здание, где размещалось гестапо. Во дворе его тоже

трупы, трупы... Наших, советских людей. У многих выколоты глаза, отрезаны уши, носы. Сколько же надо иметь звериной злобы, какое нечеловеческое хладнокровие, чтобы вот так надругаться над людьми!

Подвалы здания затоплены. Там были гестаповские застенки...

Идем к вокзалу. Площадь перед ним забита легковыми и транспортными машинами. Каких только марок тут нет - "опели", "мерседесы", "татры", "рено", "фиаты", "форды"! Видно, что вся Европа работает на гитлеровский вермахт. Но это им уже не помогает. И не поможет!

На железнодорожных путях - несколько составов о новогодними подарками из Германии. Но из Германии ли? Советский комендант показывает нам то, что прислано гитлеровскому воинству из Берлина и Гамбурга, Дрездена и Мюнхена, Нюрнберга и Бремена. Французское шампанское. Польская шинка. Голландские сардины. Бельгийский шоколад. Югославский чернослив. Венгерские яблоки. Норвежская сельдь. Датский сыр...

Награбили!

На перроне и воинской площадке - в несколько рядов орудия, танки, бронетранспортеры. Очередь на погрузку, надо полагать. Но погрузка не состоялась: фашисты бежали, спасая свою шкуру и бросая оружие...

Материала для статей сколько угодно.

Спешим в штаб армии. На узле связи все к нашим услугам. Генерал И. В. Болдин приказал корреспонденции из Калуги передавать сразу же вслед за оперативными сводками.

Но вот беда с фотокорреспондентами. Стоят у самолета и спорят, кто из них должен лететь в Москву. Темин не доверяет Гурарию, Гурарий - Темину. Миша Калашников стоит в стороне и с укоризной смотрит на товарищей. Ему лететь нельзя: температура подскочила чуть ли не до 40 градусов.

В шутку говорю спорщикам:

- А вы садитесь в кабину вдвоем.

Темин и Гурарий принимают эту мою шутку всерьез. Упрашивают летчика. И тот после недолгого колебания соглашается.

Подходит Николай Ильинский. Он только что разговаривал по ВЧ со своим главным редактором П. Н. Поспеловым.

Сообщает:

- С материалами приказано не торопиться. Об освобождении Калуги будет объявлено позднее, в новогодней речи Михаила Ивановича Калинина. И еще. Всех нас почему-то вызывают в

Москву...

В Москву так в Москву. Через час трогаемся в путь. Утром 31 декабря проезжаем Подольск. У какой-то деревни видим на шоссе двух голосующих мужчин. Я останавливаю эмку и не верю своим глазам. На обочине стоят поцарапанные, в синяках... Темин и Гурарий.

- Что такое? В чем дело? Откуда?

Авария. Перегруженный У-2 все-таки не выдержал, врезался в провода линии электропередачи и рухнул на землю.

Вид у наших друзей довольно комичный. Но нам не до смеха. Фотоматериалы-то до сих пор не в Москве...

И все-таки 1 января 1942 года "Красная звезда" вышла с нашими корреспонденциями из Калуги и фотографиями.

* * *

Уже май месяц. Третий день работаю в войсках 16-й армии. Дело в том, что еще в январе она передислоцировалась к нам, на южный участок Западного фронта. Ее полки и дивизии за короткий срок изгнали врага из города Сухиничи, потеснили за реку Жиздра.

В начале марта был тяжело ранен генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Всех нас тогда охватила тревога за жизнь прославившегося в боях под Москвой полководца. Но, как сообщил мне командующий артиллерией армии генерал В. И. Казаков, сейчас он поправляется и даже рвется на фронт.

А у меня тоже произошла событие. Радостное. Все началось 1 Мая, когда мне позвонил наш главный редактор и приказал быть на следующий же день в Москве, в редакции. Причину вызова не пояснил. Мол, приедешь - узнаешь...

В десять часов утра 2 мая я уже предстал перед Д. И. Ортенбергом.

- Идите к Одицкову и получите новое обмундирование, - сказал он, окинув меня оценивающим взглядом. - К одиннадцати прошу снова ко мне. Но смотрите, чтобы у вас был вполне праздничный вид!

Снова загадки. Но все-таки пошел к В. И. Одицкову, заведующему хозяйственной частью редакции.

Вместе со мной новые командирские костюмы получили Яков Милецкий и Зигмунд Хирен.

- В чем дело? Что за праздник?

Те тоже только пожимали плечами.

В 11.00 снова были в кабинете главного редактора. У него уже сидел Александр Поляков, наш специальный корреспондент.

Оглядев нас, Д. И. Ортенберг улыбнулся и спросил:

- Ну что, напугал я вас? А вот теперь обрадую. Приказом

командующего Западным фронтом генерала армии Георгия Константиновича Жукова Константин Симонов и Александр Поляков награждены орденом Красного Знамени. А вы, Трояновский, а также Зигмунд Хирен и Яков Милецкий - орденом Красной Звезды... От души поздравляю! А теперь прошу в машину, поедем в Перхушково. В пятнадцать ноль-ноль Жуков вручит вам награды. Жалко, правда, что Симонова в редакции нет... Но ничего, он свой орден и потом получит.

Генерал Г. К. Жуков встретил нас приветливо; выйдя из-за стола, крепко пожал каждому руку. А вручив награды, пригласил всех отобедать с ним.

За столом командующий говорил больше всего с Д. И. Ортенбергом. Интересовался тиражом газеты, сотрудничеством в ней Михаила Шолохова и Алексея Толстого. Похвалил очерки Александра Полякова.

А 5 мая мы были приглашены на праздник печати в Колонный зал Дома Союзов. Там нас поздравляли знакомые журналисты, говорили:

- Лиха беда начало. Желаем прибавить к этой награде новые.

Что ж, пожелания благие. Но, как говорится, поживем - увидим.

Глава третья. На южном фланге

Жарким июльским днем 1942 года с одного из подмосковных аэродромов поднялся и взял курс на Краснодар самолет связи Генштаба СССР. В числе его немногих пассажиров был и я. Летели кружным путем, с посадками в Сталинграде и Астрахани. Ибо ни через Воронеж, ни через Ростов-на-Дону следовать было уже нельзя: к ним подходили немецко-фашистские войска.

Вечером прибыли в знойный Краснодар. Устроился в гостинице "Кубань". Здесь застал Бориса Горбатова, Бориса Галина, Павла Милованова, Якова Макаренко, Мартына Мержанова и многих других представителей газет "Правда", "Известия", "Красная звезда", "Красный флот", "Сталинский сокол", "Комсомольская правда", а также ТАСС и Совинформбюро.

Настроение у товарищей неважнецкое. Особенно у тех, кто приехал сюда с Южного фронта. Ведь сколько не- : удач, сколько трагедий пришлось им увидеть и испытать, отступая вместе с нашими войсками с Украины, Дона!

В городе то и дело звучат сигналы воздушной тревоги, вспыхивают пожары от зажигательных бомб, сбрасываемых с вражеских самолетов. Но краснодарцев угнетают не столько эти тревоги и пожары, сколько ошеломляющие вести с фронта. Пал Новочеркасск, фашистские танки устремились уже к Сталинграду и Сальску. И сейчас по улицам Краснодара течет беспрерывный

поток беженцев.

Нас, корреспондентов "Красной звезды", вскоре принял первый секретарь крайкома партии П. И. Селезнев. Он, как мы знаем, облечен еще двумя постами члена Военного совета Северо-Кавказского фронта и начальника штаба партизанского движения.

Вид у Селезнева утомленный. Говорит тихо, с паузами.

- Кубань для фашистов - особо лакомый кусок. Ведь у нас - хлеб, нефть, цемент, чай. Курорты и порты Черноморского побережья. Мы располагаем сведениями, что промышленные и финансовые тузы Германии уже загодя делят между собой богатства Кубани: кому плодородные земли, кому нефтепромыслы, промышленные предприятия, санатории... Кроме того, гитлеровцы считают Кубань предмостной позицией для вторжения в республики Северного Кавказа и Закавказья, дорогой к нефти Грозного и Баку, даже в Иран, Индию. Фашистский генеральный штаб ожидает, что если германские армии добьются здесь успеха, то в войну на стороне Германии вступит Турция. Вот так-то, товарищи...

Селезнев помолчал, побарабанил пальцами по столу. И после паузы продолжил:

- Да, гитлеровцы спят и видят как можно скорее заполучить наш хлеб, мясо и масло, дорваться до майкопских нефтепромыслов. Но мы уже заранее позаботились о том, чтобы сорвать эти их замыслы. Почти все запасы хлеба вывезены. Скот тоже перегоняется через Кавказский хребет. Основное оборудование нефтепромыслов демонтировано, сами скважины приготовлены к взрыву. Эвакуируем с фабрик и заводов наиболее ценные станки и агрегаты. Казачество Кубани с лютой ненавистью относится к немецко-фашистским захватчикам. Видели бы вы, с каким подъемом жители станиц и хуторов - молодые и старые - шли записываться добровольцами в ряды кубанского казачьего корпуса! Записывались целыми семьями! Кстати сказать, этот корпус уже имел столкновения с врагом. И, по оценке командования, воюет очень хорошо.

Словом, П. И. Селезнев ввел нас в курс всех дел, проводимых крайкомом партии перед лицом надвигающейся опасности.

* * *

В тот же вечер в моем гостиничном номере раздался звонок телефона. Взяв трубку, я услышал голос адъютанта Маршала Советского Союза С. М. Буденного.

- Командующий фронтом, - сообщил адъютант, - ждет корреспондентов "Красной звезды" в двадцать два часа.

Договариваемся: к С. М. Буденному едем втроем - майор Павел Слесарев, я и майор Николай Прокофьев, который после

ликвидации Южного фронта тоже приехал в Краснодар и влился в нашу группу.

Штаб фронта располагался неподалеку, в административном корпусе научно-исследовательского института. Так что выделенный нам газик доставил нас туда не более как за четверть часа.

Сначала зашли к адъютанту командующего. А ровно в 22 часа увидели, как на крыльцо вышел Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Казалось, ни годы, ни тревоги не в силах оставить следов на внешнем виде легендарного героя гражданской войны. Семен Михайлович был свеж и подтянут. На голове и в знаменитых усах - ни одного седого волоса. Голос тоже молодой.

Маршал откровенно обрисовал нам сложившуюся на фронте обстановку. Она была весьма тяжелой. Нами оставлены Ростов-на-Дону и Батайск. Танки и моторизованные части врага подошли к Сальску, двигаются в направлении Ворошиловска (Ставрополя). Силы у врага огромные: 10-11 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованные и 3 кавалерийские дивизии. С воздуха их поддерживают более тысячи самолетов. Превосходство противника в танках и авиации подавляющее.

Увидев, что мы делаем записи в своих блокнотах, маршал сказал:

- Записывать наш разговор не рекомендую. Держите эти сведения в уме... Итак, чем же располагаем мы... Сил у нас мало. Но принимаются срочные меры. Враг, вне всякого сомнения, будет в конце концов остановлен. Сейчас вовсю развертываются оборонные и экономические возможности Азербайджана, Грузии, Армении. Из этих республик идет на фронт поток войск, оружия, медикаментов, продуктов питания. Формируются свежие воинские части и в Дагестане, Осетии, Кабарде. Дон, Ставрополье и Кубань уже дали фронту два казачьих корпуса. Маршал тут же попросил нас обязательно съездить в кубанский кавалерийский корпус. - Им командует генерал Кириченко, - пояснил он. - И сразу же скажу, что дерутся с врагом казаки отменно! - Усмехнулся в усы. - На первый взгляд может показаться нелепым: кавалерия, дескать, против танков. Но в корпусе тоже имеются танки. Правда, их мало, но генерал Кириченко умело их использует. Выше всяких похвал действуют и его артиллеристы...

Маршал прошелся взад-вперед по крыльцу, подкручивая усы. И после минутной паузы продолжил:

- Не подумайте, что Буденный посылает вас к кавалеристам только из личного пристрастия к этому роду войск. В данном случае я беспристрастен. Просто действия этого корпуса очень высоко оцениваются. И не только нами, штабом фронта, но и

Москвой... А кроме того, очень важно опровергнуть пущенный фашистами слух о том, будто кубанское казачество встречает гитлеровцев хлебом-солью...

Взяв запас бензина, наша журналистская бригада вскоре выехала в сторону станицы Кущевская.

Над дорогами, хуторами и станицами Кубани стоят тучи пыли, смешанной с дымом. С севера к Кавказским горам спешат колонны подвод и автомашин с эвакуируемыми ценностями. Часто попадались огромные стада овец и коров. Санитарные машины и простые телеги, запряженные парой лошадей, везут раненых.

Время от времени над всей этой массой людей, животных и машин с воем проносятся хищные "мессершмитты", "юнкерсы", оставляя после себя огонь и смерть. Горят элеваторы, школы и больницы, горят казачьи хаты...

В Березанской решаем что-нибудь перекусить. Заходим во двор казачки Пелагеи Дмитриевны Калиниченко. Небольшая белая хата, за ней - сад. Земля в нем буквально устлана перезревшими яблоками и сливами.

Говорю хозяйке:

- Пропадает добро. Почему не убираете?

- Да руки не поднимаются убирать. Для кого стараться-то? Для фашистов? Пусть они сдохнут, сдохнут все до единого!

В голосе - отчаяние. Муж на войне. Там же четыре брата. Тут у нее на руках сын семи лет и хозяйство.

- Если бы была мужчиной, все бы бросила - и на фронт!

Лицо Пелагеи Дмитриевны вдруг делается сердитым, даже злым, и она чуть ли не кричит:

- Вот вы, военные, ответьте мне: долго ли отступать будете? Много ль еще родной земли ворогу отдадите?

Что ответить? Тут не слова нужны, а дела. А они пока у нас, мягко выражаясь, неважные...

Но как ни была расстроена и сердита Пелагея Дмитриевна, она все же вынула из погреба две кринки ледяного молока, вынесла коврigу хлеба, нарезала сала.

- Угощайтесь, пожалуйста!..

Чем ближе к Кущевской, тем количество беженцев и угоняемых к югу стад уменьшается. Но зато чаще попадаются санитарные машины и повозки.

В кабине машины жарко, душно. Но отдыхать и прохлаждаться некогда. Нам сейчас дорога каждая минута.

Говорю водителю Георгию Геджадзе:

- Гога, можно побыстрее?

Гога прибавляет газу и тут же говорит:

- Нехорошо, товарищ батальонный комиссар (мне недавно присвоено это звание), получается. В сорок первом отступали, в сорок втором опять отступаем...

Я знаю, что Геджадзе встретил войну на западной границе. А вот теперь оказался почти что у порога родной Грузии. Отступая...

- Согласен, нехорошо получается, - отвечаю ему. - А в чем вот хотя бы ты видишь выход из создавшегося положения?

- Драться надо лучше! Командовать надо лучше! Думать надо лучше!

Что можно возразить против всего этого? Но ведь и благие пожелания нашего водителя сами по себе не выправят положения. Время покажет, что надо делать и что будет сделано.

* * *

Приехали в 17-й кавкорпус уже к вечеру. Комиссар штаба корпуса показал нам, куда поставить машину. Замаскировали ее ветками тополя, стеблями кукурузы. После этого все тот же комиссар повел нас к комкору генерал-майору Н. Я. Кириченко.

Но Кириченко был как раз сильно занят. И мы, чтобы не терять времени зря, решили пройти в артиллерийский дивизион, который располагался неподалеку.

...Окраина небольшого хутора. Собственно, хутора, как такового, уже нет, он начисто сожжен фашистской авиацией. На месте хат - пепелища, лишь кое-где на них видны полуразрушенные и закопченные печные трубы. А вот деревья странным образом уцелели, огонь лишь слегка подпалил их кроны. Цело и кукурузное поле за хутором.

В глубоких капонирах стоят орудия, накрытые сверху зеленой маскировочной сетью. Уже темнеет, но еще по-прежнему душно. И необычно для фронтовой обстановки тихо. Слышно даже, как катит неподалеку свои воды речка Ея.

Под развесистым тополем, свесив ноги в окопы, сидят кругом артиллеристы дивизиона - загорелые и почти сплошь усатые казаки разных возрастов и званий. В середине этого круга, возвышаясь над всеми, стоит и держит речь командир дивизиона Степан Чекурда.

- Сегодня, товарищи, - доносится до нас, - из политотдела корпуса получена брошюра известного советского писателя Бориса Горбатова. Она называется "Письма товарищу". И поскольку в настоящий момент мы располагаем некоторым временем, есть предложение зачитать хотя бы одно, первое, письмо...

Артиллеристы, до этого негромко переговаривавшиеся, сразу же затихают. И в этой тишине особенно громко и торжественно

звучит голос Чекурды, читающего:

- "Родина! Большое слово. В нем двадцать один миллион квадратных километров и двести миллионов земляков. Но для каждого человека Родина начинается в том селении и в той хате, где он родился..."

Казаки слушают, затаив дыхание.

- "Сейчас я сижу в приднепровском селе и пишу тебе эти Строки, - читает дальше командир дивизиона. - Бой идет в двух километрах отсюда. Бой за это село, из которого я тебе пишу...

Ко мне подходят колхозники. Садятся рядом. Вежливо откашливаются, спрашивают. О чем? О бое, который кипит рядом? Нет! О Ленинграде.

- Ну как там Ленинград? А? Стоит, держится?

Никогда они не были в Ленинграде, и родных там нет - отчего же в их голосе неподдельная тревога? Отчего же болит сердце за далекий Ленинград как за родное село?"

Голос капитана Чекурды еще более крепнет. Теперь каждое читаемое им слово звучит набатом.

- "И тогда я понял. Вот что такое Родина: это когда каждая хата под очеретом кажется тебе родной хатой и каждая старуха в селе - родной матерью. Родина - это когда каждая горячая слеза наших женщин огнем жжет твое сердце. Каждый шаг фашистского кованого сапога по нашей земле - точно кровавый след в твоем сердце".

Капитан замолкает, откашливается, словно бы ему не хватает воздуха. Кто-то из артиллеристов поторапливает:

- Читайте, читайте дальше...

- "Пустим ли мы врага дальше? - продолжает командир дивизиона. - Чтобы топтал он нашу землю, по которой мы бродили с тобой в юности, товарищ, мечтая о славе? Чтоб немецкий снаряд разрушил шахту, где мы впервые с тобой узнали сладость труда и счастье дружбы? Чтоб немецкий танк раздавил тополь, под которым ты целовал первую девушку? Чтоб пьяный гитлеровский офицер живьем зарыл за околицей твою старую мать за то, что сын ее красный воин?

Товарищ!

Если ты любишь Родину - бей, без пощады бей, без жалости бей, бей без страха врага!"

Капитан снова умолк. Никто не пошевелился. И, казалось, было даже слышно, как учащенно бьются растревоженные сердца людей...

- Вот это писатель! - растроганно сказал наконец казак-бородач. - Кажное написанное слово - что твоя четкая пуля...

Чекурда промолчал. Видимо, он понимал, что умы и чувства

людей делают сейчас больше, чем смогут сделать любые его рекомендации и наставления...

* * *

Зазуммерил полевой телефон. Капитан Чекурда взял трубку. С передового наблюдательного пункта встревоженно сообщали:

- За рекой, из лесопосадок, квадрат восемнадцатый, выходят танки. Считаю... Девять, одиннадцать, восемнадцать... Пока восемнадцать. А вот показались машины, везут понтоны, товарищ капитан...

Чекурда сказал в трубку:

- Погоди, Лошяков... - И к дивизиону: - К орудиям! Орудия к бою! Командирам батарей ждать мою команду! - Снова в трубку: - Слушаю, Лошаков...

Было ясно, что враг что-то затевает. Скорее всего готовится к форсированию Ей. Капитан тут же связался с командиром корпуса генералом Кириченко. Доложил. Тот ответил:

- Знаю. Твой сосед тоже видит танки и понтоны. Не ослабляй наблюдение, докладывай. Без моего приказа не предпринимай никаких действий...

Немного погодя, еще раз переговорив по телефону с комкором, Чекурда сказал нам:

- Прошу, товарищи корреспонденты, пройти в мой блиндаж и до конца боя не покидать его. Ну а уж мы сейчас ответим на письмо писателя Горбатова по-нашенски, по-казачьи...

Бой грохотал всю ночь и закончился полным срывом планов противника, который действительно намеревался под покровом темноты форсировать реку Ея. Дивизион капитана Чекурды, своевременно не обнаруженный врагом, нанес ему тяжелый урон. Утром мы насчитали на противоположном берегу реки девять сожженных фашистских танков...

Вернулись в штаб корпуса с массой впечатлений. И, естественно, материалов. На этот раз генерал тут же попросил нас к себе. Спросил:

- Ну как вам понравились наши артиллеристы? Действительно боги войны? Да уж, отваги им не занимать! Стальные люди!

Н. Я. Кириченко попросил нас подойти к столу, на котором была разложена карта. Пояснил, одновременно-показывая по ней, что 17-й кавалерийский корпус вот уже несколько дней ведет упорные, кровопролитные бои С противником. Его части вынуждены были отдать станицу Кущевская врагу. Правда, она семь раз переходила из рук в руки и все же осталась за противником.

- Сейчас наша оборона проходит по реке Ея, - показал

Кириченко. - На том берегу - фашисты, на этом - мы. Бои идут днем и ночью. Днем успех сопутствует противнику - на него работает авиация. Но по ночам корпус всякий раз ликвидирует территориальные приобретений противника. И наносит ему большие потери. Только в боях за Кущевскую, например, враг потерял более тысячи своих солдат и офицеров убитыми... Позавчера фашисты нанесли удар в стык между пятнадцатой и двенадцатой кавалерийскими дивизиями и, прорвав их оборону, вышли в тыл корпусу. Четвертый полк двенадцатой дивизии попал в окружение. Но мы тут же атаковали врага двумя другими полками из этого соединения и разорвали кольцо окружения. После чего дивизия заняла оборону у станицы Шкуринская...

Выходило, что корпус уже более двух недель в беспрерывных боях. Значит, и Н. Я. Кириченко все эти недели находился на ногах и на коне, его нервы ни на секунду не знали покоя. Но, странное дело, вид у генерала лихой, он словно бы совершенно не устал. То и дело улыбается. Ну и самообладание у этого человека!

Заканчивая разговор, командир корпуса посоветовал нам побывать в 116-й кавалерийской дивизии. Заверил: там мы найдем немало интересного для газеты. Мы решили последовать этому совету.

* * *

Едем в дивизию на пулеметной тачанке. Справа и слева от дороги бьют по врагу наши батареи. Фашисты тоже отвечают.

На севере, за Шадринской, стоит большое кровавое зарево.

- Элеватор горит,- поясняет возница.

Комдив 116-й генерал-майор Я. С. Шарабурко как раз допрашивал пленного немецкого лейтенанта, командира роты из 94-го саперного полка. Тот на вопросы отвечал охотно, пытался все время вставить и о храбрости кубанских казаков. В конце концов генерал не выдержал, сказал переводчику:

- Переведи, что я и сам хорошо знаю, как воюют мои казаки. Пусть больше не отвлекается на это. Спроси-ка лучше, куда нацелен их полк, какую имеют задачу?

Переводчик перевел:

- Полк предназначался для действий за Майкопом. Майкоп, Туапсе. Но вступил в бой ранее намеченного срока из-за больших потерь в пехотных дивизиях.

- Вот это уже интересно... А местность лейтенант за Майкопом знает?

Ответ буквально поразил. Лейтенант знал все горные дороги, тропы...

- Уж не бывал ли он раньше на Кавказе?

- Бывал... В группе немецких альпинистов...

- Вон как! Значит, заранее готовились, присматривались...

Приказав увести пленного, Шарабурко обратился теперь к нам:

- Я в вашем распоряжении, товарищи корреспонденты...

Я. С. Шарабурко уже довольно пожилой человек. В годы гражданской войны служил в коннице Буденного. Сейчас, по характеристике комкора, он один из его самых опытных и инициативных комдивов.

Проговорили мы с Шарабурко часа три, не меньше. Исписали по целому блокноту. А он все называл и называл лучших людей дивизии.

По самым скромным подсчетам, чтобы встретиться и поговорить с каждым из записанных, нам понадобилось бы, пожалуй, задержаться у него не менее чем на неделю. Я прямо так и сказал генералу.

- Но откуда же мне знать, каким временем вы располагаете? - смутился комдив. И тут же уже решительно заявил: - И все-таки я вас не отпущу, пока вы не поговорите с казаком Андреем Егоровичем Нечитайло. Герой! Только в одном бою зарубил пятнадцать гитлеровцев! Вчера ему вручен орден Красного Знамени. Надо бы еще поговорить и с Павлом Гавриловичем Каменевым, который...

Генерала прервал телефон.

- Первый слушает, - сказал он в трубку.- Кто-кто? Капитан Чекурда? Вы-то мне и нужны. Все готово к спектаклю?.. А где Ковтун? Мигом оба ко мне! Поглядим, как роли выучили.- Положил трубку, рассмеялся: - Вот на каком языке приходится разговаривать! Но вы-то, надеюсь, поняли, о каком спектакле речь?.. Вот-вот, о подготовке к атаке, верно...

Адъютант доложил, что Чекурда и Ковтун уже прибыли. В комнату и в самом деле тут же вошли два богатыря - иначе этих высоких и широкоплечих командиров с буденновскими усами не назовешь. Знакомый уже нам капитан Чекурда скуластый, с черным казацким чубом. Ковтун постарше, у него суровое лицо и совершенно седая голова.

Между Шарабурко и прибывшими начался профессиональный военный разговор. Из него и мы вскоре поняли замысел предстоящего боя. Он прост. В полночь подразделения правофлангового полка дивизии имитируют на своем участке ложную атаку, привлекают к себе внимание противника. Спешенный же эскадрон Ковтуна тем временем преодолевает пристрелянную фашистами пред-речную полосу и вплавь форсирует Ею. Дивизион Чекурды выдвигается на прямую

наводку, в готовности поддержать ковтуновцев. Главный расчет - на внезапность и быстроту действий. И еще - на ночную темноту. Под ее прикрытием легче подойти к намеченному для взятия хутору.

- Много ли на хуторе гитлеровцев? - не удержавшись, спросил я.

- А это не имеет значения, - почему-то зло отвечает Ковтун. - Все равно перебьем всех до единого!

- Как это не имеет значения? - возражает ему комдив. - Если бы там был полк или около того, мы туда один твой эскадрон не послали бы. Всей дивизией ударили бы. Но, по данным разведки, на хуторе сто - сто двадцать солдат и офицеров противника, два бронетранспортера, две минометные батареи... - И уже снова обращаясь к обоим командирам: - Значит, так, товарищи. Ковтуну ни при каких обстоятельствах не задерживаться на хуторе до рассвета... Чекурде в случае необходимости не жалеть снарядов и как можно скорее подавить все огневые средства противника. Ясно? Приступайте к выполнению задачи!

Когда Ковтун и Чекурда вышли, Шарабурко закурил. И сказал, поясняя, видимо, резкость эскадронного:

- Петр Алекстандрович Ковтун - геройский командир. И человек душевный. Но... На днях он получил трагическую весть из родной станицы: фашисты расстреляли его жену и младшую дочь...

Помолчал. И, взглянув на часы, заторопился:

- Прошу извинить, мне пора.

Мы тоже встали, надеясь, что генерал пригласит нас с собой. Но он сказал:

- Вам придется следить за боем от начальника штаба дивизии. И прошу не возражать!

Ничего не поделаешь, надо перебираться в блиндаж начальника штаба. Комдива, чувствовалось, не переспоришь.

* * *

Бой за хутор продолжался часа два, не больше. Все, или во всяком случае почти все, прошло так, как и было запланировано. Казаки Ковтуна вырезали кинжалами на хуторе весь вражеский гарнизон - сто четырнадцать гитлеровцев. Взорвали оба бронетранспортера, захватили минометы. Дивизион же Чекурды уничтожил колонну, брошенную было противником на помощь атакованным, - два танка, четыре бронетранспортера, два орудия и до полусотни солдат и офицеров.

Были потери и с нашей стороны. Так, в рукопашной схватке погиб сын Ковтуна, который служил в его эскадроне...

С рассветом взбешенные этой дерзкой вылазкой фашисты

бросили против дивизии генерала Я. С. Шарабурко все имеющиеся в их распоряжении силы. Первой налетела авиация. Две волны пикирующих бомбардировщиков, по 60-70 самолетов в каждой, долго бомбили передний край обороны соединения, хутор, где находился штаб дивизии, позиции артиллерии, тыловые дороги. Казачьи .зенитки сбили во время этих налетов четыре вражеских самолета. Затем до полка вражеской пехоты при поддержке танков попыталось переправиться через реку. Но казаки не допустили до своего берега ни одного фашиста!

В полдень противник атаковал уже правый фланг соединения. Но и тут получил жестокий отпор.

В 17 часов - новая, уже третья, атака врага. На этот раз на дивизию было брошено сорок танков и до двух полков мотопехоты. Комкор генерал Кириченко тут же сосредоточил перед полосой обороны частей Шарабурко-огонь всей корпусной артиллерии. Была отбита и эта атака...

За два дня мы облазили весь передний край обороны этой дивизии, собирая материалы для газеты. Думали задержаться здесь и еще на денек. Но тут последовал срочный вызов в штаб корпуса, к генералу Н. Я. Кириченко,

Комкор почему-то пожелал говорить со мной один на один. Я было запротестовал, но генерал все-таки настоял на своем. И когда мы остались вдвоем, сказал:

- Вот что, товарищ батальонный комиссар. Вам надо" немедленно выезжать в Краснодар. Почему? Сейчас объясню. Фашисты обошли нас с обоих флангов. Не исключено, что скоро корпусу придется драться в полном окружении. Как военная сила вы, трое корреспондентов, нам не очень-то поможете. Да к тому же мне кажется, что-куда важнее написать обо всем, что вы видели и слышали здесь, у нас, чем подвергать себя ненужному риску. Пусть наша страна, наш народ узнают, как дерутся кубанские казаки!.. Я советовался и с комиссаром. Он того же мнения. Так что немедленно выезжайте. Пока еще можно-выехать...

Да, доводы комкора были разумными. И своевременными. Ибо уже на другой день, когда мы прибыли в Краснодар, пришло известие: вражеские танки перерезали 17-му корпусу все пути для отхода.

Но он все-таки вырвался из окружения! И несколько позже принял активное участие в обороне Туапсе. Здесь его бойцы и командиры так мужественно сражались с врагом, что корпус вскоре был преобразован в 4-й гвардейский кавалерийский.

Первая наша корреспонденция из корпуса генерала Н. Я. Кириченко появилась в "Красной звезде" 18 августа. Затем были

напечатаны вторая и третья. Газета даже посвятила боевым действиям этого корпуса передовую статью.

Именно в эти дни я и получил из редакции телеграмму. Она была такого содержания: "Очерки статьи вашей группы казаках Кириченко прозвучали громко всей стране тчк Через Совинформбюро перепечатаны газетами Англии Америки тчк Вызвали злобную радиореплику Геббельса тчк Ждем новых материалов тчк Вадимов".

А новые материалы пересылать было все труднее. Телеграфная связь с Москвой прерывалась по нескольку раз на день. В иные же сутки и вовсе отсутствовала. Приходилось поэтому каждую корреспонденцию, очерк или статью писать в трех экземплярах и отдавать на телеграф, на пункт фельдсвязи и на попутные самолеты. И все же многие наши материалы так и не попадали в Москву. Обидно, но что поделаешь. Такая уж была обстановка.

А она на Северном Кавказе продолжала с каждым днем осложняться. Враг усиливал натиск сразу на двух главных направлениях - приморском и грозненском. В этих условиях штаб фронта то и дело менял свое местонахождение. И это тоже неблаготворно сказывалось на нашей работе.

Вскоре пришла еще одна телеграмма из редакции. В ней предписывалось: "Всей вашей группой следуйте Тбилиси там проинформируйтесь после чего немедленно выезжайте район Моздока тчк Захватите собой Темина тчк Надо любой ценой доставить редакцию снимки горящих вражеских танков тчк Хочу подчеркнуть большое политическое значение этого задания тчк Крепко надеюсь всех вас тчк Вадимов".

* * *

Оставив в Приморской группе войск недавно прибывших к нам Шифрина и Глебова, выехали в Тбилиси. В Сухуми командующий 46-й армией генерал-лейтенант К. Н. Леселидзе сообщил, что Северо-Кавказский фронт расформирован, а его войска переданы Закавказскому фронту.

Полки и дивизии 46-й армии в это время вели тяжелые бои с врагом на горных перевалах Главного Кавказского хребта.

- А добраться до действующих частей можно? - спросили мы у командующего.

- Конечно можно.

Я взглянул на Зигмунда Хирена. Он вместе с бригадным комиссаром Шифриным только что прибыл к нам из Москвы и не успел дать с юга еще ни одной корреспонденции.

- Поедешь в горы?

- Если надо - поеду!

- Поезжай...

Зигмунд Хирен пробыл на перевалах Кавказа больше двух недель, и вскоре в "Красной звезде" появились его интересные очерки и корреспонденции о героях тех боев.

Но это - в недалеком будущем. А пока же мы, оставив Хирена в 46-й армии, день и ночь, почти не отдыхая,, едем к Тбилиси.

...Сидим у начальника политуправления Закавказского-фронта бригадного комиссара К. Л. Сорокина и слушаем его рассказ о боях под Моздоком. Сорокин лишь недавно вернулся оттуда и буквально переполнен впечатлениями.

Нам тоже надо под Моздок, и начальник политуправления дает нам фамилии героев, называет целые подразделения, отличившиеся в боях с танковыми частями противника.

Затем вместе с ним идем к члену Военного совета бригадному комиссару П. И. Ефимову. Тот дольше других задерживает руку нашего Петра Андреевича Павленко, Оказывается, они уже встречались и раньше. И оба теперь рады новому свиданию.

Петр Андреевич сразу же берет инициативу в свои руки. Поясняет, какие задачи поставила перед нами редакция. П. И. Ефимов внимательно слушает, делает пометки в блокноте, а затем говорит:

- Думаю, что "Красная звезда" правильно сделала, сосредоточив у нас столько своих корреспондентов. Темы для выступлений мне кажутся тоже вполне актуальными. Что же касается машины, то тут дело сложное. Хотя попытаемся помочь вам и в этом. Давайте-ка попросим машину у командующего фронтом генерала армии Ивана Владимировича Тюленева. Думаю, даст. У него ведь и резерв есть...

Ефимов тут же снимает трубку телефона и докладывает командующему, о чем в ближайшее время собираются писать с Закавказского фронта корреспонденты "Красной звезды". Говорит и о своей беседе с нами, рассказывает о Павленко. И тут же переспрашивает:

- К вам? С ним? Идем... - И - обращаясь уже к Павленко: - Пойдемте. Не будем терять времени, командующий нас ждет.

Минут через двадцать П. И. Ефимов и П. А. Павленко возвращаются. Петр Андреевич делает нам многозначительный жест. Мы догадываемся, что наша просьба о машине удовлетворена.

Член Военного совета тут же подтверждает эту догадку:

- Машина выделена лично для Петра Андреевича Павленко. Но я надеюсь, что товарищи из "Красной звезды" сумеют правильно использовать ее...

От Петра Андреевича узнаем, что генерал И. В. Тюленев рекомендовал нам в первую очередь ехать в 11-й гвардейский стрелковый корпус. Обещал предварительно позвонить его командиру генералу И. П. Рослому. Что ж, мы не против.

А вечером к нам явился водитель автомашины красноармеец Василий Харченко. Представился, доложил, что прикомандирован к товарищу Павленко...

* * *

Выехали в район Моздока еще затемно. Я ехал в одной машине с П. А. Павленко и фотокорреспондентом В. А. Теминым, которому и было поручено сделать панорамный снимок подбитых фашистских танков.

На окраине одной из терских станиц нашли штаб 11-го гвардейского стрелкового корпуса. Генерал И. П. Рослый говорил с нами, лежа в постели. Его свалил не то жестокий приступ малярии, не то сильная простуда. Но он знал о цели нашего приезда и сделал все, что было нужно.

- Машину ставьте здесь. К передовой вас поведет капитан Андреев. Очень прошу в пути выполнять все его советы. Кстати, вас, Петр Андреевич, обратился Рослый к Павленко,- очень просил на обратном пути заехать к нему член Военного совета армии бригадный комиссар Крайнюков.

...Дорога то выскакивала в долину, то снова жалась к горам. Примерно через час ходьбы капитан Андреев подсказал:

- Сворачиваем вправо. Там штаб бригады. Я посмотрел на П. А. Павленко. Тот понял меня и ответил:

- Если вы знаете дорогу и дальше, то продолжим путь. В штабе нам нечего делать.

- Слушаюсь, - козырнул Андреев.

При переходе через небольшой хребет наша группа была неожиданно обстреляна картечью. Но все обошлось благополучно. И все же в дальнейшем, спускаясь по склону к КП одного из батальонов, проводник повел нас не по дороге, а метрах в пятидесяти от нее.

- Дорога пристреляна, - пояснил он. - А так безопаснее.

В долине, по которой мы вскоре пошли, тут и там стояли сгоревшие вражеские танки. Мы насчитали двадцать машин. Но еще больше опаленных огнем громадин застыло впереди, где, по словам капитана, проходил передний край обороны корпуса.

В штабе батальона Петр Андреевич Павленко с ходу заявил:

- Мы прибыли к вам в основном из-за вот этого нашего коллеги. - Он кивнул на Виктора Темина. - Ему надо сфотографировать подбитые вами вражеские танки.

- Пожалуйста, у нас есть что фотографировать, - ответил

начальник штаба.Видели, сколько танков наколотили наши артиллеристы и бронебойщики?

Но тут в разговор вступил сам Виктор Темин:

- Что ж, мертвую технику заснять нетрудно. А не будет ли возможности сфотографировать настоящую атаку? Атаку фашистских танков?

Наступила небольшая пауза.

- И это можно. Но придется ждать утра, - первым отозвался комбат.

- Утра или дня, определенно сказать, конечно, нельзя, - поправил командира начальник штаба. - Но надо ждать.

- А когда можно будет добраться до боевого охранения? - спросил Темин.

Командир и начальник штаба переглянулись. Вопрос Виктора явно их озадачил.

- На такой риск мы не пойдем! - твердо заявил комбат. - Вернее, вам рисковать не позволим.

- Почему? - запальчиво спросил Темин.

И тут вмешался Павленко. Заговорил спокойно:

- Здесь надо все взвесить и обдумать, товарищи. Понимаете, враг трубит на весь мир, что он двигается по Кавказу, не встречая сопротивления, что Красная Армия разбита и деморализована. И представьте себе, что вдруг в советской газете появляется снимок, на котором - десятки горящих фашистских танков. Это ли не разоблачение геббельсовских борзописцев?

Аргументы Петра Андреевича произвели нужное впечатление. И ночью Виктор Антонович Темин в сопровождении автоматчиков пошел-таки к боевому охранению...

Где-то часов в одиннадцать началась такая нужная для Темина атака вражеских танков. После короткого артиллерийского налета на позиции батальона пошло сразу сорок восемь стальных машин. Я видел, каким бледным стало лицо начальника штаба, когда он оторвался от окуляров стереотрубы. Да, почти полсотни идущих на тебя танков - не шутка!

А вот комбат да присевший к рации командир с артиллерийскими эмблемами на петлицах внешне казались спокойными. Первый из них деловито отдавал по телефону распоряжения в роты, а второй в микрофон - понятные лишь посвященным угломеры и уровни на огневые позиции батарей.

А вражеские танки все ближе и ближе... И тут где-то неподалеку слаженно и мощно грохнуло. Блиндаж вздрогнул, с потолка посыпалась земля. Комбат припал к стереотрубе...

Бой длился часа полтора. Почти девяносто минут над долиной и отрогами гор грохотала огненная гроза, круша скалы и

танки, пушки и блиндажи, щедро сея вокруг огонь и смерть. И противник не выдержал ее, отошел...

Наступившую вслед за этой грозой тишину мы вначале как-то и не заметили. Вернее, долго не замечали. К тому же прервалась связь с соседними батальонами, и теперь связист до хрипоты вызывал каких-то "Лебедя" и "Ворона".

- Живы? - раздался вдруг звонкий голос комбата. С его гимнастерки и фуражки струился песок. Он стоял у двери блиндажа и улыбался. А затем объявил: - Горят двенадцать "коробочек", а подбито еще больше! Думаю, сегодня он больше не сунется.

И угадал.

...Темин вернулся ночью. На все наши вопросы ответил коротко:

- Кадры потрясающие!

И действительно, снимки Виктора Темина, напечатанные вскоре в "Красной звезде", произвели большое впечатление.

* * *

Потолок, стены и пол блиндажа вздрагивают как в лихорадке. Время от времени на стол сыплется песок. Огненный язычок коптилки мечется из стороны в сторону.

- Ишь, как бомбит, проклятый! - ворчит генерал Иван Павлович Рослый, подходя к связисту. Говорит ему: - Попробуй-ка еще раз вызвать Александра Васильевича, может, сейчас ответит.

Но 34-я бригада по-прежнему молчит.

Заметно, что Иван Павлович не только нервничает, но и страдает, как страдают люди, у которых попали в беду родные. И бывает же такое. Ведь 34-я стрелковая бригада всего несколько дней как в корпусе. Но и этих немногих дней оказалось достаточно, чтобы бригада, образно выражаясь, вошла в сердце, овладела умом этого опытного и боевого комкора. Он говорит о ней как о едином живом организме, а ее командира Ворожищева зовет не иначе как по имени и отчеству - Александром Васильевичем.

Дверь блиндажа с шумом распахивается, и в ее проем втискивается начальник штаба корпуса.

- Ну и бомбят! - говорит он, отряхиваясь. И - уже официально: Докладывают, что к Гизели подходят фашистские танки. Командующий армией приказал сменить КП...

- Сейчас, сейчас, - отвечает комкор. - Ну-ка, сержант, звони опять к Александру Васильевичу.

Ворожищев молчит...

Мы с начальником штаба выходим из блиндажа первыми. И сразу же бросаемся на землю. На КП пикируют "юнкерсы". Но

бомбы падают в стороне.

Падая, я поцарапал обо что-то щеку. Генерал И. П. Рослый, выйдя следом за нами, спрашивает:

- Что, ранен, товарищ корреспондент?

- Да нет, просто поцарапался, - отвечаю я. Рослый подзывает к себе адъютанта, приказывает ему:

- Сними с позиций пятьдесят четвертую зенитную батарею и вместе с ней следуй в тридцать четвертую бригаду. Скажи Александру Васильевичу, что больше я пока ему ничего дать не могу. От него любыми путями - подробное донесение мне... Да, на обратном пути заверни еще к танкистам, узнай, сколько у них восстановлено машин.

Уже третий день у окраин Орджоникидзе идут эти ожесточенные бои. Еще 25 октября враг при поддержке танков и авиации прорвал оборону 37-й армии, овладел Нальчиком. А вот теперь, по состоянию на 1 ноября, он уже на пороге столицы Северной Осетии.

В числе других войск, вставших на оборону Орджоникидзе, находится и 11-й гвардейский стрелковый корпус генерала И. П. Рослого. Он усилен танковой и стрелковой бригадами, а также артиллерией.

- С такими-то силами мы обязательно остановим врага, - уверенно говорит комкор, когда мы перебираемся на новый КП.- Главное же сейчас - побольше выбить у него танков.

Генерал старается быть спокойным. Но я-то знаю, что его по-прежнему волнует отсутствие связи с 34-й бригадой...

Мы, корреспонденты, уже дважды пытались пробраться в село Майрамадаг, в районе которого обороняется эта бригада. Но в первый раз путь нам преградили "юнкерсы". Дело в том, что от взрыва авиабомбы на дорогу обрушился многотонный кусок скалы, и мы вынуждены были повернуть назад. Во второй раз нас обстреляли уже просочившиеся к дороге вражеские автоматчики...

А попасть в бригаду очень хотелось. Дело в том, что она загородила собой путь фашистам к Военно-Грузинской дороге. И по словам генерала И. П. Рослого, враг бросил сейчас против нее основные силы 13-й немецкой танковой и полки 2-й румынской горнострелковой дивизий. Две дивизии на бригаду! Нет, нам обязательно нужно быть там. И мы делали все новые и новые попытки попасть в бригаду...

* * *

Наконец 3 ноября добрались-таки до КП 34-й бригады! В блиндаже у комбрига полковника А. В. Ворожищева застали почти всех командиров подразделений. Александр Васильевич

собрал их, чтобы поставить новые боевые задачи.

У старшего лейтенанта Сатаева, батальон которого нанес наиболее тяжелый урон врагу у высоты 608,2, забинтована голова. Сквозь повязку проступает кровь. Рядом с ним сидят командир артиллерийского дивизиона капитан Костюк и бледный, тоже еще не оправившийся от недавнего ранения командир истребителей танков капитан Престинский. Неподалеку расположился командир 4-го батальона Шурупов...

- Времени у нас мало, товарищи, - оглядев собравшихся, заговорил полковник, - поэтому не будем ждать остальных. Подойдут и от вас все узнают... Ну, во-первых, командир корпуса поручил мне объявить всем благодарность за стойкость и мужество. Доведите это до каждого бойца и командира. Приказано незамедлительно оформить наградные листы на особо отличившихся. Вопросы есть? Нет? Хорошо. А теперь о главном. Получен приказ: основные силы бригады поставить на оборону Саурского ущелья. Есть данные, что Гитлер потребовал от своих генералов в ближайшие день-два пробиться-таки к Военно-Грузинской дороге. Выходит, что нам будет еще труднее, чем прежде. Но мы обязаны выстоять. Во что бы то ни стало - выстоять!

После этого полковник начал подзывать к себе поочередно каждого командира и по карте показывать, где и кому занимать новые позиции.

Поставлена задача последнему комбату. Но никто не уходит из блиндажа. Зависает ждущая пауза. И Ворожищев правильно разгадал ее. Кивнул, засмеялся:

- Ну чего вы еще от меня хотите, товарищи? Услышать, что дополнительно передал мне командир корпуса? Что ж, обрадую: к Орджоникидзе подтягиваются новые артиллерийские части. Ночью, например, прибыл полк "катюш". К нам в бригаду тоже идет подмога...

34-я стрелковая бригада сформирована недавно. Основной ее костяк курсанты пехотных и даже военно-морских училищ. Так вот почему так неравнодушен к ней генерал Рослый!

Дерутся курсанты стойко. Как рассказал полковник Ворожищев, перед обороной бригады - груды обгорелого металла, подбиты десятки вражеских танков и бронетранспортеров. А сколько уничтожено пехоты!

Несколько позднее начальник политотдела бригады батальонный комиссар П. Т. Петитский показал нам ряд наградных листов. Вот один из них, на сержанта Анатолия Трифонова. Расчет его сорокапятки подбил три танка... Краснофлотец Петр Бурый. Оставшись один у орудия, он

продолжал вести огонь и сжег два танка... Алексей Хилько, связист. Устраняя обрыв на линии, увидел идущий на него фашистский Т-IV. Не растерялся, бросил под гусеницы гранату, затем бутылку с горючей смесью. Танк загорелся... Николай Науменко, старшина роты. Лег за пулемет, расчет которого погиб, и открыл огонь по вражеской пехоте. Атака противника была сорвана...

В бригаде большинство раненых отказываются от эвакуации и продолжают бой. Одним словом, в героях недостатка нет. И мы записываем, записываем рассказы о них, беседуем и с самими отличившимися.

А ночью нас провожают до шоссе, и мы возвращаемся в Орджоникидзе.

* * *

По обезлюдевшим городским улицам едем в оперативную группу 9-й армии. Но никого там на месте не застаем. Оказалось, что командующий генерал-майор К. А. Коротеев и член Военного совета бригадный комиссар К. В. Крайнюков накануне выехали встречать подходившие к Орджоникидзе артиллерийские и гвардейские части. Начальник же штаба армии полковник А. Н. Коломинов еще с ночи находится в дивизии НКВД, которая отбивает атаки врага почти на самой окраине города...

И все же 5 ноября фашистские дивизии под Орджоникидзе были остановлены. А на следующий день наши части и соединения в свою очередь нанесли по войскам противника удар огромной силы. В нем участвовали танки и артиллерия, стрелковые дивизии и морские бригады, авиация и специальные инженерные подразделения. Ожесточенное сражение шло, не затихая, несколько ДЕ1ей и ночей.

Утром 11 ноября сопротивление фашистов было сломлено, советские войска овладели Гизелью и Новой Сани-бои. А 12-го полки и дивизии 9-й армии вышли уже на рубеж рек Майрамадаг и Фиогдон...

В эти дни Военный совет Закавказского фронта обратился к войскам с таким призывом:

"Боевые товарищи, защитники Кавказа!

Войска Северной и Черноморской групп, выполняя приказ матери-Родины, остановили врага в предгорьях Кавказа. В оборонительных боях под Ищерской, Малго-беком, Туапсе, Новороссийском, Нальчиком, Шаумяном, Ардоном наши доблестные пехотинцы, отважные моряки, гордые соколы-летчики, бесстрашные танкисты, мужественные артиллеристы и минометчики, лихие конники, смелые саперы и автоматчики, разведчики, связисты и железнодорожники вписали славную

страницу в историю Великой Отечественной войны, покрыли свои знамена неувядаемой славой!

В течение лета наши войска не прекращали активных боевых действий, постоянно атаковали врага, нанося ему огромный ущерб в живой силе и технике, расшатывая вражескую оборону. В период кровопролитных боев, разгоревшихся на юге и в центре нашей страны, мы сковали около 30 вражеских дивизий, не давая возможности врагу перебросить их на другие фронты.

Войска нашего фронта сдержали натиск врага и теперь переходят в наступление.

Вперед на разгром немецко-фашистских оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!"

Да, части и соединения Северной группы войск фронта уже шестой день вели наступательные бои. Мы, корреспонденты "Красной звезды", неотступно следовали за ними, по возможности оперативно освещая их победный путь. Уже освобождены сотни осетинских, ингушских, чеченских и русских селений, а также города Малгобек, Моздок, Прохладный...

Места основных схваток с врагом до сих пор кажутся горячими - так обожжены они огнем и избиты металлом. На каждом шагу бесформенные груды железа. Это бывшие фашистские грузовики, танки, бронетранспортеры, пушки, пулеметы, самолеты. У обочин дорог бесчисленные могильные холмики с крестами и без крестов. И взорванные блиндажи, помятые каски, фляги, ложки, обрывки газет, боевых донесений, писем...

Сейчас уже совершенно ясно, что немецко-фашистские войска здесь, на Северном Кавказе, потерпели жестокое поражение. До нефти Грозного и Баку они так и не дошли. Больше того, теперь они думают, вероятнее всего, лишь о том, как бы унести отсюда ноги.

Вот выдержки из писем убитых гитлеровцев. В них они описывают еще тот период, когда наши войска стояли в обороне.

Ефрейтор: "Второй месяц топчемся на одном месте. Каждый день атакуем позиции русских гвардейцев и не можем продвинуться ни на метр. Русские стрелки, пулеметчики и артиллеристы оборудовали неуязвимые позиции в скалах, и наши бомбежки, артиллерийские и минометные налеты не приносят, вероятно, им большого ущерба. А мы теряем все больше и больше людей..."

Обер-лейтенант: "Ты спрашиваешь, далеко ли от нас до Грозного. Очень близко, каких-нибудь 80-90 километров. Но у нас иссякли силы, и мы уже не можем преодолеть это расстояние. Противник дерется с возрастающим ожесточением. Похоже, что

мы так и не получим русской нефти..."

Капитан: "О настроении нечего и говорить. Оно не может быть хорошим, так как все наши расчеты спутаны большевистской армией. Мы пришли сюда за волшебно богатыми землями и нефтью. Боюсь, что ни того, ни другого нам не видать..."

В Моздоке на стене первого же полусгоревшего дома читаем объявление гитлеровского коменданта:

"С сего числа всем гражданам города запрещается:

1. Иметь огнестрельное или холодное оружие. Виновные в нарушении этого параграфа расстреливаются на месте.

2. Иметь радиоприемники и слушать большевистское радио. Виновные в нарушении этого параграфа караются смертной казнью через повешение.

3. Общаться с партизанами и агентами большевиков. Виновные наказываются смертью.

4. Выходить на улицу после 6 часов вечера.

5. Громко петь и играть на музыкальных инструментах.

6. Разговаривать с русскими военнопленными, а также арестованными, выполняющими работы по приказу немецкого командования..."

Всего двадцать один пункт в этом приказе. И за нарушение шестнадцати из них наказание одно - смерть. Вот он, "новый порядок"!

* * *

16 января приехал Константин Симонов. С ним - частый его спутник фотокорреспондент Яков Халип.

После нашей последней встречи с Симоновым в Туле прошло немногим более года. За это время Константин Михайлович заметно возмужал, хотя остался по-прежнему худощавым. За это время он уже стал признанным лидером среди нас, военных корреспондентов, и даже одним из заметных и авторитетных военных писателей страны. Его "Дни и ночи Сталинграда", а также очерки и корреспонденции с других фронтов являлись, по моему убеждению, эталоном для каждого военного публициста.

В поведении Симонова, в манере его разговора, в отношениях с нами, его товарищами, ни тени превосходства или каких-либо других признаков головокружения от успехов. Он по-прежнему исключительно прост, открыт душой, переполнен дружеской теплотой и участием. Помнится, как-то я нечаянно назвал его Константином Михайловичем. Симонов обиделся:

- Какой я тебе Константин Михайлович?! Для тебя я - Костя, а ты для меня Паша!

Симонов рассказал, что до приезда к нам он несколько дней пробыл в Ташкенте. Впечатлений из Средней Азии привез массу!

Так, в Ташкенте он познакомился с женщиной-узбечкой, которая усыновила пятерых детей разной национальности. Среди них - русский, два украинца, белорус и еврей. Ребята лишились родителей во время эвакуации из западных областей нашей страны.

- Ах, какой же это человек! Небольшого росточка, глаза добрые-добрые! рассказывал Симонов об этой женщине. - И скромная, как все хорошие люди. По-русски говорит плохо. Спросил ее: "Не трудно будет - трое своих да пятеро приемышей?" "Нет, нет, - мотает головой, - хорошо будет, хорошо!"

Побывал писатель и на заводе "Ташсельмаш". В цехах в основном работают женщины, пенсионеры да подростки. Причем как работают! От станков не уходят по 14-16 часов. А питание-то скудное...

- Тяжело? - спросил там Симонов пятнадцатилетнюю девушку, собиравшую автомат.

- А вам на фронте разве легче? - вопросом на вопрос ответила работница.

Ну как не вспомнить Ташкент и людей, с которыми там встречался!

Симонов все такой же неугомонный, жадный к работе. Едва приехав к нам, сразу же потащил меня в штаб Северной группы войск. А затем в 9-ю армию.

...Второй день живем в станице Гулькевичи на квартире у Марии Ивановны Новиковой, пожилой казачки, три сына которой с первого дня войны на фронте. У нее на руках сейчас - тринадцатилетняя внучка Рая, неисправимая хохотушка.

Кстати, не смеется она только тогда, когда Константин Михайлович читает свои новые стихи. Вот и сегодня вечером Симонов протянул мне вырванный из блокнота листок. Попросил, почему-то смущаясь:

- Оцени, как вышло. Набросал тут кое-что...

Читаю:

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли,
С "лейкой" и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу
Мы прошли...

- Так это же чудесная песня, Константин!

Яков Халип тут же подбирает мотив. Я подхватываю. За нами начинает подпевать Симонов...

Рая зачарованными глазами смотрит на нас. Мария Ивановна

тоже выпрямилась у печи и, сложив руки на груди, слушает рождающуюся песню.

Да, это было первое исполнение песни Константина Симонова, ставшей затем едва ли не гимном фронтовой журналистской братии.

Вместе с Симоновым въехали на рассвете 12 февраля в освобожденный от врага Краснодар. За Кубанью и у городского вокзала еще идут бои, но тем не менее население города уже высыпало на улицы из самодельных щелей и подвалов. Наши роты и батальоны двигаются буквально по живому коридору. Улыбки, слезы радости, красные флажки и самые нежные слова сопровождают их: "родные", "дорогие", "долгожданные"...

Еще дымят пожарища, нередко взлетают на воздух и заранее заминированные врагом здания... На углу улиц Шаумяна и Ворошилова - виселица. Казнен фашистами юноша лет 16-17-ти. Угол Красной и Ленина - тоже виселица. Здесь казнена женщина...

Позднее весь мир узнает, что именно здесь, в Краснодаре, фашисты впервые испытали свое самое адское изобретение - газовые автомобили. Но это, повторяю, узнают позднее. А сейчас город буквально нашпигован виселицами. В подвалах здания гестапо - горы трупов. Мужчины, женщины, подростки... Во дворе тюрьмы снова казненные.

Следы жестокости на каждом шагу.

Пишем корреспонденцию об увиденном в Краснодаре вдвоем с Симоновым. На этом настоял сам Константин, заявив:

- Были вместе, все облазали вместе. Выступим в газете на пару, это будет честно.

Написали, отправили. А ночью Симонов уехал на Южный фронт.

И вдруг на следующий день, часов в 14, меня позвали к прямому проводу. В Москве у аппарата был главный редактор Д. И. Ортенберг. Он телеграфировал:

"Вы сделали большую ошибку поставив вместе Симоновым свою подпись под корреспонденцией Краснодара тчк Вообще неприлично корреспонденту навязываться соавторы такому видному писателю как Симонов тчк Никто не поверит что вы вместе писали тчк Не повторяйте подобных ошибок впредь тчк".

Прошу телеграфиста отстукать ответ:

"Вместе Симоновым были войсках во время боев Краснодаре вместе вошли освобожденный город вместе ездили ходили слушали смотрели тчк Уверяю вас вместе писали тчк Писали его настоянию тчк".

Д. И. Ортенберг подытожил разговор так:

"Считаю ваше объяснение неудовлетворительным тчк Под корреспонденцией будет оставлена одна подпись тчк Ортенберг тчк".

И материал действительно опубликовали за подписью одного Симонова. Я не возражал. Но вечером получил телеграмму уже от Константина:

"Возмущен самоуправством редакции тчк Сообщил об этом Ортенбергу просил извиниться перед тобой тчк. Будь здоров твой Костя тчк".

Позднее и в самом деле пришла извинительная телеграмма от редактора.

Вот таким был он, Константин Михайлович Симонов.

И еще одна неожиданность: получил письмо от Федора Степановича Петрякова. Да, да, от того самого старшины Петрякова, с которым меня свела судьба на разбитом шоссе Тула - Москва еще в конце октября 1941 года. И вот теперь...

"Несколько месяцев пробыл в артиллерийском училище, - писал Федор. - Когда направляли туда, то и сам не очень-то верил, что из меня будет толк. ан нет, ошибся. Очень доволен учебой и самим училищем. Это одно из старейших и знаменитых ленинградских военных заведений с хорошими традициями и высочайшей культурой.

Народ учился со мной больше всего фронтовой, а значит, и хороший. Занимались по 14 часов в сутки. Сейчас учеба подходит к концу, мы уже примерили командирскую форму. На днях меня вызвали к начальнику училища. Пришел, а в его кабинете... моя жена, Нюра! Увидела меня, еле успела сказать: "Федя!" - и раз на пол пластом. Мы с генералом ее водой, потом нашатырным спиртом отхаживали. Встала она, бледная, худая, и снова едва не упала. Генерал шепнул мне: "Это у нее, похоже, от голода".

И точно. Потом она рассказала мне, как они там, в тылу, живут. Производят хлеб, и мясо, и молоко, и овощи разные. Но сами себе во всем отказывают. Многие кол- хозяйки даже со своих личных хозяйств все отдают в фонд Победы! Вот они какие, наши люди!..

Да, в Саратове, прямо на заводе, на своем рабочем месте, умер мой младший брат. Скоротечная чахотка. А за год до этого умерла его жена. Двух их дочек-сироток Нюра у себя приютила...

Вот такие-то мои новости, товарищ корреспондент. Сейчас рвусь на фронт. Ох, как же жестоко я буду мстить этим гадам! Ваш Ф. Петряков".

Глянул на штемпель. Письмо искало меня долго. Значит, Федор Степанович снова на фронте. И уже не старшиной, а командиром огневого взвода или даже батареи. "Что ж, твое

желание мести священно, Федор! Громи врага беспощадно! А там, глядишь, и встретимся в поверженном Берлине. Туда нам обязательно нужно дойти. Во что бы то ни стало!"

Таков был мой мысленный ответ другу.

Глава четвертая. Начальник политотдела

Красноармеец Иван Сурин - родом из небольшого волжского села, что находится неподалеку от города Камышин. В войну вступил у Житомира в июле 1941 года, когда ему только что исполнилось девятнадцать лет. Был вторым номером в расчете станкового пулемета. В первом же бою получил ранение в левое плечо, но остался в строю, за что был награжден медалью "За отвагу". При отходе частей Красной Армии за Днепр находился в числе тех, кто обеспечивал переправу через реку главных сил. Здесь ему пришлось быть и сапером, и санитаром, даже некоторое время командовать группой бойцов, числом более взвода.

Встретил я его еще осенью 1942 года под Моздоком, в одной из частей гвардейского стрелкового корпуса генерала И. П. Рослого. Сюда он попал с пополнением, отлежавшись в госпитале уже после третьего ранения.

Мы сидели с Суриным под скалой и неспешно разговаривали. Собственно, спешить было и некуда: уже третьи сутки как батальон, где служил этот боец, вывели в резерв командира корпуса.

Иван был загорелым, с россыпью веснушек на носу. Светлые волосы зачесаны назад. Говорил он охотно, совершенно не смущаясь тем, что я делал записи в своем блокноте. Считал это, наверное, в порядке вещей - ведь меня свел с ним сам комиссар батальона...

- А орден Красной Звезды за что получили? - задал я ему очередной вопрос.

- Ну-у, это долгая история...

- И все-таки рассказали бы...

Сурин помолчал.

- Случилось это, значит, в июле, еще на Украине. Часть наша после тяжелых боев с превосходящими силами противника вынуждена была вновь отойти. Как сейчас помню, заняли новую оборону у небольшой речушки. За ней по всем приметам располагалась какая-то железнодорожная станция - до нас даже доносились гудки паровозов.

Темнело. Подошли кухни - их бойцы всегда ждут с нетерпением. Сытно подзаправились, а настроение все равно не поднялось. Тяжело было на сердце, очень тяжело! Ведь враг шел и шел вперед, а мы пятились, отходили, оставляли фашистам все новые города и села, наших людей, наши богатства...

На небе уже высыпали звезды. На Украине они крупнее, чем у нас на Волге, и даже ярче здешних, кавказских. Тут бы поспать, да не спится...

Вдруг слышу впереди чей-то незнакомый голос:

- Военный совет фронта просит продержаться на этом рубеже еще только сутки. Понимаете, одни сутки...

- Потише, товарищ бригадный комиссар. - Это уже голос нашего полковника. Кругом ведь уши...

- Чьи уши? Кругом свои. А от своих и скрывать нечего. Вместе с вами, с другими командирами и пройдем по батальонам, ротам, скажем народу всю правду.

- Может, соберем сначала коммунистов?

- У нас на выборочные сборы времени нет. Кстати, много у вас коммунистов осталось?

- Небогато. В боях ведь они не жалеют себя...

- Тем более надо идти прямо к красноармейцам. Они, уверен, поймут нас...

Короче говоря, через какое-то время этот бригадный комиссар и командир полка подошли к нашей роте. Полковник сказал:

- С вами, товарищи бойцы, хочет поговорить заместитель начальника политуправления Южного фронта бригадный комиссар Брежнев Леонид Ильич...

- Товарищи, - обратился к нам бригадный комиссар, - на станции, которая за рекой, скопилось несколько эвакогоспиталей с сотнями раненых, Там же тысячи уходящих от врага беженцев. Дети, женщины, старики... Военный совет фронта просит красноармейцев и командиров . вашего полка продержаться здесь сутки. Только сутки! Железнодорожники обещают за эти двадцать четыре часа обеспечить полную эвакуацию со станции раненых и беженцев. Вы будете держаться не одни. Слышите, гудят тягачи? Это подходит к вам на подмогу полк тяжелой артиллерии... Итак, только одни сутки, товарищи! И этим вы спасете от верной гибели советских людей, которые, как вы сами понимаете, перед лицом врага совершенно беспомощны...

Простота, откровенность и душевность, с которыми говорил бригадный комиссар, покорили нас. Мы дружно заверили его, что продержимся тут столько, сколько будет нужно.

- Вот за это вам большое спасибо, - поблагодарил Леонид Ильич Брежнев.

Посыпались ему, как и полагается, вопросы. Он отвечал на все без утайки. Помню, командир нашего расчета Степан Ушаков спросил:

- Долго ли еще, товарищ бригадный комиссар, отступать-то

будем? Ведь стыдно людям в глаза смотреть...

Ответил. Воюем, сказал, с фашистами одни, а на них вся Европа работает. К тому же союзники наши тянут с открытием второго фронта. Это-то и дает возможность врагу все силы сосредоточивать против нас... Но бригадный комиссар обратил внимание и на то, что в нынешнем, сорок втором, году у Гитлера сил хватило лишь для наступления здесь, на юге. Потому-то и сложилось на нашем фронте столь тяжелое положение. Но все это, говорит, временно, врага мы все равно остановим. А потом погоним со своей земли!

Вопросов к Леониду Ильичу Брежневу больше не было. И тут уж он сам начал их задавать. И перво-наперво обратился ко мне, поскольку я ближе всех к нему:

- Вот вы, товарищ боец, в партии состоите?

- Нет, не состою...

- А видели, как коммунисты с врагом дерутся?

- Много раз, товарищ бригадный комиссар. И не только видел, но и сам учился бить его у коммуниста Мартынова, у командира своего расчета. Погиб он... Видел, как утонул, спасая во время переправы через Днепр пушку, и политрук роты Пустовалов...

- А кто же таких героев заменит в партии, товарищ Сурин?

Задели эти слова бригадного комиссара меня за сердце. Ведь я и сам давно подумывал о вступлении в партию. Да робел как-то. А вот перед тем боем подал-таки заявление секретарю партбюро батальона...

У той реки мы продержались около полутора суток. Бригадный комиссар все это время оставался в нашей части, я его еще не раз видел. Правда, уже издали...

А тут меня в шею ранило. В госпитале, в Махачкале, мне и вручили орден Красной Звезды. За тот бой, перед которым я заявление-то о приеме в кандидаты партии написал...

В разгар фашистского наступления на Северном Кавказе штаб фронта создал из коммунистов Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Ставропольского и Краснодарского краев четыре особых ударных отряда для усиления наших частей на наиболее опасных направлениях. И вот как-то командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный в беседе с нами, корреспондентами, сообщил, что наиболее удачно действует отряд, который был сформирован при непосредственном участии бригадного комиссара Л. И. Брежнева.

Маршал посоветовал нам:

- Встретиться с бригадным комиссаром вы, пожалуй, сейчас не сумеете. А вот подробности о сформированном им отряде

можете узнать у генерала Малиновского. Правда, Родион Яковлевич собирается ехать к новому месту своего назначения. Но если у него найдется время... Словом, он командовал Южным фронтом, затем был моим заместителем здесь, на Кавказе, и по поручению Военного совета фронта координировал действия этих ударных отрядов. А Леонид Ильич Брежнев работал заместителем начальника политуправления Южного фронта. Значит, Малиновский его хорошо знает... Зайдите вон в ту хату,- показал С. М. Буденный на небольшой дом на противоположной стороне улицы. - Думаю, Родион Яковлевич ответит на ваши вопросы...

Генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский время нашел, и наша беседа с ним продолжалась не менее полутора часов.

- Центральный Комитет партии, как вам должно быть известно, - говорил Родион Яковлевич, - мобилизовал и послал на фронт сотни тысяч коммунистов. В том числе и много партийного актива - членов и кандидатов в члены ЦК, секретарей ЦК компартий союзных республик, секретарей крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов... Я считаю, Южному фронту очень повезло, что к нам в политуправление пришел секретарь Днепропетровского обкома партии Леонид Ильич Брежнев - опытный партийный работник, большевик-ленинец...

Малиновский сделал короткую паузу, а затем начал рассказывать о своем бывшем фронте.

- Правда, этого фронта сейчас нет, он слит с Северо-Кавказским, но без излишней скромности могу сказать, что наши армии тоже сыграли свою роль в боях с врагом... Это наш фронт преградил осенью 1941 года путь фашистским войскам на Кавказ. Помните удар советских армий по гитлеровцам у Ростова-на-Дону и освобождение этого города? Нельзя сбрасывать со счетов и операцию наших соединений у Барвенкова и Лозовой...

Но это пока лишь вступление, - улыбнулся Малиновский. - Вас же интересует, как я понял, Леонид Ильич Брежнев и отряд, который был им создан, так? Что ж, мнение командующего фронтом об этом отряде вам уже известно. Хочу от себя добавить, что отряд по своему составу интернационален. В нем плечом к плечу бьются с фашистами русские и украинцы, грузины и армяне, азербайджанцы и дагестанцы. В ходе боевых действий численность и силы отряда непрерывно растут за счет групп и подразделений, по тем или иным причинам оторвавшихся от своих частей. Сейчас в нем более трех тысяч бойцов и командиров, он имеет пушки, минометы, пулеметы и даже свой автотранспорт.

Ну а что касается непосредственно Леонида Ильича... Сразу скажу, что бригадный комиссар Брежнев выполнил не одно

важное поручение Военного совета. И выполнил образцово! Помню его энергичную деятельность по материальному обеспечению частей во время боев у Барвенкова. Мне рассказывали, что товарищ Брежнев был в передовых полках, освобождавших в сорок первом году Ростов-на-Дону...

Вы же и сами знаете, как скупо даются у нас боевые награды. Так вот, Леонид Ильич Брежнев в числе первых политработников получил орден Красного Знамен"!

Вспоминаю еще и такой факт. Ударной силой фашистской армии, как известно, являются танки. Значит, борьба с ними, уничтожение их - главное условие для достижения успеха в любом бою, в любой большой или малой операции. На Южном фронте мы тоже придавали большое значение организации противотанковых артиллерийских опорных пунктов. В политуправлении фронта этими вопросами больше всех занимался Леонид Ильич. Привлек к ним и военные советы, политорганы армий, политотделы соединений, парторганизации частей и подразделений, фронтовую и армейскую печать.

Во многих опорных пунктах товарищ Брежнев побывал лично сам. Мне, например, рассказывали, как Леонид Ильич напутствовал личный состав артиллерийской батареи, которой командовал старший лейтенант Огаян. "Война, конечно, дело невеселое,- говорил бригадный комиссар..- Но коль фашисты навязали нам ее, надо научиться воевать по-настоящему, уметь в нужный момент побороть в себе робость и страх. Враг не так страшен, как он хочет себя показать. Главное для бойца - верить в свои силы, верить, что он сильнее любой грозной машины. Тогда перед ним и танк попятится".

Так беседовал с артиллеристами Леонид Ильич. А результат? В ноябре 1941 года та же батарея Огаяна отбила под Ростовом атаку сразу шестидесяти фашистских танков! А в следующем бою все ее расчеты пали смертью храбрых, но не отступили ни на шаг. 17 танков сожгли тогда советские богатыри! Родина высоко оценила их подвиг. В частности, старшему лейтенанту Сергею Огаяну и политруку батареи Сергею Вавилову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Кстати, вы читали знаменитые горбатовские "Письма товарищу"? Берут за сердце, не правда ли? Так вот, мне Борис Леонтьевич Горбатов лично говорил, что тема и пафос этих писем родились у него после бесед с Леонидом Ильичом Брежневым...

На улице раздались нетерпеливые автомобильные гудки. Родион Яковлевич замолчал, сосредоточенно посмотрел на часы. Мы поняли, что ему пора уже ехать, и встали. Малиновский тепло попрощался с нами.

Вскоре до нас дошла весть, что Р. Я. Малиновский принял под Сталинградом армию, которая впоследствии под его командованием пресекла все попытки гитлеровского фельдмаршала Манштейна прорваться к окруженным войскам Паулюса.

* * *

С очередной почтой из Москвы мне было переслано письмо пулеметчика сержанта И. В. Перегудова. В нем он писал, что сражается на Малой земле, у Новороссийска. Крепко бьет фашистов. Но одно плохо, что к ним, на Малую землю, с большими перебоями доставляется почта. Еще хуже обстоит дело со снабжением красноармейцев махоркой. А уж о положенных фронтовых ста граммах и говорить не приходится. Вот он и просит редакцию "Красной звезды" расшевелить снабженцев своим острым печатным словом...

И редакция, и мы, фронтовые корреспонденты, конечно же знали, с какими трудностями сопряжено снабжение сражающихся на Малой земле всем необходимым. Но сигнал есть сигнал, его требуется проверить. И проверить на том месте, откуда он поступил. Поэтому-то я и вручил письмо сержанта Перегудова своему коллеге майору Н. Н. Прокофьеву, который как раз находился а соединениях бывшей Черноморской группы войск. Прокофьев побывал на Малой земле, проверил жалобу пулеметчика. Как и ожидалось, она оказалась обоснованной...

А вскоре и мне было приказано выехать под Новороссийск, чтобы организовать от начальника политотдела 18-й армии полковника Л. И. Брежнева статью о партийно-политической работе в период оборонительных боев. Предполагалось использовать в ней примеры с Малой земли.

И вот мы с майором Н. Н. Прокофьевым у Л. И. Брежнева. Молодое и выразительное лицо полковника, с темными бровями над добрыми и умньми глазами, лучилось приветливой улыбкой. Он вышел из-за стола, каждому крепко пожал руку.

- Вы из Москвы или из Краснодара? Впрочем, товарищ Прокофьев, можно сказать, уже прописан у нас. Встречались. А вы?

Я представился, рассказал о целях приезда в армию, показал телеграмму из Москвы.

Л. И. Брежнев какое-то время молчал, а затем сказал:

- Да, мне уже звонили по этому поводу из Краснодара. И все-таки я должен дать вам отрицательный ответ. Думаю, для такой статьи сейчас не самое подходящее время. Мы испытываем большие трудности, особенно со снабжением. И боевые успехи не везде хорошие... Нет, лучше все-таки повременим. Вот сделаем

дело, тогда посмотрим.

Убедившись, что поручение редакции выполнить невозможно, я вспомнил о письме пулеметчика Перегудова. Попросил Н. Н. Прокофьева показать его Л. И. Брежневу и рассказать о своей поездке на Малую землю.

Леонид Ильич слушал внимательно. А когда сам прочитал письмо пулеметчика, то лицо его сделалось строгим и даже суровым.

- Видите? - поднял он на нас глаза. - А вы написать статью просите... Встал из-за стола, прошелся по комнате. - Ни наши снабженцы, ни многие командиры и политработники, к сожалению, пока еще не понимают, что бойцу письмо из дома или махорка - это тоже оружие. Продовольствие, почта - дело важное, политическое. А у нас к нему иногда относятся спустя рукава. Судят: без патронов, снарядов и мин воевать нельзя, а без письма матери или жены, без курева боец, мол, проживет. Как же это неверно! Какая политическая близорукость! - Л. И. Брежнев говорил уже с сердцем, гневно. - Прошу, товарищи, оставить это письмо мне. Мы сейчас как раз готовим к заседанию Военного совета армии вопрос о снабжении войск. Вот я и познакомлю на нем всех с письмом товарища Перегудова.

А недели две спустя мне представилась возможность ознакомиться с решением Военного совета 18-й армии о материальном снабжении войск на Малой земле. В документе угадывалась рука Л. И. Брежнева. Во всяком случае, некоторые фразы, прозвучавшие в разговоре с нами, целиком были положены в это решение. Упоминалось в нем и о письме пулеметчика И. В. Перегудова.

О деле капитана И. Л. Щукина мне рассказал член Военного совета фронта генерал В. А. Баюков.

- Очень советую зайти в наш военный трибунал и ознакомиться с делом капитана Щукина, - сказал он, - Интересное и, главное, поучительное это дело. Человека ждала суровая кара. Но вмешались мы, Военный совет, и дело приняло другой оборот. Вернее, вмешался начальник политотдела армии товарищ Брежнев, а мы его поддержали...

На следующий же день я зашел в трибунал.

...Дело на Ивана Леонтьевича Щукина уместилось в одну тоненькую папку. Суть его вкратце такова. При отступлении по кубанским степям в 1942 году у безымянной высоты близ хутора Н. противотанковый дивизион 45-мм пушек прикрывал отход нашей части. К вечеру позиции этого дивизиона атаковали вражеские танки. Советские артиллеристы смело вступили в бой с противником, хотя на его стороне был явный перевес в силах. И

вот будто бы в самый разгар жестокой схватки с врагом командир 2-й батареи старший лейтенант Щукин Иван Леонтьевич, 1917 года рождения, член КПСС с марта 1942 года, женатый, уроженец города Ленинграда, имеющий два ранения и награжденный орденом Красной Звезды и медалью "За отвагу", бросил свое подразделение и скрылся в неизвестном направлении. Оставшись без командира, эта батарея якобы тоже прекратила сопротивление и была раздавлена фашистскими танками. "Изменнические действия Щукина, - говорилось в деле, - привели к гибели едва ли не всего дивизиона, а также к неоправданно большим потерям в части, которую он прикрывал".

В деле имелся рапорт командира дивизиона, его показания следственным органам, а также показания трех других бойцов-артиллеристов, находившихся в то время в госпитале.

Почему-то так случилось, что до апреля 1943 года дело И. Л. Щукина лежало без движения. Но в апреле оно попалось на глаза следователю. Был назначен розыск Щукина. Его нашли в одной из артиллерийских частей - уже в звании капитана и в должности командира дивизиона. А когда нашли - арестовали и дали делу ход.

В деле хранилась и запись допросов Щукина. Капитан категорически отрицал свое бегство с поля боя и, напротив, рисовал совсем иную картину событий. Он, в частности, утверждал; что его батарея первой вступила в бой с фашистскими танками и подбила четыре вражеские машины. А после отражения атаки ему пришлось взять на себя командование всем дивизионом, так как его командир уехал на грузовой машине в тыл за боеприпасами и почему-то не возвратился... Атаки фашистов продолжались до вечера. Дивизион подбил двенадцать танков, но и наши потери были тоже тяжелыми: разбито 6 орудий, убито 12 и ранено 22 человека. Совсем плохо стало с боеприпасами. Связи с полком и дивизией не было...

Поздно вечером, как утверждал Щукин, к ним в дивизион заехал какой-то бригадный комиссар, фамилию которого он не помнит. Бригадный комиссар поблагодарил артиллеристов за отвагу и мужество, помог организовать эвакуацию раненых, а прощаясь, обещал принять меры для усиления дивизиона и присылки боеприпасов. К утру действительно на помощь дивизиону подошла зенитная батарея капитана Скорнякова. На трех автомашинах привезли биеприпасы. Но в тот день фашисты почему-то не атаковали. Щукин лично ездил в разведку и врага поблизости не обнаружил. Лишь после этого он, по совместному решению с командиром зенитной батареи капитаном Скорняковым, отвел дивизион от безымянной высоты.

Его артиллеристы и зенитчики в последующие дни четырежды вступали в бой с вражескими танками. Понесли новые потери. С оставшимися расчетами и орудиями Щукин отошел к Майкопу, а затем и еще дальше - до станицы Хадыженской. Здесь во время бомбежки был ранен и в беспамятном состоянии доставлен в госпиталь. После госпиталя, по излечении, через управление артиллерией Черноморской группы войск получил новое назначение.

Щукин просил сделать ему очную ставку с бывшим командиром дивизиона, а также разыскать капитана Скорнякова и допросить его. Еще он просил разыскать политрука Саркисяна, который был ранен у высоты и эвакуирован по распоряжению того незнакомого бригадного комиссара. Саркисян наверняка знает его фамилию. А бригадный комиссар сможет подтвердить все, что он, Щукин, тут показал.

Скорнякова и Саркисяна прокуратура сразу не нашла. Зато с командиром дивизиона очная ставка состоялась. И поверили не Щукину, а тому, уехавшему якобы за боеприпасами командиру дивизиона...

И тут об аресте Щукина узнал капитан Саркисян. На другой день он был уже в политотделе 18-й армии, чтобы доложить о случившемся полковнику Л. И. Брежневу. Оказывается, к артиллеристам в район безымянной высоты заезжал именно он, Леонид Ильич Брежнев, и он же эвакуировал в тыл раненого Саркисяна.

Начальник политотдела хорошо помнил тот бой, поэтому сразу же позвонил и в Военный совет, и в военный трибунал. Попросил не торопиться с окончательным решением дела капитана Щукина, так как здесь допущена вопиющая несправедливость. Щукин подлежит не наказанию, а награждению. Свои доводы Л. И. Брежнев обещал тотчас же изложить письменно...

Позже я встречался с капитаном И. Л. Щукиным. Счастливее его, казалось, не было человека на свете. Воевал он отлично. Я спросил, не бывал ли он у Л. И. Брежнева.

- Был, как не быть, - ответил Иван Леонтьевич. - Ведь если бы не товарищ Брежнев, то я и не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая судьба... Он меня принял, узнал, обнял. А благодарность мою переадресовал Саркисяну. "Благодари его, - сказал мне Леонид Ильич, - этого чудесного человека, настоящего большевика. А моя роль в этом была второстепенной, служебной". Согласен, Саркисян оказался действительно чудесным человеком. Но и участие товарища Брежнева я век не забуду!

* * *

Госпиталь в Сочи. В большое окно палаты на втором этаже гулкими зарядами бьет весенний морской ветер.

Сидим с врачом И. М. Галкиным у кровати краснофлотца Федора Дудышкина. Он ранен в грудь в рукопашной схватке на Малой земле.

Утром начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев вручил ему от имени Военного совета орден Красного Знамени. А затем всех награжденных угостил виноградным вином. И вот, выпив четверть бокала, Дудышкин сразу же заснул.

- Еще не успел окрепнуть... Кинжал врага прошел рядом с сердцем, - тихо говорит И. М. Галкин.

Краснофлотец Федор Дудышкин трижды ходил в группе разведчиков морской бригады на захват "языка". Дважды эти вылазки кончались успешно - моряки в первый раз захватили в плен ефрейтора, во второй - офицера. Этого офицера, кстати, скрутил и вынес на себе Дудышкин. А вот во время третьего поиска разведчики натолкнулись на вражескую засаду. Схватились с гитлеровцами врукопашную. Здесь-то Дудышкин и был ранен в грудь. Но, собрав последние силы, доставил в свое расположение получившего еще более тяжелое ранение старшину 1-й статьи Коваленко...

- Это вы, Илья Михайлович? - спросил вдруг Галкина проснувшийся от нашего негромкого разговора Дудышкин.

- Я, Федя, я. А со мной - корреспондент "Красной звезды". Хочет поговорить с тобой, - ответил военврач.

Я стал задавать краснофлотцу вопросы. Дудышкин отвечал. Правда, время от времени говорил, словно извиняясь:

- Отдохну немного...

У него рыжеватые волосы, продолговатое, с бледными, впалыми щеками лицо, бескровные губы.

Я думал, что Дудышкину лет двадцать пять, если не больше. Но оказалось только двадцать. На флот призван с Дальнего Востока, до войны жил и работал в Комсомольске-на-Амуре.

Недавно прибыл в район Новороссийска, был зачислен в морскую пехоту.

- Как говорится, с корабля на бал, - пытается шутить Дудышкин. - С неделю только и пробыл на учебном пункте. Тренировался днем и ночью. Я хорошо овладел приемами гранатометания и ближнего боя. А затем боевая тревога - и марш в порт, где стояли транспортные средства. Провожали нас адмирал и полковник Брежнев. Состоялся короткий митинг. Я думал, что начальство, пожелав нам успехов, сядет в автомобиль и... Но нет, ошибся. Полковник Брежнев поднялся вместе с нами на первый корабль, а адмирал, говорят, тоже пошел на одном из

катеров...

Отвалили, значит. Полковник Брежнев подсел к нам, закурил. Спросил меня, давно ли, мол, с Дальнего Востока. Сказал, что в свое время служил в Забайкалье. Поинтересовался моей гражданской специальностью. Я сказал, что работал подручным сталевара.

- Вот здорово! - радостно воскликнул Леонид Ильич. - Ведь и я имел кое-какое отношение к этой профессии.

Тут налетели вражеские самолеты. Мне по неопытности стало как-то не по себе. Хотел было в трюм нырнуть. Но полковник Брежнев удержал:

- Возьми себя в руки. Уверяю, ни одна бомба в нас не попадет. Взгляни-ка на небо. Видишь, какой сильный зенитный огонь?

И ведь верно, налет для нас окончился благополучно...

Вблизи Новороссийска уже вражеская артиллерия открыла огонь. Да такой плотный, что с ума можно сойти. И тут опять слышу голос товарища Брежнева:

- Сейчас наша тяжелая морская артиллерия заставит замолчать фашистские пушки. Видите сполохи в горах? Это наши... И смотрите, уже не так плотен огонь противника...

Уже позднее я узнал, что товарищ Брежнев бывал и в более тяжких переплетах. Говорили, что однажды его взрывом сбросило в море...

Ну, подходим, значит, к Малой земле. Причалы все разбиты. А море прямо кипит от осколков мин и снарядов. Надо прыгать в воду. И что же? Полковник первым подходит к борту. Но тут мы его опередили и даже помогли начальнику политотдела сухим добраться до берега.

Товарищ Брежнев вместе с нами шел до самого переднего края. А на прощание пожал мне руку, пожелав боевых удач...

Двадцать дней пробыл я на Малой земле. И трижды за это время видел Леонида Ильича. В последний раз он прибыл к нам с просьбой попытаться взять у противника "языка" покрупнее. Сказал:

- Хорошо бы офицера...

Вот тогда-то я и притащил на себе того фашиста с серебряными погонами...

Дудышкин достал из тумбочки орден Красного Знамени, любовно подышал на него и продолжил:

- А вот сегодня боевую награду получил. И очень рад, что ее вручил мне именно полковник Леонид Ильич Брежнев. "Мы теперь с тобой, товарищ Дудышкин, сказал он, - боевые друзья. И я тебя поздравляю не только как представитель командования

армии и Военного совета, но и лично, как фронтовой друг". И поцеловал меня...

* * *

С командующим 18-й армией Северо-Кавказского фронта генералом К. Н. Леселидзе я познакомился гораздо-раньше, еще в дни обороны Тулы. Тогда, осенью 1941 года, полковник Леселидзе был начальником артиллерии 50-й армии. Вторично мы встретились в Закавказье, в районе Сухуми, где, уже генерал-лейтенант, К. Н. Леселидзе командовал сначала корпусом, а позднее и 46-й армией, оборонявшей перевалы Главного Кавказского хребта.

И вот теперь вхожу в блиндаж командующего 18-й армией. Сопровождающий меня капитан открывает дверь, и я вижу склонившегося над картой, такого знакомого генерала. Леселидзе тоже узнал меня, пошел навстречу.

- Вот ведь как бывает в боевой жизни, - говорит он после обмена крепкими рукопожатиями. - Тула, Сухуми, а вот теперь Новороссийск... И что удивительно: когда был в Туле, думал, что тяжелее на всем фронте, наверно, не встречу места. А затем эти перевалы. Там бывали дни потяжелее тульских. Казалось, что именно здесь пик напряжения. Теперь вот Новороссийск, Малая земля...

Он подводит меня к оперативной карте и рассказывает об ожесточенных боях, которые ведет его армия. Потом спрашивает о цели моего приезда. Я поясняю, что редакция поручила мне организовать статью от начальника политотдела его армии полковника Л. И. Брежнева. Тема - партийно-политическая работа в обороне. Желательно на примерах с Малой земли. Но, несмотря на положительную реакцию по этому поводу Военного совета фронта, Леонид Ильич Брежнев отказывается писать эту статью. Говорит, что для подобного выступления не совсем подходящее время. Армия, мол, испытывает большие трудности со снабжением. И боевые успехи не везде хорошие...

Леселидзе довольно улыбается.

- Что ж, узнаю начальника нашего политотдела. И под его словами тоже могу поставить свою подпись. Он прав, прав и еще раз прав! Нам сейчас не до статей. Проблем и трудностей - сотни... - Прошелся взад-вперед по блиндажу. И продолжил: - А политотдел у нас, честно скажу тебе, крепкий. Боевой! И выше всяких похвал - его начальник, Леонид Ильич Брежнев. Это сгусток энергии, инициативы и самых лучших человеческих качеств. Большевик с большой буквы!

Я пересказал К. Н. Леселидзе нашу беседу с генералом Р. Я. Малиновским. Признался, что у меня все больше и больше

крепнет желание написать очерк о Леониде Ильиче Брежневе.

- Я тебе тоже могу рассказать о своем начальнике политотдела многое. И расскажу. Раз такое дело, не пожалею времени...- Развел руками. - Только, дорогой мой, л сомневаюсь, чтобы вдруг, сейчас, о нас начали писать и печатать очерки. Очень сомневаюсь. Ты читал очерк или статью хотя бы об одном начальнике политотдела армии, командующем или члене Военного совета? То-то...

Генерал К. Н. Леселидзе снова сделал паузу. Сильно потер пальцами свой высокий лоб. И, энергично рубя рукой воздух, снова заговорил:

- Но намерение твое я поддерживаю! Леонид Ильич Брежнев по-своему строит политработу. Ну вот хотя бы последний, самый свежий пример. По его инициативе мы, Военный совет армии, на днях будем обсуждать вопрос об улучшении медицинского обслуживания частей на Малой земле. И в частности, меры по ускорению эвакуации раненых на Большую землю. Буду откровенен, проблема эта преважнейшая! И пока что дело здесь поставлено из рук вон плохо. А ты можешь вообразить себе настроение здоровых красноармейцев, краснофлотцев, командиров, которые видят, как многими часами, да что там часами - "утками! - мучаются раненые в окопах и у причалов?! И Брежнев прав, заявив, что тут проблема медицинская перерастает в чисто политическую. И что же он делает? Мы по его предложению создали комиссию под председательством заместителя начальника политотдела армии майора Пахомова. Этой комиссии поручили не просто изучить работу медиков и написать докладные, а коренным образом перестроить все дело, максимально улучшить его на месте, по всей цепочке: место боя - санитарный пункт - причал - переправа на Большую землю - доставка в госпиталь. Комиссия двадцать дней работала в частях и соединениях. Значит, выступит перед нами не с абстрактными выкладками и предложениями, а выдвинет на утверждение меры, проверенные практикой, делом. Вот так, дорогой мой, работает начальник нашего политотдела полковник Брежнев...

А теперь об авторитете. Он у него в армии огромный.

Вот ко мне, как к командующему, то и дело обращаются с нуждами и просьбами командиры частей и соединений. И тут же просят для проверки обоснованности этих нужд и просьб кого-нибудь к ним прислать. И знаешь, чаще всего называют имя Брежнева. Почему? Да потому, что в полках и дивизиях ценят его опыт, партийную принципиальность, справедливость, верность данному слову и одновременно - простоту, доступность, душевность. Леонид Ильич всегда готов на любое, даже самое

трудное и опасное дело. И любое дело у него ладится.

* * *

Таковы шесть рассказов людей об одном и том же человеке. Шесть характеристик коммуниста-ленинца, выдающегося политработника.

Глава пятая. Курская дуга

Наш путь - на Центральный фронт. Здесь, на небольшом участке орловско-курского направления, наступают крупные силы противника. Еще 5 июля 1943 года враг ввел в сражение до полутысячи своих танков и штурмовых орудий и теперь с каждым днем наращивает силы. С воздуха всю эту массу войск и техники поддерживают сотни самолетов. Направление главного удара - на Ольховатку.

Бои идут огромного, невиданного напряжения. И тем не менее на прифронтовой дороге ни малейших признаков нервозности или тревоги. Все идет с деловым спокойствием, уверенностью в наших силах, верой в то, что враг не пройдет.

Движение чрезвычайно оживленное. В сторону фронта двигаются колонны грузовиков, кузова которых доверху забиты снарядными ящиками. Навстречу же этим колоннам спешат санитарные машины с ранеными. Их тоже много.

Приближение фронта заметно не только по более явственному гулу артиллерийской канонады. Вот мы поравнялись с мощным трактором-тягачом, который тянет за собой неприятельский "тигр". Грязно-темная громадина тяжелого танка производит впечатление. Придумано и сделано, пожалуй, неплохо. Но насколько же ловок и смел тот красноармеец, который сразил этот грозный вражеский танк!

- Куда его? - спрашиваю у тракториста.

- Да артиллеристы попросили ближе рассмотреть, что у него да как. Вот мы в тот лесок его и тянем.

- Прямо с поля боя?

- Известно, оттуда... Этого седьмым по счету подбили, залез дальше всех.

Останавливаем раненого ефрейтора, который своим ходом держит путь в тот же лесок, в госпиталь. Номер своей дивизии он не называет, говорит, не положено. А вот роту...

- Ротой командовал лейтенант Смирнов. Смирнов Евгений Федорович. Этот секрет можно раскрыть, поскольку в живых нашего ротного уже, к сожалению, нет. Погиб в контратаке... Моя фамилия Федулин, зовут Никитой, Ручным пулеметчиком в роте был... Дрались как положено. Танки, которые у него еще остались целы, пропустили через себя. А автоматчиков уложили всех, ни один фашист назад не ушел... Цифру назвать не могу, не до-счета

в бою было. Но побили много...

- По всему видать, не получилось у Гитлера с наступлением, - вступает в разговор другой раненый, сержант. - Танков его побили видимо-невидимо. А без танков фашист слабый. Не приученный он без поддержки танков воевать.

Мы просим сержанта назвать свою фамилию.

- Крамаренко я, из Сибири. Петр Игнатьевич. Был вторым номером в расчете противотанкового ружья. Двух "тигров" мы сожгли, а потом меня осколком мины в бок. Поначалу думал - конец. Но ничего, отошел, вон даже сам двигаюсь...

В рощице, что за маленькой деревушкой, сидит на траве группа пленных. Около нее - наш лейтенант и два красноармейца.

- Привал? - спрашиваю я у лейтенанта.

- Да вроде этого... А вообще-то кухню ждем. Надо же накормить этих гавриков...

Лейтенант неплохо знает немецкий, и мы через него задаем пленным несколько вопросов.

Отвечает высокий и худой обер-лейтенант, пилот с разведывательного самолета.

- Днем пятого июля командование послало меня сфотографировать отступающие русские колонны. Приказали установить, по каким дорогам они двигаются. Первый вылет - в десять часов. Но на дорогах мы не обнаружили никакого отхода ваших войск. В пятнадцать часов - снова вылет на разведку. Но и на этот раз мы не доставили фактов, что русские отступают. Ну а в третий вылет... Во время него меня сбили...

Обер-ефрейтор из 86-й немецкой пехотной дивизии рассказал:

- Наш полк в наступлении поддерживало двадцать танков. Двенадцать средних и восемь тяжелых. Успеха мы не добились. Рота за каких-нибудь полтора часа боя потеряла всех командиров, до девяноста процентов личного состава. Из второго взвода, например, уцелел лишь я один... Я на восточном фронте с сорок первого года, но таких страшных боев еще не видел...

Над головами проходят несколько волн советских бомбардировщиков. Пленные и конвоиры задирают головы вверх, провожают их взглядом. Один из конвоиров говорит по-немецки:

- Гут!

Кто-то из пленных печально роняет:

- Никс гут...

Где-то неподалеку начинают рваться бомбы...

* * *

В первый же день сражения наиболее сильный удар врага пришелся на 81-ю и 15-ю стрелковые дивизии из 13-й армии.

Здесь три пехотные и две танковые дивизии фашистов при поддержке 300 бомбардировщиков то и дело мощными волнами накатывались на оборону этих соединений. Выдержать такой яростный напор было очень трудно. Но наши стрелковые подразделения, в тесном взаимодействии с артиллеристами, саперами, танкистами и авиаторами, не дрогнули. "Тигры" и "фердинанды" продвинулись вперед только там, где не осталось в живых ни одного советского воина.

К вечеру 5 июля 17-й стрелковый корпус, находившийся до этого в резерве командующего фронтом, контратаковал противника на участке, где врагу удалось потеснить полки 81-й и 15-й стрелковых дивизий. Положение было восстановлено.

В медсанбате 81-й дивизии беседуем с раненым командиром роты лейтенантом Сергеем Волошиным. Его только что вынесли с поля боя. Волошин ранен в голову, руку в ногу.

- Рано утром пятого июля,- рассказывает он,- после сильного артиллерийского и минометного обстрела над нашими траншеями показались эскадрильи фашистских самолетов. Сколько их было - никто в роте не считал. Но бомбы падали густо...

Затем показались вражеские танки. Немало их подорвалось на наших минах еще перед передним краем. Несколько подбили артиллеристы. Лично я насчитал девятнадцать горящих машин. Но штук двадцать танков продолжали приближаться. Я подал бойцам команду: "Танки пропускать, отсекать от них пехоту!"

Лейтенант сделал попытку приподняться на носилках. Но тут же острая боль исказила гримасой его лицо. Подбежал санитар, помог Волошину лечь поудобнее. Сказал мне негромко:

- Ему трудно говорить, товарищ корреспондент...

- Ничего... Я доскажу,- возразил Волошин.- Так вот... Девять машин прошли над нашими траншеями. Сержант Петр Лотошин бросил вдогонку одному "тигру" две противотанковые гранаты и поджег его. Выскочивший, экипаж перестреляли. Это подняло настроение у бойцов. Но тут - автоматчики... Дело дошло до рукопашной. Отбились... До полудня отразили еще три атаки. Уничтожили, думаю, не меньше двухсот гитлеровцев. Но и у нас потери были большими - половина роты вышла из строя...

Потом к нам подоспели остатки соседней роты - человек двадцать. Но и такое подкрепление было очень кстати. Потому как враг предпринял новую атаку...

И вдруг - наши самолеты. Много самолетов! Штурмовиков... Навалились на гитлеровцев. Те заметались. Напряжение у нас спало. И тут-то у меня помутилось сознание. Представляете, до этого не чувствовал, что ранен... Очнулся уже здесь, в медсанбате.

Теперь будут штопать...

Нет, такое напряжение воли, такое мужество трудно представить! Трижды раненный, человек не чувствовал своих ран, продолжал руководить подразделением! И только когда напряжение боя спало... Да, на такое способен лишь наш, советский воин!

Когда стемнело, удалось добраться до наблюдательного пункта 8-й стрелковой дивизии 13-й армии. Командир этого соединения, удивительно моложавый полковник П. М. Гудзь, как раз докладывал по телефону комкору генералу И. И. Людникову об итогах сегодняшних боев.

- Все части стоят на старых рубежах,- говорил он в трубку.- Только хозяйство Жданова несколько отошла назад. Утром положение восстановим. Наши потери и потери противника уточняются...

Дивизия держит оборону на второстепенном участке.

- Пока на второстепенном,- уточняет комдив.- Что будет завтра и послезавтра - посмотрим...

И все же даже здесь враг бросил против 8-й стрелковой части своих 78-й штурмовой и 216-й пехотной дивизий.

- На батальоны триста десятого стрелкового полка наступал четырнадцатый пехотный полк врага, поддержанный пятнадцатью самоходными орудиями и сорока танками. Одна из наших рот целиком погибла... В шестой батарее четыреста семьдесят шестого артиллерийско-минометного полка в живых остался один лишь лейтенант Сердюк,- рассказывал Гудзь.

Это тоже со всей красноречивостью говорило о накале сражения...

* * *

Во второй половине дня 5 июля командующий 13-й армией вызвал к себе командира 4-го артиллерийского корпуса генерала Н. В. Игнатова.

- Из триста седьмой стрелковой дивизии сообщили,- сказал командарм,- что шестнадцатая артиллерийская бригада, приданная соединению, почему-то прекратила огонь. Своими силами дивизия вряд ли сумеет сдержать напор врага. Прошу немедленно навести в шестнадцатой бригаде порядок...

Генерал Игнатов тут же послал в 16-ю бригаду оказавшегося под рукой начальника политотдела 5-й артиллерийской дивизии полковника П. И. Фокина. То, что увидел по прибытии на место полковник, потрясло даже его. Орудия бригады находились на прежних огневых позициях. Но не стреляли. Ибо вести огонь было некому: большинство артиллеристов погибло, остальные получили тяжелые ранения. Но бригада до конца выполнила свой

долг - не пропустила ни одного вражеского танка. Более двух десятков из них чадило прямо у орудий. По ним, видимо, били в упор...

А об удивительном подвиге красноармейца Умара Джамбардова мне рассказали в политотделе 70-й армии. Он был подносчиком боеприпасов в минометной батарее 282-го полка 175-й дивизии. И свой подвиг совершил так.

...Где-то часов в одиннадцать на батарее стал подходить к концу запас мин. А в деревню Самодуровка, где размещался склад боеприпасов, уже ворвались фашисты.

- И все-таки я пойду в деревню, разузнаю что и как,- сказал Джамбардов командиру батареи. Тот разрешил, и Умар пошел.

Где полз, где бежал. Достиг деревни. К счастью, та половина ее, где находился склад, была еще в руках какого-то нашего подразделения. Джамбардов связал проволокой сразу три ящика с минами и отправился в обратный путь.

Десять ходок сделал туда и обратно Умар, доставляя на батарею боеприпасы. Пошел в одиннадцатый раз. Но уже прорвавшиеся к складу фашистские автоматчики встретили героя огнем в упор...

Не менее ожесточенные бои вспыхивали в тот день и в воздухе. Один из них произошел 5 июля над Ольховаткой.

Вражеских самолетов было 42. Из них 30 бомбардировщиков и 12 истребителей. Наших же всего девятка. Но решительной атакой краснозвездные "ястребки" сразу же расстроили боевой порядок фашистских бомбовозов, заставив их сбросить свой груз куда попало. А затем сцепились с "мессерами".

Один из наших соколов сбил фашистский истребитель. Но тут же и сам подал под меткий огонь соседнего и загорелся.

На земле с нетерпением и тревогой ждали, когда же наш летчик покинет свою подбитую машину, выбросится с парашютом. И вдруг увидели, как горящий "ястребок" сблизился с вражеским бомбардировщиком и таранил его. Лишь после этого советский летчик воспользовался парашютом...

Как мы потом узнали, этим летчиком был двадцатилетний комсомолец младший лейтенант Виталий Поляков из 54-го гвардейского истребительного авиационного полка.

Застали героя на аэродроме как раз в тот момент, когда его снимал фотокорреспондент из фронтовой газеты. Попытались разговорить Виталия. Но беседы все же не получилось. Удалось лишь узнать, что в войну Поляков вступил в небе Сталинграда, что с детства мечтал стать летчиком.

О бое же над Ольховаткой Виталий сказал просто:

- Машины своей до слез жалко было. Ну, думаю, гады, я за

нее и вашего второго за собой приземлю! Таранил, обошлось...

Добавлю к этому, что в сентябре 1943 года В. К. Полякову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

* * *

Внимательно слушаю рассказ командующего артиллерией Центрального фронта генерал-лейтенанта В. И. Казакова. Василий Иванович во всех деталях воссоздает мне картину, которую без натяжки можно назвать прелюдией к главным сегодняшним событиям...

- Еще второго июля Ставка Верховного Главнокомандования предупредила нас,ходя взад-вперед по блиндажу, говорит В. И. Казаков,- что наступление противника следует ожидать между третьим и шестым июля. Войска фронта были приведены в полную боевую готовность. В ночь на пятое июля разведчики из тринадцатой армии захватили в районе деревни Точино в плен вражеского сапера. Тот на допросе показал, что наступление назначено на три часа утра пятого июля.

В два часа двадцать минут по приказу командующего фронтом мы начали артиллерийскую контрподготовку. В течение получаса ее вели шестьсот орудий и минометов. Удару подверглись вражеские батареи, места скопления танков и пехоты, узлы связи, командные и наблюдательные пункты, склады горючего и боеприпасов...

Помните, враг планировал начать наступление в три утра? Так вот, наша артиллерия спутала ему карты. Только в четыре часа тридцать минут фашисты предприняли артиллерийскую и авиационную подготовку. При этом вражеский огонь был плохо организованным и малоэффективным. Мы же не замедлили воспользоваться этим, и в четыре часа тридцать пять минут артиллерия тринадцатой армии провела вторую контрподготовку...

Но враг все же сосредоточил против нашего фронта огромные силы,подсаживаясь к столу, констатирует Василий Иванович.- Вот почему, несмотря на сразу же понесенные потери, атаки его мощны, настойчивы и опасны...

Да, история войн вряд ли знала такое ожесточение, такие усилия со стороны противоборствующих войск. И это понятно. Фашистский генеральный штаб считает свое наступление под Курском решающим. Германским войскам перед ним был зачитан приказ фюрера. По рассказам пленных, Гитлер надеется, что колоссальный удар, который будет нанесен советским армиям здесь, должен потрясти их до основания.

По этому не бывать! Уже сейчас видно, что ни на Центральном фронте, ни у наших южных соседей - на

Воронежском - враг не достиг своих целей. Советские войска стоят как скала!

За эти дни выведены из строя сотни и сотни фашистских танков. Героизм, отвага, самоотверженность стали нормой поведения не только отдельных бойцов и командиров, но и целых подразделений, даже соединений!

В. И. Казаков делает паузу, о чем-то задумавшись.

Но вот, снова вскинув на меня глаза, продолжает оживленно:

- Считаю нужным рассказать об одной артиллерийской части. Речь пойдет о третьей истребительной противотанковой бригаде полковника Рукосуева. Она занимала позиции в районе села Теплое. В бригаду входили семь пушечных, три минометные батареи, а также два батальона противотанковых ружей.

Где-то к восемнадцати часам шестого июля противник сосредоточил у населенных пунктов Соборовка и Подсоборовка до двухсот сорока танков и самоходных орудий. Об этом наблюдатели тут же доложили полковнику Рукосуеву.

"Батареям находиться в полной боевой готовности!- передал в подразделения командир бригады.- Главное - выдержка. Подпускайте танки поближе и бейте наверняка. Будет туго - помогу резервом..."

В восемнадцать тридцать в атаку ринулось до полутора сотен танков и два батальона вражеской пехоты. Но потеряв пять "тигров" и восемь средних машин, гитлеровцы отошли...

В девятнадцать двадцать - новая атака. На этот раз лишь на батарею старшего лейтенанта Андреева двинулось до восьмидесяти танков врага! Но артиллеристы не дрогнули. Они подбили еще четырнадцать броневых машин и выстояли!

В третью атаку гитлеровцы пошли в двадцать часов двадцать минут. Сорок танков навалились теперь уже на позиции батареи старшего лейтенанта Грипася и роты противотанковых ружей старшего лейтенанта Самохвалова. И снова противник не добился своего, а, потеряв два тяжелых и три средних танка, отошел.

Василий Иванович все больше и больше увлекается рассказом.

- Нет, вы только подумайте! - восклицает он.- Более тридцати танков за день уничтожила бригада! Да где там - бригада, считайте - две ее батареи! А ведь был второй день, третий... Тут уж отличилась батарея капитана Игишева. Семнадцать танков сожгли ее артиллеристы! А потом... Потом из всей батареи осталось одно лишь орудие и при нем - трое героев. Командование уже несуществующей, но все еще сражающейся батареей принял... старший сержант Скляров. Законно принял, по приказу командира полка подполковника Железнякова. Именно

он, подполковник, последним говорил по телефону со Скляровым. И приказал тому держаться...

- Ну и как, удержались? - заполнил я вопросом очередную паузу.

- Выстояли! - кивнул В. И. Казаков.- Скляров с оставшимися артиллеристами поджег еще два танка и заставил гитлеровцев отступить. Но и сам вскоре погиб от вражеской бомбы...

Генерал протягивает мне лист бумаги. Говорит:

- Вот, почитайте. Интереснейший документ. Его бы в музей, на обозрение всем...

Начинаю читать торопливо написанные строки. Командир 3-й истребительной противотанковой артиллерийской бригады полковник В. Н. Рукосуев доносит командиру 2-й артдивизии полковнику Н. Ф. Михайлову:

"Противник занял Кошары, Кутырки, Погореловцы, Самодуровку. В направлении Теплого подтягиваются 200 танков и мотопехота, готовится вторая фронтальная атака. В направлении Никольского развиваются активные действия. Несмотря на ряд атак, наступление противника было приостановлено на рубеже северной окраины Теплого. 1-я и 7-я батареи мужественно и храбро погибли, но не отступили ни на один шаг, уничтожив 40 танков. В 1-м батальоне противотанковых ружей 70 процентов потерь. 2-ю и 3-ю батареи и 2-й батальон противотанковых ружей приготовил к встрече противника. Связь с ними имею. Буду драться. Или устою, или погибну.

Командир 3-й истребительной бригады полковник Рукосуев".

- И бригада выстояла! - подводит итог нашей беседы В. И. Казаков.

* * *

На другой день мы с корреспондентом Совинформбюро Георгием Пономаревым добрались до НП командира 5-й артиллерийской дивизии прорыва полковника А. И. Снегурова. Его наблюдательный пункт расположился в блиндаже на небольшой высотке. В стереотрубу хорошо видна вся панорама боя.

Впереди, сзади, слева и справа от НП - позиции бригад и полков дивизии. Полковник Снегуров находится как бы в самом центре огня, который ведут и наши батареи, и, в ответ, батареи противника. Вместе с ним в блиндаже - трое бойцов-связистов и двое представителей из штабов армии и корпуса.

Нам, честно говоря, показалась слишком уж рискованной такая близость НП комдива к переднему краю. Сказали об этом А. И. Снегурову. Тот ответил:

- Да, определенный риск есть, вы правы. Огонь врага порой

довольно интенсивен. Было даже несколько попаданий в наш блиндаж. Но, во-первых, над нами восемь накатов бревен. А во-вторых, не видя поля боя, как же организовывать результативную стрельбу дивизии?

Что ж, полковник по-своему прав...

Гром выстрелов наших дивизионов смешивается с трескучими раскатами близких разрывов неприятельских снарядов. И временами мы даже не слышим друг друга. Блиндаж то и дело вздрагивает, как живой, с потолка и стен сыплется земля.

А. И. Снегуров, высокий, с характерным орлиным носом на энергичном лице, скорее похож на профессора, чем на кадрового военного. Он то припадает к окулярам стереотрубы, то говорит по телефону с бригадами или с командиром артиллерийского корпуса генералом Н. В. Игнатовым.

- "Коршун", "Коршун"! Видишь, из-за развалин выходят танки? Видишь? Шестнадцать? К окопам пехоты ни в коем случае их не допускай. Большие потери у нее. Не подпускай!..

- "Ворона" мне... "Ворон"? Почему до сих пор не подавлены дальнобойные? У моих соседей слева и справа разбито четыре орудия... Экономишь снаряды? Попробую принять меры...

- Второго, пожалуйста... Товарищ второй, у моего "Ворона" на исходе боеприпасы. Из-за этого он не может подавить цели в квадрате шестьдесят один... Понял - машины в пути. Понял - поможете своим огнем... У нас ничего тревожного. "Коршун" отбивает атаку шестнадцати танков... Есть, не ослаблять бдительности!

- "Коршун"! "Коршун"!.. Что, прервана связь? Немедленно восстановить!

Один из связистов тут же выбегает из блиндажа исправлять обрыв на линии. Вражеский огонь тем временем усиливается.

Снегуров сам крутит ручку полевого телефона.

- "Коршун"! "Коршун"!..

Но "Коршун" по-прежнему не откликается. Не отвечает он и через десять, двадцать минут. Значит, со связистом что-то случилось. Вслед за ним на линию уходит второй...

Комдив снова подходит к стереотрубе. Говорит нам:

- Посмотрите, как метко бьют мои артиллеристы. Видите, у развалин уже горят семь танков...

Да, на поле боя среди частых разрывов снарядов поднимаются к небу столбы чадного дыма. И ближе к окопам, куда подходят уцелевшие вражеские танки, тоже вспениваются блестки огня...

Блиндаж в это время вздрагивает так, что меня бросает от

стереотрубы к столику, на котором стоят телефоны. Пономарев тоже теряет равновесие, хватается за стену.

- Это стопятидесятимиллиметровый,- говорит Снегуров, припадая к окулярам стереотрубы. И тут же, чертыхнувшись, выпрямляется. Поясняет всем присутствующим: - Ну вот мы и ослепли. Стереотруба повреждена, если не разбита совсем...

Полковник прислушивается к огненной буре, которая бушует за стенами блиндажа. И принимает решение:

- Переходим на запасной наблюдательный пункт. Капитан, проследите, чтобы здесь не осталось ни одного документа... Двигаемся так: сначала идет телефонист, затем я с корреспондентами. Майор и капитан - за нами. В ходу сообщения головы не поднимать, а то еще зацепит осколком...

Запасной НП недалеко, к нему ведет глубокий ход сообщения. Тут, на обратном скате высоты, немного потише. Снегуров подает нам пачку боевых донесений из частей и говорит:

- Выбирайте, что вам понравится...

Начинаем читать эти еще пахнущие порохом документы.

* * *

Подвиги, подвиги... Их наши воины совершали каждый день и каждый час в то огненное начало июля 1943 года. Расскажу лишь о некоторых из них.

Артиллерийский расчет коммуниста ефрейтора Кузьмы Зуева вместе с несколькими другими расчетами батареи занял огневую позицию непосредственно в боевых порядках пехоты из 307-й стрелковой дивизии. 7 июля утром он первым увидел колонну вражеских танков, идущих на Поныри. Приказал расчету приготовиться к бою, так как понял, что какая-то часть из этой стальной колонны обязательно отделится и навалится на оборону стрелковой роты, где занял позицию и его расчет.

Так оно и вышло. Четыре фашистских танка развернулись вправо и пошли на окопы. Но первый же из них, приблизившийся к орудию Зуева, был сразу подбит. Потом один за другим грянули еще три выстрела. И столько же дымных костров запылало перед позициями стрелковой роты...

Гитлеровцы засекли позицию орудия ефрейтора и направили против него теперь уже восемь бронированных машин. И советский расчет принял этот бой. Вскоре в поле перед огневой позицией орудия горели семь танков противника.

Правда, восьмой, уцелевший танк, маскируясь дымом подбитых, сумел, прежде чем отойти назад, несколько раз выстрелить. Один из снарядов вывел из строя пушку Зуева. Но расчет, к счастью, уцелел.

Но теперь стрелковая рота осталась без противотанковой поддержки. Что делать? И тут Зуев узнал, что у соседей справа погиб весь артиллерийский расчет. Орудие же исправно. Так вот же он, выход!

По приказу ефрейтора его расчет кинулся к уцелевшему орудию. На руках перекатил его на свою позицию. Вот теперь можно и опять воевать...

И как же, наверно, удивился враг, когда при новой его атаке ожило вдруг орудие, которое он с полным на то основанием считал уничтоженным. Но удивился слишком поздно, только лишь тогда, когда в бок устремившемуся на позиции стрелковой роты "тигру" впился снаряд, выпущенный расчетом ефрейтора Кузьмы Зуева...

Это похоже на легенду. Но это было! Один советский расчет сжег сразу три фашистских "тигра"!

Нам потом показали наградной лист на Зуева. Из него мы узнали, что до войны Кузьма работал ветеринарным фельдшером в селе Карабаха, что в Приволжье, что ему всего лишь 22 года, что он сын солдата, который еще в первую мировую войну был артиллеристом...

7 августа 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ефрейтору К. А. Зуеву было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

А вот еще один подвиг, который совершил комсорг одной из противотанковых батарей сержант Сапунов. Его орудие в составе батареи прикрывало дорогу севернее деревни Горелово.

...Три атаки уже отбили мужественные артиллеристы, уничтожив при этом немало пехоты и танков противника. А в четвертую на их позиции пошло сразу 30 "тигров".

Шесть из них двигались прямо на орудие сержанта Сапунова.

- Ну, держитесь, ребята! Думаю, настал наш последний и решительный бой. И все равно мы должны выстоять! - сказал Сапунов наводчику Абрамову и заряжающему Тайпакову. И сам припал к прицелу...

Подряд прогремели четыре выстрела. У первого "тигра" тут же заклинило башню. Второй загорелся. А вот зачадил и третий...

И все равно схватка была неравной. Ведь еще три "тигра", умело маневрируя, приближались. А у расчета кончились бронебойные снаряды. Сержант стрелял теперь осколочно-фугасными. Но что они против брони тяжелого танка! И тогда Сапунов, схватив противотанковую гранату, пополз навстречу "тиграм". Вскоре раздался сильный взрыв. Четвертый танк встал с разорванной гусеницей. Но пятый "тигр" подмял под себя комсорга батареи...

Сержанту А, Д. Сапунову также было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

* * *

Перебирая на НП у комдива А. И. Снегурова донесения, я неожиданно натолкнулся на знакомую фамилию - Петряков. Уж не Федор ли?

Читаю:

"В бою восточнее станции Поныри отличилась батарея 540-го легкого артиллерийского полка старшего лейтенанта Петрякова. Чтобы помочь пехоте сменить позиции, Петряков вывел свои орудия из укрытия на прямую наводку. В быстротечном бою батарея старшего лейтенанта уничтожила четыре танка, самоходное орудие и до пятидесяти гитлеровцев. Наблюдавший бой командующий 13-й армией генерал-лейтенант Н. П. Пухов тут же вручил старшему лейтенанту Ф. С. Петрякову орден Красного Знамени".

Похоже, что это Федор. Надо его во что бы то ни стало найти.

Подумать-то подумал, но дела и события вскоре так закрутили, что стало не до поисков друга.

А все началось с того, что меня неожиданно вызвал к себе начальник политуправления фронта генерал С. Ф. Галаджев. Сообщил:

- Мы получили из вашей редакции телеграмму, в которой Петру Олендеру предписано отбыть на Воронежский фронт. Вы же назначаетесь старшим корреспондентом. А следовательно, и старшим корреспондентского корпуса на нашем фронте. Удивлены? Но такова уж у нас традиция: старший корреспондент "Красной звезды" автоматически становится и, образно выражаясь, старшиной корреспондентского корпуса. Так что принимайте свою команду...

А она, эта команда, собралась на Центральном фронте очень сильная, работоспособная. "Правду" представляли Оскар Курганов, Леонид Коробов и Михаил Калашников. От "Известий"- Евгений Кригер, Леонид Кудреватых, Михаил Рузов и Павел Трошкин. Но самую большую группу составляли мы, работники "Красной звезды". Из краснозвездовцев здесь были Андрей Платонов, Константин Бельхин, Николай Денисов, Владимир Кудрявцев, Георгий Хомзор, Олег Кнорринг и автор этих строк. Кроме того, к нам наезжали Константин Симонов, Илья Эренбург и Борис Галин.

Замечательных товарищей командировали на Центральный фронт Совинформбюро, газеты "Комсомольская правда", "Сталинский сокол", "Труд", а также Всесоюзное радио и другие, как принято выражаться, органы массовой информации. Словом,

компания большая. И каждому что-то нужно срочно, сверхсрочно. А пробивать, утрясать - мне, старшине. Забот - выше головы.

И все же выдался момент, когда мы с Георгием Пономаревым снова попали в 5-ю артиллерийскую дивизию прорыва. Я снова вспомнил о Федоре и попросил полковника А. И. Снегурова помочь мне его найти.

- Старший лейтенант Петряков? - наморщил лоб Снегуров. Покачал головой.Нет, у нас такого вроде бы нет...

- А уж не тот ли это Петряков, что недавно отличился у наших соседей? подсказал комдиву начальник политотдела полковник П. И. Фокин.

- У соседей?.. А ведь верно, теперь вспоминаю,- обрадовался Снегуров. И, обращаясь ко мне, посоветовал: - Поезжайте-ка в стрелковую дивизию...

И назвал фамилию генерала, командира этой дивизии.

Вечером мы уже были на НП этой стрелковой дивизии. Изложил комдиву свою просьбу. Тот сразу же приказал позвать командующего артиллерией.

Через четверть часа на НП появился командующий артиллерией дивизии. Чем-то очень довольный, сияющий. Одет с подчеркнутым шиком.

- Все форсишь, Александр Иванович? - встретил его, вопросом генерал,-Хотя сегодня можно претензий к тебе не иметь. Артиллеристы славно поработали. Спасибо...

Но командующий артиллерией вдруг приложил палец к губам: "Тише! Молчите!" И тут же в блиндаж вошел командующий 13-й армией генерал-лейтенант Н. П. Пухов.

Выслушал доклад комдива, поздоровался со всеми. И, обращаясь к командующему артиллерией дивизии, приказал:

- Через двадцать минут доставить ко мне старшего лейтенанта Петрякова!

Петрякова? Вот это удача! Но в то же время... Неужели Федор что-нибудь натворил?

Но генерал Пухов больше ничего не говорит, присаживается, и я вижу, как у него закрываются глаза. Устал командарм...

В блиндаже стало тихо, даже телефоны на время отключили...

Минут через пятнадцать у блиндажной двери раздается такой знакомый мне голос:

- Разрешите?

Командующий вздрагивает, открывает глаза, говорит:

- Входи, входи...

Петряков входит и останавливается перед генералом.

- Здравствуй, здравствуй. Не надо мне рапорта. Дайка я на тебя получше посмотрю...

У Федора забинтована голова, на перевязи левая рука. Он бледен. И только глаза прежние - в них так а прыгают озорные огоньки.

Меня он еще не видит.

- Ну и здорово ж ты, товарищ Петряков, шарахнул по фашистским самоходкам! Я уже думал, что они, проклятые, такого сейчас наделают, что и суток не хватит, чтобы расхлебать. А тут откуда ни возьмись - твоя батарея... Дай-ка я обниму тебя.

После этого командующий задумался. Затем сказал:

- "Красное Знамя" я тебе девятого числа вручил, верно? А за сегодняшний подвиг получай "Отечественную войну" первой степени! И надевай-ка еще по одной звездочке на погоны!

Н. П. Пухов тут же прикрепляет к груди Петрякова" орден, а его адъютант достает из кисета две звездочки.

- Так воюй, капитан, и живи долго!

И - к командующему артиллерией дивизии:

- Наградные бумаги и представление на звание составьте сегодня же. Ну, бывайте здоровы, товарищи!

Командарм вышел. Я уж было кинулся к Федору, как тот вдруг зашатался... и упал на руки командующего артиллерией.

Вызвали врача. Тот, осмотрев Петрякова, сказал:

- Большая потеря крови и предельное перенапряжение. Подлежит немедленной отправке в госпиталь...

Так мне снова не удалось поговорить с Федором. Но зато я увидел его, узнал, как он воюет. А поговорить еще успеем. Главное, что я его нашел.

* * *

Начало августа. Наши войска, выстояв на Курской дуге, уже сами идут вперед. Они на подступах к городу Кромы. Вместе с писателем Андреем Платоновым и корреспондентом Константином Бельхиным едем по дорогам наступления.

Это первая моя поездка с Платоновым. Раньше он наотрез отказывался пользоваться редакционной машиной.

- У вас задачи оперативные, вот вы и поезжайте,- говорил обычно Платонов.А писателю, чтобы глубже познать жизнь человека на войне, полезно ходить пешком, все видеть, все слышать. А что увидишь и услышишь из вашей эмки?

И Андрей Платонович, худенький, немного сутуловатый, со впалыми щеками, на которых был заметен болезненный румянец, с вещмешком за плечами, вышагивал иногда до десяти километров по пыльным фронтовым дорогам. Его видели то с маршевой ротой, то с группой легкораненых, то с перебрасываемой на другой участок фронта частью или подразделением. Неделями он жил на передовой, устраиваясь обычно в одном блиндаже с командиром роты или батальона. Наравне с бойцами вынимал из кармана потертый кисет с махоркой и пожелтевшими от никотина пальцами мастерски скручивал козью ножку. Фронтовой быт, солдатский язык, окопные песни, частушки, шутки, солдатские горести и радости он знал не хуже, чем взводный или ротный командир.

А как Андрей Платонович писал свои, фронтовые очерки, расказы, а позднее и повести! От них пахло порохом, солдатским потом, маршанской махоркой. Словом, настоящей окопной жизнью...

До войны я как-то уже проезжал здешними местами. И до чего же красив, очарователен и поэтичен был этот край, воспетый еще гениальным Тургеневым! Поразило меня тогда обилие садов. Потом узнал, что Поныри, оказывается,родина знаменитой русской антоновки!

Теперь же ничего этого не было. Сама земля стала неузнаваемой, покрылась какими-то лишаями, болячками. Сады вырублены, на их месте - высокий бурьян. В полях кое-где треплется на ветру одинокий стебелек ржи" или пшеницы. Травы и той мало. Вместо деревень и сел - ряды покрытых сорняками бугров. Наподобие запущенных кладбищ...

Там, где были позиции противника, - все перерыто, опалено огнем. Тут и там - ряды деревянных крестов с противной свастикой.

За вырубленной рощей - деревня Сомово. Бывшая деревня. Сейчас здесь ни одного двора, ни одной даже печки. Все сожжено, разрушено... У свежесделанного шалашика - не успели завять даже листья на ветках - сидят три маленькие девочки и тревожно смотрят в сторону речки. Их мать ушла туда по воду. Но вот она возвращается. Знакомимся. Мария Матвеевна Овчинникова. Вчера пришла в родную деревню из села Добрыни, куда гитлеровцы до

этого согнали население со всей округи. Они убежали.

- Как жить будем - не зню,- говорит Мария Матвеевна.- Вся надежда на нашу родную советскую власть...

Немного подальше, у покрытой увядшей травой земляной норы,- девочка лет двенадцати с маленьким ребенком на руках. За подол ее держится мальчик лет двух или трех.

Спрашиваем девочку:

- Домой пришла?

На ее глаза навертываются слезы. Девочка долго молчит. Потом несвязными, полными острого горя словами рассказывает жуткую историю.

- Мы шли домой. Они встретились у Горчаковой деревни. Мать посадили в машину. Мы кричали. Мама тоже кричала, рвалась к нам. Ее ударили по голове. Один из них нацелился на меня из ружья. Машина с мамой ушла...

Глаза у девочки снова делаются сухими. Слезы выплаканы все...

Фамилия ее Зернова, звать Лидой. А маму звали Анастасией Федоровной... Она стоит у вырытой в земле норы-убежища с двумя малыми ребятами. И тот, кто видит это горе, никогда его не забудет, не простит фашистам их злодеяний!

Корсакове, Морозиха, Барково, Горганово, Каменец... Этих сел и деревень тоже нет, остались одни названия. На пепелищах и развалинах копошатся люди. Все больше старые да малые. Людей среднего возраста - единицы, они или уничтожены, или угнаны врагом в рабство...

Не могу не привести здесь выдержки из стенограммы совещания в ставке гитлеровского вермахта от 26 июля 1943 года, которую прочел уже после войны. На том совещании присутствовали Гитлер, начальник немецкого генштаба Цейтлер и командующий войсками группы армий "Центр" фон Клюге. Гитлер хотел взять из этой группы часть сил. Фон Клюге, войска которого были разбиты под Курском, отвечал категорическим "нет". Так вот, в стенограмме есть и такие строки:

"...Фон Клюге: Тогда Заукель не сможет вывезти всех своих рабочих.

Фюрер: Это должно быть сделано! Ведь Заукель так быстро проводит эвакуацию.

Фон Клюге: Но, мой фюрер, у него же такая масса людей! Он забьет мне все мосты в тылу через Десну.

Фюрер: Сколько вообще здесь людей?

Фон Клюге: Несколько сот тысяч.

Цейтлер: Говорят, 250 тысяч.

Фюрер: Что такое 250 тысяч человек? Это же чепуха!

Фон Клюге: Мой фюрер! Мне нужны мои войска для ведения боя, я же не могу сделать невозможного.

Фюрер: Я немедленно бы погнал людей в тыл и приказал бы прежде всего строить позиции здесь!

Фон Клюге: Это мы уже пробовали. Но сейчас все они на уборке урожая. Сейчас идет жатва ржи. Они еще не имеют понятия, что им предстоит. Они убегают ночью целыми толпами, чтобы скосить свою рожь. Все это представляет трудности. Здесь ничего не организовано.

Фюрер: Что вы делаете со скошенной рожью? Ее поджигают?

Фон Клюге: Конечно, мы должны это делать. Допустим, нам следует еще сжигать. Но есть ли у нас для этого время? Мы должны уничтожить и ее, и прежде всего имеющийся в нашем распоряжении дорогой скот..."

Сейчас на Западе все чаще делаются неуклюжие попытки спять с фашистских офицеров и генералов ответственность за те страшные злодеяния, которые совершали войска вермахта на Востоке и на других театрах второй мировой войны. Современные адвокаты фашизма утверждают, что гитлеровские офицеры и генералы даже, дескать, ничего не знали о массовых убийствах мирного населения, о грабежах и издевательствах над ним.

Приведенная выше стенограмма - еще один вклад в дело разоблачения подобных писак.

* * *

Кромы... Не буду описывать руины и пожарища, которые открылись нашему взору, едва мы въехали в этот старинный русский городок. Руины и пожарища похожи друг на друга...

Типично и безлюдье городских улиц и площадей. Лишь кое-где встретишь одинокого старика или женщину.

Вот стоит у взорванного собора престарелая Мария Никифоровна Соловьева и крестится. Потом поднимает на нас глаза, здоровается. Спрашиваем ее:

- Бабушка, что это ты едва ли не одна во всем городе? Куда же подевалось остальное население?

- И-и, милай, населения-то у нас теперича и нету. Фашист с самого приходу почал угонять людей в неметчину. А на днях выгнал остатьних. Слыхала, будто б в Брянск. А там, может, и не в Брянск...

Базарная улица. На ней уцелел дом, в котором, как оказалось, помещалась немецкая комендатура. Как это случилось - непонятно. Такая оплошность необычна для врага. Ведь фашисты всегда в первую очередь взрывают или сжигают при отходе здания штабов, комендатур, гестапо, тюрем. Они знают, что рано или поздно им придется все же отвечать за содеянное. Поэтому

улики тщательно уничтожаются. А тут...

Внешне - дом как. дом. Два этажа. Толстые кирпичные стены. Длинный и темный коридор завален трупами расстрелянных. При свете карманного фонаря еле различаешь мужские и женские лица.

- Товарищи, сюда! - вдруг зовет наш шофер Валетов.

...Просторный каземат с низким потолком. Полуокно, выходящее во двор, затянуто толстой решеткой. На одной из стен гвоздем выцарапано: "Сидели трактористы за неявку на работу и получили наказание - в Германию". Рядом новая надпись: "Здесь сидел Лоскутов Николай Федорович, деревня Морозиха, Троснянского района. Приговорен к расстрелу. Прощайте!"

Подчеркиваем - это не гестапо, не полицейский участок. Тут была военная комендатура. Комендатура фашистского вермахта. Именно вермахта!

...Целый вечер провел в дивизионе Федора Петрякова. Разыскал-таки его снова. Их бригада стоит в лесу за Дмитриевом-Льговским в ожидании нового боевого приказа.

Петряков после госпиталя осунулся, посерел. Но настроение бодрое. Очень доволен результатами боев у Понырей. Особенно тем, что его подчиненные научились бить "тигры" и "фердинанды".

- Понимаешь,- говорит он мне,- новые награды, новое звание - это приятно, скрывать не буду. Но вот приобретенное в боях мастерство, психологический настрой - это главное и самое ценное... Думаю, что теперь уже фашист не оправится, надломлен он непоправимо... А у нас, гляди, сколько сил накоплено! Хотя бы мой дивизион взять, к примеру. В июле мы потеряли в боях больше половины своих орудий. И что же? Несколько дней назад к нам доставлены новые, еще лучше прежних. Дали тягачи, пополнили людьми. Считаю, что сейчас дивизион намного сильнее, чем был тогда, в начале июля... Так что повоюем, товарищ корреспондент!

Я спрашиваю Федора, каковы новости из дома. Он оживляется еще больше, достает из планшета письмо и протягивает мне.

- Почитайте, что моя Нюра пишет...

Анну Петрякову, оказывается, избрали председателем колхоза. И хотя она в прошлом горожанка, из рабочей семьи, и до замужества работала электромонтером на заводе, но вот чем-то пришлась все-таки по душе односельчанам Федора. Пишет, что дела идут пока неплохо...

- Вот она какая у меня! - не без гордости говорит Петряков, когда я возвращаю ему письмо.- Многое, конечно, не пишет,

жаловаться да хныкать не в ее привычке. Но я-то хорошо понимаю, как ей сейчас трудно. Ведь кроме колхоза у нее на руках пятеро ребятишек...

Поздно ночью Петряков провожает меня до машины.

* * *

Утром 25 августа 1943 года меня вызвал к себе начальник политуправления Центрального фронта генерал С. Ф. Галаджев. В его приемной кроме адъютанта стел уже и корреспондент Совинформбюро Георгий Пономарев. Поздоровавшись, присаживаюсь рядом с ним.

Пономарев пробует узнать у адъютанта причину нашего приглашения к генералу. Но тот почему-то предпочитает говорить о погоде, затем вспоминает нашего краснозвездовца Константина Бельхина, несколько дней тому назад погибшего во время бомбежки у города Дмитриева-Льговского...

Так проходит минут тридцать-сорок. И лишь затем адъютант направляется к генералу, чтобы доложить о нас. Знакомая манера! Этот майор почему-то не верит в нашу, корреспондентов, обязательность, поэтому всегда старается вызвать нас на час-полтора раньше назначенного генералом времени. Как и сейчас.

Выходит адъютант, приглашает нас в кабинет начальника политуправления фронта. Иде.м.

Сергей Федорович, как всегда, свеж, так же безукоризнен и пробор в его черных волосах. Восточные глаза необыкновенно живы и проницательны.

- Могилу Бельхина сфотографировали? - сразу же спрашивает меня генерал.Фото семье послали? И после удовлетворивших его ответов говорит:

- Поезжайте к товарищу Батову... Было б хорошо, если бы вы были на его командном пункте сегодня же вечером.

Это значит, что 65-й армии, которой командует генерал Павел Иванович Батов, предстоит интересное дело. Это значит еще и то, что после Галаджева не надо заходить ни в оперативный, ни в разведывательный отделы штаба фронта. Все равно больше того, что сказал начальник политуправления, нам никто уже не скажет.

Когда мы уже собрались уходить, Сергей Федорович вдруг попридержал меня рукой и сказал:

- А к вам у меня будет еще и личная просьба... Он вернулся к столу и достал из ящика шелковый сиреневый кисет.

- Здесь трубка и коробка табака "Золотое руно". Надо передать кисет старшине Карпухину. Запишите: старшина Карпухин Иван Иванович. Генерал Батов поможет вам его разыскать. Ну а не найдете -оставьте командующему...

Адъютант начальника политуправления фронта после нашей аудиенции у генерала стал более разговорчив и ответил на все мои вопросы. Оказалось, что старшина Карпухин - разведчик одной из частей 65-й армии. Батов и Галаджев познакомились с ним в госпитале, когда командующий вручал ему орден Красного Знамени, а начальник политуправлений - подарок от работниц города Иванова. Тогда-то Галаджев и спросил старшину, нет ли у того каких-либо просьб и пожеланий, так сказать, личного свойства.

- Желание одно, товарищ генерал,- поскорее бы победить фашистов,- ответил старшина.- А что касается просьб, то... есть и просьба, да только вы ее вряд ли выполните...

- Какая же? - поинтересовался Галаджев.

- Иной раз сил нет, как хочется потянуть из трубки "Золотого руна". Табак есть такого сорта, товарищ генерал, московская фабрика "Ява" его выпускает. Курил такой до войны. А сейчас как вспомнишь, голова кругом идет. Кажется, после одной бы затяжки все раны зажили...

Галаджев улыбнулся. И сказал, обращаясь к Батову:

- Да, поручение трудное. Ну как, товарищ командующий, примем его на свои плечи? Примем? Ну вот и договорились - за нами, значит, товарищ старшина, трубка и табак "Золотое руно". Поправляйтесь.

И ведь сдержал слово!

Генерала П. И. Батова разыскали только вечером 27 августа. Оказалось, что после освобождения Севска командный пункт 65-й армии перебазировался на новое место.

Павел Иванович Батов не очень-то доволен действиями частей и соединений своей армии. Говорит нам:

- Даже от вас, корреспондентов, не скрою - медленно продвигаемся. Чертовски медленно!..

Я первый раз вижу командарма 65. Но знаю, что это инициативный и боевой генерал, из знаменитой когорты "испанцев". Отличился под Сталинградом. Поговаривают, что П. И. Батова очень ценит К. К. Рокоссовский. Еще говорят, что он умен, смел и находчив.

Ростом Павел Иванович не очень-то высок. Но чем-то сразу располагает к себе. Говорит короткими фразами.

Выбрав момент, я рассказал П. И. Батову о поручении генерала С. Ф. Галаджева.

- Вам не надо искать Карпухина,- ответил Павел Иванович.- Он как раз сейчас должен явиться ко мне. Давайте кисет, я вручу его сам. Тем более что с большим удовольствием пожму еще раз руку этому герою...

И после небольшой паузы:

- У нас вам оставаться, думаю, не резон. Советую без промедления следовать к Ивану Даниловичу Черняховскому, в шестидесятую армию. Час тому назад мне звонил командующий фронтом. Части нашего соседа за сутки рванули вперед почти на двадцать километров и подходят сейчас к Глухову и Рыльску. А это уже Украина, товарищи, киевское направление...

Павел Иванович подошел к карте и продолжил:

- Возможно, что Рокоссовский заберет у меня часть сил. Я это допускаю. Сейчас к Черняховскому отовсюду идут подкрепления. А как же иначе! Смотрите, что может получиться...- И указательный палец генерала дотронулся до точек с обозначением Шостки, Конотопа, Бахмача, Нежина, Киева.- Армии Конева уже взяли Харьков и продолжают наступление. Армии же нашего фронта устремятся на Киев...

Так впервые мы услышали долгожданные слова - "киевское направление".

Павел Иванович Батов говорил о И. Д. Черняховском и его армии с большим уважением. И это делало ему честь. Ведь как же часто мы, фронтовые корреспонденты, слышали обратное: облеченные высокой властью командиры, что называется, в стихах и красках расписывали успехи своих войск и не находили добрых слов для характеристики соседей. Батов же был, повторяю, объективен.

- Что и говорить, завидую я Ивану Даниловичу,- откровенно признался он.Но эта зависть белая. Да, у него - успех. У нас тоже не осечка, но - туго. Потому и советую: езжайте к Черняховскому. А потом уже к нам. Глядишь, к тому времени и у нас тоже будет интересно...

Мы последовали его совету.

* * *

Сидим напротив Ивана Даниловича Черняховского. Командарм 60, пожалуй, один из самых молодых командующих армиями на фронте. Ему всего 37 лет. Стройный, красивый, он с первого взгляда являет собой силу и волю. У него открытое интеллигентное лицо, темные волосы, несколько тяжеловатый подбородок, высокий лоб. Говоря по-русски, Иван Данилович нет-нет да и прибегает к метким украинским словам, а то и к целым фразам. Называет по памяти фамилии, цифры, даты. Голос - уверенного в себе человека.

Но заметно и волнение. Оно и понятно. Ведь Иван Данилович - украинец. И его армия вступила сейчас на родную ему землю. И сидит он в украинской хате. И над ним - маленькое зеркало, украшенное вышитым, тоже украинским, рушником...

- А ведь сколько дней и ночей думал об Украине, о Киеве! - восклицает он.И вот... Очень счастлив, товарищи, очень!

Рядом с командармом сидит начальник политотдела армии Константин Петрович Исаев. Кстати, по приезде мы сначала представились ему, и он успел многое рассказать нам и о Черняховском, и о 60-й армии.

Иван Данилович Черняховский родился в Умани. В армии с 1924 года. С 1928 член ВКП(б). Окончил Киевскую артиллерийскую школу, а затем академию механизации и моторизации. Войну начал командиром танковой дивизии. Потом командовал корпусом. Отличительная черта как командующего - быстрые и смелые решения. Не упускает случая побывать непосредственно на передовой, причем в самых опасных местах. Любит бойцов, и те его любят. Недавно в адрес штаба фронта дал такую телеграмму: "За два с лишним года я никогда и ничего не просил. Сейчас же прошу об одном - дать мне направление на Киев".

На телеграмму ответил по телефону Рокоссовский:

- Все зависит от тебя самого, Иван Данилович... Украина - рукой подать. Киев тоже близко. Сумеешь добиться успеха - поможем. В общем, открывай киевское направление...

И Черняховский сумел сделать, кажется, невозможное. Нащупал слабое место в обороне врага, прорвал в первый же день наступления его фронт, а затем бросил в прорыв все наличные силы, предварительно посадив стрелковые подразделения на автомашины. Взяты Глухов и Рыльск. Бои идут уже у города Кролевец и у районного центра Ямполь...

Иван Данилович просит нас обязательно отметить доблесть и мужество частей и соединений, которыми командуют Корчагин, Рудченко, Гусев, Петренко, Ладыгин и Гладков. И спрашивает у начальника политотдела:

- А сержант Турушканов здесь?

К. П. Исаев на минуту выходит из хаты и возвращается уже с сержантом, на груди у которого блестит новенький орден Красного Знамени. Турушканов ростом еще выше Черняховского. У него едва ль не саженные плечи, разлапистые сильные руки.

- Познакомьтесь, наш богатырь Степан Федорович Турушканов,- представляет нам сержанта командарм.- Под Глуховом командовал взводом автоматчиков. Захватил железнодорожный разъезд с двумя вражескими эшелонами на нем. Там его бойцы уничтожили более сорока гитлеровцев. Турушканов же лично взял в плен немецкого обер-лейтенанта. Удержал разъезд до подхода главных сил батальона, отбил три контратаки превосходящих сил противника. Вот, наградили его, а

сейчас отправляем на побывку на родину.

Турушканов протягивает нам отпускное удостоверение. Читаем этот несколько необычный документ: "Дано настоящее сержанту Турушканову Степану Федоровичу, который решением Военного совета, санкционированным командующим Центральным фронтом, направляется в десятидневный отпуск в город Моршанск Рязанской области. Тов. Турушканов совершил на фронте героический подвиг, за что награжден орденом Красного Знамени. Едет домой навестить больную мать. Просьба ко всем воинским начальникам и гражданским властям оказывать фронтовому герою содействие в средствах передвижения и других нуждах. Командующий армией И. Черняховский. Член Военного совета В. Оленин".

- Да, написано несколько не по форме, но крепко,- комментирует Черняховский. И тут же спрашивает сержанта: - Продовольствие и подарки получил?

- Спасибо, товарищ генерал, все получил, как приказали. Вышло так много, что не знаю, довезу ли...

- Довезешь! А как с машиной? Договорился с шофером?

- Тоже порядок, товарищ генерал. Спасибо...

Нам тут же рассказали, что перед самым наступлением Турушканов получил тревожное письмо из дома. Его мать, оказывается, разбил паралич. Сержант тут же подал рапорт о краткосрочном отпуске. Тот по команде дошел до командующего. Черняховский, будучи в 121-й дивизии, встретился с сержантом Турушкановым. Пообещал ему:

- Через три дня поедешь домой. Но уж постарайся в бою.

Утром началось наступление, и Турушканов совершил уже знакомый нам подвиг. И вот сейчас едет домой...

Раздался резкий телефонный звонок. Командарм поднял трубку:

- Слушаю...

Звонил командующий фронтом К. К. Рокоссовский.

Начальник политотдела шепнул нам:

- Давайте-ка выйдем, товарищи, на минуту. Пусть переговорит с командующим фронтом наедине...

Мы вышли.

* * *

Но вскоре генерал И. Д. Черняховский снова позвал нас к себе и объявил:

- Командующий фронтом принял решение помочь нам всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Цель армии уточнена - Киев...

Уже потом, когда Центральный фронт получил новые задачи,

его начальник штаба генерал М. С. Малинин рассказал корреспондентам:

- Вначале главный наш удар по врагу планировался в направлении на Новгород-Северский. Он наносился силами сорок восьмой и шестьдесят пятой армий. Они были должным образом усилены танковыми и артиллерийскими соединениями. Кроме того, здесь же сосредоточилась и вторая танковая армия, которой предписывалось войти в прорыв и развить .успех, достигнутый общевойсковыми армиями.

Шестидесятая армия генерала Черняховского наносила вспомогательный удар.

Двадцать шестого августа фронт приступил к осуществлению своих наступательных планов. На главном направлении бои сразу же приняли затяжной характер. Противник, как оказалось, сумел перебросить сюда свежие силы, и в частности некоторые соединения, с которыми мы уже встречались в районе Понырей. И даже преждевременный, вынужденный ввод в сражение второй танковой армии не принес ожидаемого успеха...

По-иному развивались события в шестидесятой армии. Здесь, сосредоточив на узком участке свои главные ударные силы и создав для развития оперативного успеха подвижные группы пехоты и артиллерии, мобилизовав для них все автомашины армии, генерал Черняховский в первые же часы боя сокрушил оборону врага. Двадцать девятого августа соединения его армии освободили Глухов и быстро шли к Конотопу...

Малинин дал нам возможность записать все, о чем он только что говорил, и продолжил:

- И вот сейчас, в этой сложной ситуации, полководческий талант показал уже командующий фронтом генерал армии Константин Константинович Рокоссовский. Он принял решение все имеющиеся в нашем распоряжении силы бросить на развитие успеха, достигнутого генералом Черняховским. В самое короткое время на усиление шестидесятой армии был направлен стрелковый корпус. Начальник тыла фронта генерал Антипенко сумел за одни сутки сосредоточить у Кром, где стоял этот корпус, достаточные автотранспортные средства. И через день дивизии корпуса уже дрались у Конотопа.

В оперативное подчинение Черняховского были переведены из района Севска и соединения второй танковой армии. Это позволило ему к исходу дня тридцать первого августа расширить прорыв до ста километров по фронту и до шестидесяти километров в глубину...

Малинин пригласил нас к карте и показал стрелы ударов, нацеленные на оборону врага.

- Но это еще были полумеры,- пояснил генерал, отходя вместе с нами от карты.- А Рокоссовский, как вы уже должны знать, на полумерах никогда не останавливается. Он вводит в стык между шестьдесят пятой и шестидесятой нашу знаменитую тринадцатую армию, которой командует генерал Пухов. А потом и еще одну армию - шестьдесят первую, генерала Белова...

Как я уже говорил, этот наш разговор с генералом М. С. Малининым проходил уже после выхода советских войск за Днепр. В августовские же и сентябрьские дни 1943 года о замыслах фронтового командования мы могли только догадываться. Ибо своими глазами видели на ночных дорогах Курской области и Северной Украины длинные колонны танков, автомашин, артиллерии.

Да, маневр силами и средствами приобрел тогда колоссальные размеры. Но ни с К. К. Рокоссовским, ни с М. С. Малининым нам в те дни встретиться не пришлось. Да мы и не добивались таких встреч. Потому что понимали, какую огромную нагрузку несли тогда на себе командующий и начальник штаба фронта.

Бои на киевском направлении были скоротечными. Кстати, официально, всенародно, так сказать, на весь мир, слова "киевское направление" впервые прозвучали в приказе Верховного Главнокомандующего от 9 сентября. "Сегодня,говорилось в нем,- после ожесточенных боев наши войска штурмом овладели городом Бахмач - важным железнодорожным узлом, центром коммуникаций противника и решающим опорным пунктом обороны немцев на киевском направлении".

А затем - все новые и новые сообщения. Освобожден город Нежин. На другой день - Новгород-Северский, еще через пять дней - Чернигов. 24 сентября войска фронта подошли к Днепру. Выбили фашистов из Бровар и Дарницы. И вот он, Киев, как на ладони...

* * *

На дорожном столбике у моста через речушку Клевень чья-то рука любовно вывела - "Мати Украина". Бойцы Красной Армии кланяются этому столбику, словно проходят мимо святого места.

Да, за речкой уже начинается украинская земля. Белые хатки с аккуратно причесанными соломенными крышами, журавли колодцев, пирамидальные тополя, вонзившие свои острые вершины в раскаленное солнцем небо. Украина!

Село Сопычь Сумской области. По обе стороны улицы - женщины, старики, дети. Жарко, пыльно, а они стоят в праздничной одежде, вглядываются в лица проезжающих и проходящих, приглашают зайти в хату.

- Вы, товарищи, случайно не встречали Тараса Остапенко, лейтенанта? спрашивает нас седой старик.

Отрицательный ответ явно огорчает его. Помолчав, старик говорит:

- Два года не знаем, где наш Тарас... - Потом добавляет, смахивая не то пот, не то слезу: - Соскучились мы, товарищи, по своим. Так соскучились, что пятый день не наглядимся на наше родное войско.

Трофиму Павловичу - за семьдесят. Сын Тарас - в Красной Армии.

- Если жив и бьет проклятого фашиста - хорошо. Если ж пал за Родину - мир праху героя...

Он опять молчит, и мы можем только догадываться, что творится в душе старика,

- И все же думаю, что он жив,- говорит Остапенко.- Негоже умирать молодым, хотя б и на войне... Мы вон в каких летах, а и то дождались свободы...

Свобода! Замечательное слово! Но если б только знал Трофим Павлович, сколько же тысяч и тысяч русских, украинцев, белорусов, татар, казахов и воинов других национальностей страны отдали свою жизнь за свободу Родины, за его, Остапенко, свободу! Даже тут, у его крохотного села Сопычь, уже выросли три свежие могилы. В них похоронены Ефим Прошак, Степан Попов и Абдулла Абдурахманов. Прошак отступал до Волги, два раза был ранен. После второго ранения ему предложили службу в тылу. "Нет, дорогие товарищи,- ответил старший лейтенант членам комиссии,- в тяжелые дни отступления я был на передовой. А теперь, когда мы наступаем, когда открылась дорога на родную Украину, я буду сидеть в тылу?! Никогда! Земля отцов ждет меня. Мое место только на передовой!" И он шел вперед, ведя за собой роту. С ним рядом шагал на запад и разведчик, уральский металлург Степан Попов. Ведь Украина - частица Советской Родины. Украинцы - братья русских. Вперед, только вперед!

Не отставал от них и автоматчик, хлебопашец из-под Чистополя Абдулла Абдурахманов. Он знал, что не будет свободной и татарская земля, если враг заберет землю русскую и украинскую...

У села Сопычь роту Прошака, прорвавшуюся с боями на пятнадцать километров во вражеский тыл, ждала засада. Советские воины смело вступили в схватку с превосходившими силами фашистов, разбили их, но потеряли и троих лучших своих товарищей...

Да, нелегкой ценой дается свобода.

Старик Остапенко рассказывает нам, как тяжело жилось при гитлеровцах. Ваши горести знакомы воинам Красной Армии, Трофим Павлович! Но вот перед нами письмо в Германию ефрейтора из 184-го пехотного вражеского полка, найденное у него, убитого тут же, под селом Сопычь. Гитлеровский выкормыш пишет своим родителям:

"Ничего так не жалко, как жалко оставлять Украину. Мы тут жили превосходно. Куры, гуси, сахар, молоко, сало - всего было вдоволь. А сколько мы мобилизовали отсюда восточных рабочих! Фюрер обещал наделить нас, ветеранов войны, земельными наделами на Украине. Земля и климат - прелесть. Тридцать пятьдесят здешних гектаров плюс дешевая крестьянская сила обеспечили бы всей нашей семье радостную жизнь... Жаль, очень жаль уходить отсюда. Впрочем, говорят, что мы еще вернемся, и я верю этому..."

Слышишь, Трофим Павлович, что замышлял враг?

...На развилке шоссе, на столбике,- дорогая сердцу советского человека надпись: "Дорога к Днепру! Торопись, товарищ, тебя ждут миллионы порабощенных врагом людей!"

Дорога к Днепру до зеркального блеска отполирована шинами машин. Много их прошло на юго-запад. А конца истоку не видно. Грузовые, санитарные, специальные, броневики, танки, "катюши"...

Мелькают дорожные знаки. Слободка, Вольная Слободка, Лушки, Эсмань... Освобожденная земля и радует, и заставляет болеть сердце.

Хутор Хотьмаговский. Всего 40 дворов. И в каждом из них горе. Фельдшерицу Веру Ольшанскую угнали в Германию. У Максима Андреевича Шепетовко фашисты отняли корову, сожгли хату. Казнены семьи Игната Невеличко, Ивана Трегубенко, Ефима Мороза...

Глухов. Старинный город. Полки 60-й армии двигались здесь так быстро, что гитлеровцы поначалу не успели разрушить город. Но фашисты есть фашисты. Пять дней подряд бомбили они Глухов уже после его освобождения войсками Красной Армии. И превратили в руины...

Горит Шостка. Разрушен Конотоп. В развалинах станция и город Бахмач. Высоким бурьяном заросло место, где стояло когда-то цветущее село Гута. Пепел и битый кирпич на улицах древнего Путивля. Пахнут гарью руины Нежина...

Но ничего, восстановим. Все восстановим! Сейчас же главное - гнать и гнать врага с нашей земли.

* * *

Познакомился с пулеметчиком Трофимчуком и целую ночь не

отходил от него. Вместе с ним любовались на Днепр, разговаривали.

Чувствовалось, что Трофимчук страшно соскучился по родной реке и сейчас переживал счастливейшие минуты в своей жизни. Оказалось, что он свыше тридцати лет провел на Днепре, то рыбача с отцом, то работая бакенщиком у Кременчуга.

Войну Трофимчук встретил в Бресте, находясь там на сборах. Все время воюет пулеметчиком. Он невысок, но крепок, с широченными плечами. Говорит охотно, знает немало разных историй, поговорок. В полку его любят. Любят за опыт, за бесстрашие в боях. Но что самое поразительное - воюя с первых дней войны, постоянно находясь на линии огня, он не был ни разу ни ранен, ни контужен. Вот уж поистине солдатское счастье.

- Кстати, мой батько в прошлую войну тоже с немцами воевал,- неожиданно сказал Трофимчук.- Вернулся с нее невредимым, полным георгиевским кавалером. Я как-то возьми да и спроси его: как это, мол, тебя, батько, ни одна пуля не тронула? А он мне в ответ: потому, говорит, что у меня душа перед немцами ни разу не дрогнула. Если же душой дрогнешь - конец, пуля тебя враз найдет.

Видимо, Трофимчук тоже думал о том самом солдатском счастье, о котором нам так хотелось с ним поговорить.

- А дед мой,- после паузы продолжил пулеметчик,- был убит в Маньчжурии, когда их рота дрогнула и побежала от японцев...

- Так, по-вашему, выходит,- подхватил я,- что солдатское счастье - это та же храбрость?

- А бис его знает, как оно называется,- сдержанно ответил Трофимчук.Может, и так, а может...

Я понял, что ему не очень-то хочется продолжать разговор на эту тему, и не стал его принуждать...

Часа в три утра в блиндаж заглянул ротный и сообщил, что на сей раз им не повезло, первыми форсировать Днепр будут другие, из соседнего полка. Трофимчук заметно расстроился, что его не будет за Днепром в числе первых. Но и только. Не ругался, не пытался что-нибудь предпринять. Чувствовалось, что дисциплина для него - категория обязательная и уважаемая.

Мне тоже стало досадно, что попал не в ту часть, в которую надо было бы. Но, заинтересованный сержантом Федором Трофимчуком, решил на время покориться судьбе, то есть побыть около него еще.

Но Федор не проронил больше ни слова до того момента, пока командир взвода не приказал наконец его расчету вместе с пулеметом грузиться на плот. Вот тогда-то он повеселел, засуетился, начал поторапливать подчиненных. Мне было видно,

что его расчет занял место на первом плоту. И еще: взгляд Федора так и прикипел к западному берегу Днепра, где уже грохотал бой. Ему явно не терпелось быстрее оказаться там.

А где-то к полудню командир полка показал мне одно из донесений с того берега. Командир роты капитан Мочалов писал в нем:

"Пулеметчик Федор Трофимчук опять отличился. В момент, когда фашисты пошли в контратаку, он болотом пробрался с расчетом в кустарник и огнем с фланга вынудил их к отходу. Лейтенант Удельный уверяет, что фашисты потеряли от его огня не менее пятидесяти солдат и офицеров".

- Что ж, представим Федора еще к одной награде,- пообещал командир полка.

Кстати, грудь сержанта Трофимчука украшали уже медали "За отвагу", "За боевые заслуги", ордена Отечественной войны I степени и Красного Знамени.

Да, неплохо воюет сын Украины!

* * *

Вслед за 13-й армией соединения 60-й за два дня успешно форсировали Днепр, и штаб генерала Черняховского тоже переехал ближе к реке. Мы с Валетовым долго блуждали на машине вдоль Днепра, разыскивая его.

И вдруг в окне встречной зеленой эмки мелькнуло знакомое лицо К. П. Исаева - начальника политотдела армии. Выпрыгиваю из машины, кричу...

Поздно ночью порученец члена Военного совета вводит меня в небольшую хату и говорит адъютанту Черняховского:

- Доложите командующему о прибытии корреспондента "Красной звезды".

Адъютант прикладывает палец к губам: тише.

- А в чем дело?

- У Ивана Даниловича - Рокоссовский.

Перехожу в другую комнату и ожидаю. Минут через тридцать адъютант говорит:

- Вас приглашает командующий...

Иван Данилович чем-то явно взволнован. Так, по крайней мере, мне показалось. Крепко пожал мою руку.

- Ну вот мы и встретились на Днепре,- сказал он.

И надолго замолчал. Ходил около стола, поправлял лежащую на нем карту, несколько раз прикладывал ко лбу платок. Я знал, как желал Иван Данилович, чтобы его армия непременно приняла участие в освобождении Киева. И вот теперь... Может, получена какая-нибудь новая задача?

И я спросил об этом у И. Д. Черняховского. Он ответил не

сразу.

- У меня только что был Константин Константинович Рокоссовский. Приезжал прощаться. Так что с ноль-ноль часов наша армия уже находится в составе Воронежского фронта... Задача, правда, осталась прежней, а вот фронт другой... А как же жалко расставаться с Рокоссовским, да и со всем штабом Центрального фронта!

И неожиданно для меня, а может быть, и для самого себя Иван Данилович вдруг начал рассказывать о Рокоссовском, вернее, о том, как командующий фронтом искусно использовал успех 60-й армии.

- Так может действовать только настоящий полководец! - говорил И. Д. Черняховский.- Результаты вы знаете: фронт открывает киевское направление, освобождает Чернигов, достигает Днепра... Приятно иметь дело с таким командующим!

А спустя несколько месяцев мне довелось услышать от Рокоссовского уже мнение о генерале И. Д. Черняховском:

- Очень, очень талантливый, очень умный, очень образованный генерал!

Черняховский вскоре стал командовать 3-м Белорусским фронтом. И на этой должности героически погиб при штурме Кенигсберга...

Глава шестая. Час Белоруссии

Сижу у генерала В. И. Казакова, читаю наградные листы. Командующий артиллерией подписывает эти документы и наиболее интересные дает мне. Часто добавляет к официальным описаниям подвигов яркие детали и подробности. Просто диву даешься, как много бойцов и командиров знает генерал.

Вспоминает и первые месяцы войны. Глубоко сожалеет, что сотни, может быть, даже тысячи артиллеристов, проявивших тогда подлинный героизм и отвагу, не были отмечены боевыми наградами.

- Сейчас трудно поверить, а ведь факт: у нас просто не было тогда времени заниматься подобными делами,- говорит В. И. Казаков.- А когда мы все-таки посылали в вышестоящие штабы свои представления, они частенько не доходили туда. Ведь обстановка-то была...

Мне показалось, что генерал собирался рассказать еще одну волнующую его историю, но в это время открылась дверь и в комнату вошел командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский. Высокий, статный, красивый.

Мы оба поднялись со своих мест. Но К. К. Рокоссовский, кивнув, попросил садиться. Потом более пристально посмотрел на меня и с улыбкой сказал:

- Я не узнал вас, товарищ Трояновский. Думал, что у Василия Ивановича кто-то из его штаба... Надеюсь, корреспонденты не обиделись на меня за то, что два или три раза я отказывался с вами встретиться? Поверьте, не было ни одной свободной минуты, суток не хватало. Теперь твердо обещаю: завтра или послезавтра приму всех ваших товарищей.

И сдержал слово. Через два дня в кабинете начальника политуправления фронта генерала С. Ф. Галаджева состоялась его встреча с корреспондентами центральных газет. На ней командующий сделал краткий обзор действий армий нашего фронта.

- С самого начала наступления,- говорил К. К. Рокоссовский,- главным направлением Центрального фронта было киевское. Именно на этом направлении нами достигнуты наибольшие успехи. И особенно отличилась шестидесятая армия генерала Черняховского. Ее стремительное продвижение на киевском направлении позволило сломить упорное сопротивление противника и в полосах наступления шестьдесят пятой, а также сорок восьмой армий. Войска генерала Батова успешно прошли брянские и хинельские леса, захватив много трофеев и пленных. Тринадцатая армия генерала Пухова достигла реки Десны. По нашей просьбе Ставка передала нам шестьдесят первую армию генерала Белова, которую мы сразу же поставили между шестьдесят пятой и тринадцатой армиями на черниговском направлении...

Константин Константинович сделал паузу, прошелся по кабинету. И продолжил:

- Двадцать первого сентября наши войска освобождают Чернигов. На следующий день тринадцатая армия форсирует Днепр на участке Чернобиль, Сташев, что севернее Киева. Двадцать третьего сентября эта же армия расширила свой плацдарм за рекой до тридцати пяти километров в глубину и почти на столько же километров в ширину. Затем южнее тринадцатой Днепр форсирует шестидесятая. На плечах противника подходит к Днепру шестьдесят первая и частью сил форсирует его в районе Нивки, Глушец. Шестьдесят пятая и сорок восьмая армии переправляются через Десну и подходят к реке Сож...

Таким образом, задача, поставленная Ставкой перед Центральным фронтом, к концу сентября была уже выполнена. Более того, быстрое продвижение нашего левого крыла на киевском направлении заставило противника поспешно отвести свои дивизии, действовавшие против Воронежского фронта. Это, естественно, во многом помогло нашему соседу...

- На днях Ставка приняла решение о передаче тринадцатой и шестидесятой армий Воронежскому фронту,- пояснил после очередной паузы Рокоссовский.Одновременно расформирован Брянский фронт. Три его армии: пятидесятая, под командованием генерала Болдина, третья - генерала Горбатова и шестьдесят третья - генерала Колпакчи - влились в наш фронт. Таким образом, товарищи, наступил час освобождения Белоруссии.

В заключение командующий фронтом попросил корреспондентов бывать во всех армиях фронта, желательно в корпусах и дивизиях.

- А то до сих пор ваш брат почему-то особенно любил тринадцатую армию, меньше семидесятую. В последнее время, правда, появлялись материалы и из шестидесятой. А шестьдесят пятая разве хуже других воюет? А сорок восьмая, а шестьдесят первая? Познакомьтесь и с армиями, перешедшими к нам из Брянского фронта. И прошу побольше писать о нашей героической пехоте. Она имеет все права на ваше внимание.

К. К. Рокоссовский сообщил, что членом Военного совета фронта назначен секретарь Центрального Комитета Компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Он уже в штабе. Командующий рекомендовал обязательно встретиться с ним и широко показать на страницах печати героические действия белорусских партизан.

- Чаще пишите о злодеяниях врага, - сказал командующий.- Вы же сами на каждом шагу видите следы этих чудовищных зверств. Рассказывайте о них воинам Красной Армии, всем советским людям. Пусть в их сердцах горит негасимый огонь ненависти к фашистам.

Корреспонденты попросили К. К. Рокоссовского найти возможность регулярно встречаться с ними руководящему составу штаба фронта, так как существующая до сих пор система информации их не устраивает.

- Регулярных встреч обещать не могу,- ответил командующий.- Эпизодически другое дело. Что же касается информации, то мы с товарищами Телегиным и Галаджевым подумаем, как ее сделать оперативнее и полнее.

Вскоре генерал С. Ф. Галаджев сообщил нам, что ежедневно в 20 часов в политуправлении фронта начальник отделения информации майор Иван Порфирьевич Лысак будет знакомить корреспондентов с событиями на фронте за день. В случаях освобождения крупных населенных пунктов, форсирования водных рубежей, разгрома крупных частей противника перед журналистами выступят работники оперативного управления и разведывательного отдела штаба фронта. Регулярно

корреспонденты будут получать и сводные подборки о показаниях пленных.

Это нас вполне устраивало.

Вечером того же дня мне удалось еще раз встретиться с К. К. Рокоссовским. Совинформбюро через Главное политическое управление РККА попросило меня написать репортаж из кабинета командующего войсками Центрального фронта для американской газеты "Нью-Йорк геральд трибюн".

Константин Константинович вспомнил мой приезд в штаб 16-й армии еще в октябре 1941 года и на этот раз значительно охотнее отвечал на вопросы. Снимок сделал фотокорреспондент "Правды" Федор Кислов.

Когда беседа уже подходила к концу, он заявил:

- Не хочу вторгаться в вашу творческую лабораторию, но прошу обязательно сказать в статье о том, что мы здесь очень удивлены отсутствием второго фронта. Напишите, что мне на каждой встрече с бойцами и командирами задают один и тот же вопрос: "Когда же союзники откроют второй фронт?" Спросите об этом и от моего имени...

Две интересные детали о семье К. К. Рокоссовского мне сообщил уже генерал В. И. Казаков.

...В октябре 1941 года семья Константина Константиновича, тогда еще командующего 16-й армией, была временно эвакуирована в Новосибирск. Местные органы, ведающие распределением трудовых ресурсов, направили Юлию Петровну Рокоссовскую в госпиталь. Там ей предложили работать прачкой.

Месяца через два начальнику госпиталя попалось личное дело Ю. П. Рокоссовской. Он вызвал к себе Юлию Петровну и спросил:

- У вас в анкете сказано, что ваш муж, Рокоссовский, находится на фронте.

- Да, он на фронте,- подтвердила Юлия Петровна.

- А это не тот ли генерал Рокоссовский, армия которого отличилась при обороне Москвы?

- Мой муж командует шестнадцатой армией, которая действительно обороняла Москву.

- Так вы являетесь женой Константина Константиновича Рокоссовского?

- Да.

- А что же вы об этом никому не сказали?

- Меня не спрашивали.

Полковник снова начал просматривать личное дело.

- "Владею французским, английским, польским и немецким языками",- прочитал он.- А кто же вас поставил прачкой?

- Я горжусь тем, что в меру своих сил и возможностей помогаю нашей Красной Армии в тяжелые для страны дни! - с достоинством ответила Рокоссовская.

- Это правильно. Но знаете, как многие военные училища нуждаются в преподавателях иностранных языков?

Юлия Петровна пожала плечами. А утром ее вызвали в военкомат и дали направление на работу в училище...

И еще одна деталь: дочь К. К. Рокоссовского Ада, оказывается, после окончания специальных курсов находилась в тылу врага, у партизан.

Я написал репортаж и показал его Константину Константиновичу. Попросил прочитать. Командующий по ходу дела внес несколько добавлений и поправок. Так, в абзаце об участии в гражданской войне дописал: "В 1918 году вступил в ряды большевистской партии". В том месте, где рассказывалось, что одно время Г. К. Жуков командовал полком в дивизии, которую возглавлял Рокоссовский, прибавил: "А теперь сам учится у маршала военному искусству и науке побеждать врага". Слова "видный советский полководец" заменил на "один из советских полководцев". Вычеркнул слова "любимец армии и народа".

В этом был весь он, Константин Константинович Рокоссовский.

* * *

...На восточной окраине Радуля меня встретил связной штаба 69-й Севской стрелковой дивизии. Машину порекомендовал поставить во дворе полуразрушенного каменного дома. Шоферу Семену Мухину сказал:

- Сюда два раза в день приезжает солдатская кухня, так что голодным не будешь. Ночевать советую в машине, избы все переполнены. Машину замаскируй, щель найдешь сам.

Затем мы улицами, огородами и пустырями вышли к Днепру. На самом берегу стояла церковь. Обогнули ее и спустились в траншею, которая вывела нас к деревянному сараю. Под стеной его оборудован глубокий блиндаж с надежным бревенчатым перекрытием. Через смотровую щель видна река, а через стереотрубу - вся полоса обороны дивизии.

В тускло освещенном блиндаже еле различаю двух человек, сидящих за сколоченным из сырых досок столом.

- Проходите, товарищ корреспондент, проходите,- узнаю я голос генерала И. А. Кузовкова.- Что же вы от самого Севска не были в нашей дивизии? Помнится, обещали не забывать...

Вторым сидящим оказался начальник политотдела дивизии подполковник С. Я. Карпиков.

Пожав мне руку, Кузовков сказал:

- Сразу же оставляю вас с начальником политотдела. Простите, но у меня на разговоры нет времени.- И ушел.

А мне припомнилась августовская встреча с генералом И. А. Кузовковым под Севском. Я знал тогда, что в предстоящих боях за этот город главная роль отведена 69-й дивизии. Приехал в нее за день до наступления. НП командира дивизии располагался на окраине поселка Земледелец. Кузовкова тут не оказалось.

- А где же генерал? - спросил я связиста.

- Пройдите вон по той тропинке в лес, товарищ майор. Там и найдете нашего командира...

На поляне, окаймленной молодым березняком, я увидел склоненную к земле фигуру генерала. Мне показалось, что он рассматривает какой-то цветок. Я кашлянул. Генерал распрямился и сделал несколько шагов ко мне.

- Корреспондент?

- Корреспондент.

- Прошу документы...

Вернув мне удостоверение личности, И. А. Кузовков неожиданно спросил:

- А что вы знаете о таком замечательном произведении природы, как лесной колокольчик? И знаете ли, сколько существует видов этого цветка?

Поняв, что я смущен не только тем, что не могу правильно ответить на его вопросы, но и тем, что он, генерал, перед боем думает о цветах, Кузовков сказал:

- И на войне люди остаются людьми, товарищ корреспондент... Если, конечно, они люди...

Дивизия в боях за Севск дралась успешно. Я, помнится, написал тогда очерк о командире передового полка И. А. Бахметьеве. И вот сейчас снова попал в это соединение...

С. Я. Карпиков, проводив взглядом генерала, пояснил мне:

- Не в духе сегодня наш Иван Александрович... Во-первых, дивизии при форсировании Днепра отведена второстепенная роль. Во-вторых, нам только что крепко влетело за самовольный перенос КП. Начальство приказало оборудовать его в церкви, а мы вой где. И думаю, решение комдива верное. Церковь-то обязательно окажется под активным воздействием вражеской артиллерии, а здесь... Ну и в-третьих, нас крепко выругали и за то, что мы своей властью призвали на службу тридцать местных рыбаков... Намечаем использовать их проводниками при форсировании Днепра. Видите, сколько неприятностей сразу?..

После этого начальник политотдела рассказал мне, как дивизия подготовилась к преодолению Днепра. Собрано

необходимое количество лодок, сделаны и плоты. Намечены места для переправы. Батальоны первого эшелона уже несколько раз прорепетировали на старом русле реки весь процесс предстоящего форсирования. Вскрыта система огня противника на противоположном берегу. Кроме того, на островок против Радуля скрытно, ночью, высажен стрелковый взвод из 120-го полка. Он должен будет прикрыть огнем начало переправы первого эшелона дивизии.

- А сейчас генерал проверяет готовность к форсированию реки батальонов триста третьего полка,- пояснил Карпиков.

Перед вечером вернулся И. А. Кузовков и позвал меня пройтись с ним в 120-й стрелковый полк.

- К подполковнику Бахметьеву? - обрадовался я.

- К полковнику Бахметьеву,- поправил генерал...

В подвале школы я увидел знакомые мне еще по августу лица - полковника И. А. Бахметьева, ему, оказывается, присвоили очередное звание, замполита полка подполковника А. В. Сидорова, командира 1-го батальона капитана И. З. Кулешова, командира роты старшего лейтенанта М. И. Кикоша, командира батареи старшего лейтенанта В. И. Бутылкина...

Генерал заслушал рапорты командиров. И как ни сумрачен и расстроен он был до этого, заулыбался. Люди свои задачи знали превосходно.

Бахметьев спросил:

- Говорить, товарищ генерал, будете?

В подвале наступила тишина.

- Товарищи! - сказал И. А. Кузовков.- На том берегу нас ждет истерзанная Белоруссия, наши братья и сестры! Я надеюсь на ваше мужество и стойкость. Враг должен быть повержен, как был повержен у Севска, на Десне, на Соже. С вами вся Советская Родина, с вами бесстрашные командиры...

На НП вернулись затемно. Здесь командира дивизии ждали представители из приданных артиллерийских частей. И хотя все, казалось, уже было проработано и согласовано, генерал еще раз уточнил с ними порядок подавления системы огня противника.

Потом были телефонные разговоры с командиром корпуса и командармом. И где-то в третьем часу ночи И. А. Кузовков наконец сказал:

- Отдыхаем, товарищи. Завтра предстоит трудный день...

* * *

Чуть свет 15 октября заговорила наша артиллерия. И сразу же от восточного берега Днепра отчалили десятки лодок и плотов. Над рекой пронеслись советские штурмовики.

Враг несколько минут молчал. Но потом загудел и его берег.

Как ни точно вела огонь наша артиллерия, все равно она не смогла сразу уничтожить все фашистские батареи.

Вижу, как неприятельский снаряд накрыл одну из наших лодок. В воздух взметнулись обломки досок, весел. До берега донесло чей-то зов о помощи. Молнией блеснул огонь разрыва на другой лодке...

Генерал И. А. Кузовков не отходит от стереотрубы. Решения и команды его кратки, голос тверд. Вот он приказывает артиллеристам перенести огонь в глубь обороны врага. А затем - дать залп полку гвардейских минометов. Торопит саперов с доставкой к реке секций первого наплавного моста. Приказывает переправить на остров боеприпасы и поставить на нем на прямую наводку артиллерийский дивизион...

И вот первое сообщение с того берега, от капитана Кулешова:

- Захватили прибрежную линию траншей. Разведчики проникли во вторую. Несем большие потери. Ранен замполит полка Сидоров, но остается в строю. Прошу побольше огня по высоте 112,0...

И. А. Кузовков тут же по радио командует:

- Бахметьев, следите за флангами, особенно со стороны Щитцов... Молчанов! Со стороны Бывалки - пехота противника. Дайте огня!..

1-й батальон 303-го полка попал под особенно сильный огонь противника, понес большие потери и вынужден был прекратить переправу. Командир дивизии тут же перенацелил его подразделения на район переправы бахметьевского полка.

За день полк Бахметьева переправил на западный берег Днепра свои главные силы. Однако потеря многих плотов и лодок заставила полковника отложить посылку туда артиллерии и 3-го батальона...

В ночь на 16 октября положение удалось выправить, переправить на противоположный берег целиком 120-й и 303-й полки, а также два батальона 237-го полка. И что особенно важно, одну 76-мм и четыре 45-мм пушки, несколько батальонных минометов.

На рассвете полковник И. А. Бахметьев перенес свой НП в район высоты 112,0.

И. А. Кузовков был доволен результатами прошедших суток. Он все чаще улыбался и шутил.

В 7 часов утра Бахметьев сообщил:

- НП атакуют до ста гитлеровцев. Отбиваемся силами четвертой роты...

А чуть позже раздался голос старшего лейтенанта В. И. Бутылкина:

- Прошу огонь по скатам высоты 112,0... Прошу огонь по скатам высоты 112,0...

Но даже и эти тревожные сообщения не испортили настроение комдиву. Он был уверен в Бахметьеве, Сидорове, Кулешове...

И действительно, отбив все контратаки врага, полки дивизии вскоре ударили по деревням Щитцы и Бывалки. А в полдень к И. А. Кузовкову приехал командир 18-го стрелкового корпуса генерал И. И. Иванов и приказал направить через переправы его соединения - сначала 149-ю, а затем и 60-ю дивизии. Сюда перебазировались и все средства усиления корпуса. Участок действий 69-й дивизии из второстепенного становился главным.

В ночь на 17 октября через Днепр переправился и генерал И. А. Кузовков с оперативной группой Штаба своего соединения.

* * *

На заднепровском плацдарме мне удалось побывать только уже после освобождения города Лоева. Естественно, в первую очередь я разыскал НП 69-й дивизии.

Генерал И. А. Кузовков имел очень усталый вид.

- Тяжело здесь. Это вам не Сож и не Десна. Там мы сразу погнали противника. А здесь он нам иногда и сам так выдает, что еле держимся...

Взял телефонную трубку, видимо, куда-то хотел позвонить, но потом раздумал и положил ее.

- Очень прошу вас снова отметить сто двадцатый полк, его командира и конечно же капитана Кулешова. Кулешов со своим батальоном весь день пятнадцатого октября дрался без тяжелого оружия... А шестнадцатого у полка был самый критический день. Правда, Бахметьев заранее сумел определить, куда противник будет наносить свой главный удар. Успел перегруппировать батальоны, сосредоточил на левом фланге почти все пулеметы полка. И отбился!

Генерал попросил меня подойти вместе с ним к карте.

- А теперь смотрите, что Бахметьев делает дальше. Видите вот эту высотку? Это ключ на пути к деревне Вывалки - опорному пункту гитлеровцев. Командир полка отбирает добровольцев, ставит во главе их лейтенанта Кикоша и приказывает скрытно, руслом вот этого ручья, выйти к высотке и атаковать ее...

...А тот, о котором рассказывает мне генерал, находится в это время на новом наблюдательном пункте. Он только что перешел сюда, на край глубокого оврага, и, левой рукой прижимая к уху наушники, а правой держа микрофон, громко говорит по рации:

- Какой пулемет? Ты-то сам его видишь? В саду? Ничего там нет, Кулешов, абсолютно ничего! Немедленно поднимай людей, и

чтобы через пятнадцать минут сад был в наших руках! Я сейчас дам огонь по конюшне. Скорее, Кулешов, медлить нельзя, ты это понимаешь не хуже меня. Через пятнадцать минут жду доклада...

Овраг, на краю которого разместился новый НП полка, был неподалеку от деревни Котлы, и Бахметьев хорошо видит и сад, и длинную колхозную конюшню, и разрушенную силосную башню за ней.

Рядом с полковником сидит старший лейтенант Бутылкин, командир артиллерийской батареи. Сегодня Бахметьев приказал ему быть с ним. И вот, положив микрофон, полковник говорит Бутылкину:

- Давай команду на открытие огня по конюшне. Да поторопись, старший лейтенант, Кулешов ждет!

Огонь по конюшне был дан. Непродолжительный, но точный. И снова по радио слышен голос Кулешова:

- Сад занял...

Теперь Бахметьев просит уже комдива произвести по Котлам артиллерийский налет. А своим батальонам приказывает быть готовыми к атаке...

Бахметьев уже закончил очищение Котлов от гитлеровцев, когда через боевые порядки 120-го полка прошли остальные части дивизии.

Итак, Котлы взяты! Его полк получил небольшой отдых.

Полковник И. А. Бахметьев с трудом снял с себя пропотевшую гимнастерку, умылся, побрился. И тут вспомнил о приказе комдива написать представления на наиболее отличившихся в бою. Кого представить к наградам? Кулешова конечно же в первую очередь. Потом Ломакина, Кикоша, Бутылкина, Пятковского... Еще обязательно Сидорова, младшего сержанта Азизова, разведчика Кудрина...

Решительно кивнул, соглашаясь со своими мыслями. Да, этих людей надо представить к высоким наградам! Заслужили!

* * *

Нам, корреспондентам, никто и ничего не сообщал о готовящейся Гомельско-Речицкой операции. Видимо, это было и правильно. До поры до времени замысел и сроки операции конечно же должно было знать довольно ограниченное число лиц. Таково даже не правило, а закон войны.

И все же мы были наготове, ибо чувствовали, что вот-вот на нашем фронте произойдет нечто довольно значительное. Дело в том, что на лоевский плацдарм, захваченный частями и соединениями 65-й и 61-й армий, за короткий срок были переброшены 1-й Донской гвардейский танковый корпус генерала М. Ф. Панова, 9-й танковый корпус генерала Б. С. Бахорова,

кавалерийские корпуса генералов В. В. Крюкова и М. П. Константинова, артиллерийский корпус прорыва генерала И. В. Игнатова.

Тем временем с упорными боями продвигались вперед соединения 48-й армии, не прекращали активных действий 50-я и 3-я армии. Нацелились на Жлобин, что севернее Гомеля, 63-я армия и недавно переданная фронту из резерва ВГК 11-я армия генерала И. И. Федюнинского.

Как потом стало известно, главный замысел операции заключался в том, что, наступая с лоевского плацдарма, наши войска должны были прорвать так называемые надвинские позиции врага, составляющие часть пресловутого Восточного вала, овладеть Речицей, Васильковичами и Калиновичами и выйти в тыл гомельской группировки войск противника.

Генерал К. К. Рокоссовский во время подготовки к операции принял довольно смелое решение - сосредоточить в одной, действующей на главном направлении, 65-й армии сразу восемь корпусов. На такое дело конечно же пойдет далеко не всякий командующий фронтом. А Константин Константинович, учитывая обстановку и перспективу выхода войск фронта в тылы гомельской группировки врага, пошел на это. Надо особенно подчеркнуть, что командующий фронтом верил в инициативу, творческий ум и решительность генерала П. И. Батова, верил в оперативную зрелость и организационные способности штаба 65-й армии. Правда, в интересах основной задачи, то есть для достижения успеха 65-й армии, в этот момент действовали все остальные армии Белорусского (так теперь назывался Центральный) фронта. Но это ни в коей мере не умаляло высочайшей ответственности, которая была возложена на 65-ю армию и ее командующего.

8 ноября я поехал во 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. В. Крюкова. В сентябре мне уже довелось быть свидетелем переправы одной из его дивизий - 17-й Краснознаменной генерала П. Т. Курсакова - через Десну и написать об этом корреспонденцию. И вот сейчас Павел Трофимович снова прислал приглашение побывать в его соединении.

П. Т. Курсаков находился в небольшой землянке и как раз распекал кого-то по телефону. Освободившись, начал рассказывать о боях, которые вела дивизия уже тут, на плацдарме. Пожаловался:

- Считаю, что нас пока не совсем правильно используют. Сила и преимущества кавалерии - в подвижности. А нас спешили с коней и поставили в оборону. Вроде пехоты для этого не хватает...

Только мы собрались с ним пообедать, как пришел шифровальщик и протянул генералу шифровку. Прочитав ее, П. Т. Курсаков немедленно встал, крикнул ординарцу:

- Николай, машину!

А мне сказал:

- Вызывают к Батову, извини. Поработай тут сам, люди же тебе известные.

И тут же уехал.

На следующий день я тоже попал к командующему 65-й армией генерал-полковнику П. И. Батову. Он сердечно поздоровался со мной, но тут же сказал:

- Все остальное потом, товарищ корреспондент, потом. Сейчас не могу вам уделить больше ни одной минуты.

Член Военного совета армии генерал Н. А. Радецкий взял меня под руку и повел к себе, говоря на ходу:

- Не будем мешать командующему. На его плечи и так легла неимоверная нагрузка.

В это время П. И. Батов как раз решил еще раз уточнить с командирами соединений последние детали завтрашнего наступления. Но об этом я узнал позднее. А сейчас генерал Н. А. Радецкий неожиданно предложил мне:

- Хотите почитать, как фашистская пропаганда рекламирует неприступность Восточного вала, основой которого является Днепр? - и протянул обзор берлинской печати.

Действительно, какие только эпитеты не употребляли гитлеровские писаки для характеристики этого пресловутого вала - "стальной", "железный", "огненный", "гранитный". Газеты утверждали: "Большевистские полчища никогда не увидят правого берега Днепра"; "На западный берег Днепра русским дороги нет"; "Отныне от Днепра начинается новая Европа, и человечество скажет спасибо фюреру, германской империи, что он остановил азиатские орды у этой реки".

Смешно было читать эту галиматью уже здесь, за Днепром.

Интересны были и показания пленных, с которыми меня тоже познакомил генерал Н. А. Радецкий. Вот некоторые из них.

Ефрейтор-артиллерист: "Перед нами поставили задачу утопить русские десанты в Днепре. Говорили, что у нас больше трехсот орудий и несметное количество пулеметов... Однако ваши самолеты и ваша артиллерия сорвали все наши планы".

Обер-лейтенант: "Моя рота 15 октября от огня вашей артиллерии и в первом бою с десантниками потеряла 80 человек. Ваша авиация дезорганизовала всю связь, и каждое наше подразделение действовало только в своих интересах".

Фельдфебель: "Переправа ваших войск через Днепр, особенно

потеря Киева, потрясла немцев. Восточный вал прорван, и где мы остановим русских, никто не знает".

Я остался в штабе 65-й армии еще на один день и

10 ноября неожиданно для себя стал свидетелем начала нашего наступления.

Началось все это в полдень, после короткой артиллерийской подготовки. А уже через три часа в оперативном отделе штаба армии мне сказали:

- Оборона врага прорвана двумя стрелковыми корпусами на довольно широком фронте...

В эти дни мне не раз пришлось наблюдать за генерал-полковником П. И. Батовым. Не берусь оценивать его полководческие данные, но то, что я видел собственными глазами, дает мне право заявить, что во время боя командующий 65-й был на высоте.

П. И. Батов поражал своей необыкновенной живостью, энергией, внутренним огнем, который отражался на его лице, в глазах и даже в голосе. Я много раз слышал его разговоры с командирами корпусов, дивизий, полков. Это были дельные, короткие разговоры, без нервозности и ругани, в которых, однако, чувствовалась воля, твердость. Решения принимались быстро и, как правило, учитывали в себе мнения как его ближайших помощников по штабу, так и тех командиров, которые должны были их выполнять.

Мне известно, как остро дебатировался перед наступлением вопрос об использовании в бою конницы. Ведь в современном бою, насыщенном массой техники и автоматического оружия, она была довольно уязвимой. И вот штаб 65-й армии, штабы кавалерийских и танковых корпусов в конце концов пришли к единому решению: "заковать" кавалеристов в своеобразные танковые ромбы. Делалось это на практике так. В каждом танковом корпусе две бригады клином входили в прорыв, по мере продвижения расширяя его основание. А в расчищенный танками район тут же врывались кавалерийские корпуса. За ними начинали двигаться третьи бригады танковых корпусов, образуя как бы тыльную часть ромба. Такое построение боевого порядка надежно ограждало конницу от контрударов противника.

Хорошо было продумано и авиационное обеспечение операции. Благодаря всему этому наши войска в ночь на

11 ноября уже вышли на оперативный простор.

* * *

По рекомендации политотдела 61-й армии два дня проработал в 76-й гвардейской стрелковой дивизии. Это соединение совсем недавно влилось в войска нашего фронта, но и

за короткий срок сумело уже не раз отличиться. Дивизия одной из первых форсировала Десну, активно участвовала в боях за Чернигов. Сейчас она вела тяжелые бои за рекой Брагинкой, пробиваясь на Калинковичи. Ее командир генерал А. В. Кирсанов, как мне подсказали, имел хорошую привычку при каждом удобном случае лично беседовать с людьми, совершившими подвиг. Вот я и застал генерала как раз за одной такой беседой с двумя воинами соединения, первыми преодолевшими заболоченную реку Брагинку.

В небольшом деревянном домике, наскоро срубленном дивизионными саперами, стоял самодельный стол, и за ним сидели трое - комдив, помощник командира взвода Иван Копавец и старший сержант Владимир Сокольский.

- Вымок небось весь, зуб на зуб не попадает, а тут еще сердце заходит от того, что тебя там, впереди, ждет. Так или примерно так? - спрашивал генерал у Копавца.

- И так, товарищ генерал, и не так... Мокрый, это верно. До ниточки, до костей... И сердце не на месте, тоже верно. Но какой-то внутренний голос то и дело подсказывает: спеши, режь проволоку, быстрее веди через нее людей...

- Знаешь, Иван Николаевич, а ведь этот внутренний голос долгом называется.

- Не знаю, товарищ генерал, как он называется, но я его слышал и ему подчинялся... Сначала полз и резал проволоку. А когда ихняя траншея показалась, меня будто что-то подкинуло. Вскочил, "ура" закричал - и вперед...

- А за тобой весь взвод, так?

- Так, товарищ генерал...

- Вот оно, какое значение имеет пример командира! Если командир герой, то и взвод у него геройский. Командир мямля - и взвод весь мямля. Так?

- Только так, товарищ генерал. У одного и задача выполнена, и потери ничтожны. А другой и вперед не продвинулся, и всех людей положил...

- А ты откуда, Иван Николаевич, родом?

- С Кубани, товарищ генерал.

- Письма из дома получаешь?

- Как же. И от жинки, и от матери.

- Дай-ка мне адресок, я сообщу им, как ты тут у нас воюешь...

Примерно такой же разговор состоялся у комдива и с Василием Сокольским, который только в одном бою уничтожил одиннадцать гитлеровцев.

А затем А. В. Кирсанов вручил обоим орден Красной Звезды. Пожелал новых боевых успехов, новых наград. И пригласил:

- А теперь, дорогие товарищи, прошу вас пройти вот в эту дверцу. Приглашаю пообедать со мной, чарку принять в честь ваших орденов...

Вот каким был комдив генерал-майор А. В. Кирсанов! Его любили, ему верили все бойцы и командиры соединения. И шли по его приказу и в огонь и в воду.

* * *

Весь день противник вел по нашим позициям беспокоящий огонь из орудий и минометов. Весь день бойцы и командиры роты старшего лейтенанта Полозова почти не выходили из укрытий. И только к вечеру стало относительно тихо.

Вскоре подошла полевая кухня. Запахло наваристым борщом. Привезли и почту. Ее в роту доставил агитатор полка капитан Кошелев. Он же раздал бойцам и листовки, только что выпущенные политуправлением фронта.

- Может, собрать всех и организовать громкую читку? - предложил Полозов.

- Не надо. Пусть каждый читает сам,- ответил ротному Кошелев.

Да, есть такие листовки, содержание которых не требует ни предисловий, ни разъяснений...

Минометный расчет сержанта Суркова первым в роте справился с обедом. И тогда его командир, скрутив козью ножку и прикурив, сказал:

- А ну, придвигайтесь-ка ближе, братцы. Прочтем листовку...

"Смерть немецким оккупантам. Прочти и передай товарищу!" - так начиналась эта листовка.

- "Письмо из белорусской деревни Зеленый Дуб,- читал дальше Сурков.Дорогие наши бойцы, командиры, а также политработники! Пишут вам Марья и Дарья Остаповичи из белорусской деревни Зеленый Дуб. Не знаем, дойдет ли это письмо до вас или нет. Если же дойдет, то мы бы хотели, чтобы вы знали всю правду о нашей невыносимой жизни в фашистской неволе. Скоро, наверно, не будет на белорусской земле ни людей, ни селений. Враг лютует так, что ни в одной книжке такого не прочтешь и ни на одной картине не увидишь. У нас за месяц оккупации убито и повешено 42 души - от малого до старого. Не осталось ни одной девушки, ни одного парня - вся молодежь угнана на каторгу в Германию. А в марте новое злодейство: фашист забрал всех малолетних детей и отправил их в Бобруйск. Там из них выкачивают кровь для фашистских госпиталей. Ребята умирают... У нас нет слез, чтобы оплакивать их. Нет голоса, чтобы по христианскому обычаю попричитать... Враг кругом бьет, насилует, жжет, убивает... Когда придете, наши родные и

долгожданные? Спасите нас, вызволите из когтей кровожадных фашистов!"

Сурков кончил читать и как-то неестественно закашлялся. Я посмотрел на других минометчиков. Здесь сидели ефрейтор Колонка, красноармейцы Мальцев и Ахметов. Лица у пих были вытянутые, глаза горели огнем ненависти. Я знал, что и у Суркова, и у Колонки, и у Ахметова были дети...

Тяжелая пауза продолжалась до тех пор, пока Мальцев не спросил у Суркова:

- Ну когда же, товарищ сержант, нам прикажут идти дальше?!

Тот ответил:

- Точно не скажу, по верю, что скоро...

Конечно, сержант точно ничего не знал. Да и не мог знать. Но ответил подчиненному так, как подсказывало ему сердце...

В это время мимо минометчиков куда-то торопливо прошел сначала старший лейтенант Полозов, затем капитан Кошелев и их непосредственный начальник капитан-артиллерист Сухин. Интуиция и опыт бывалого воина тут же подсказали Суркову, что эта беготня начальства неспроста, и он подал команду:

- Расчет, к бою!

Через некоторое время в траншее показались Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командующий уже 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский и командующий 65-й армией генерал-полковник П. И. Батов. За ними шли и другие генералы, да только сержант Сурков назвать их не мог. А вот этих троих он и по портретам в газетах знал, и видел лично...

На первых порах военачальники вроде бы и не заметили минометчиков. Прошли мимо, направляясь к ротному наблюдательному пункту. А вот когда шли обратно, генерал армии Рокоссовский неожиданно остановился, спросил командира расчета:

- Сержант Сурков?

- Так точно, товарищ командующий! Сержант Сурков и его расчет, поддерживаем огнем вторую стрелковую роту!

- Старый знакомый,- пояснил Рокоссовский маршалу Жукову.- Вместе воевали под Сталинградом. Я тогда ему еще орден Красного Знамени в госпитале вручал.

И - к Суркову:

- Долго в госпитале тогда пролежали?

- Два месяца, день в день. А после Курской дуги еще чуть ли не с полгода провалялся. В полк вернулся уже за Днепром...

Маршал Г. К. Жуков лично проверил, какой обзор имеют минометчики. Похвалил Суркова за грамотность и старание. И

тут сержант совсем осмелел, вскинул руку к головному убору:

- Товарищ Маршал Советского Союза, разрешите обратиться с вопросом?

- Обращайтесь...

- Скажите, когда начнем освобождать Белоруссию? Военачальники переглянулись. И Г. К. Жуков ответил:

- Ваше нетерпение понятно. У каждого советского человека неспокойно на душе, пока его землю топчут фашисты. Ну что вам ответить, сержант?.. Будьте всегда готовы со своим расчетом по первому приказу пойти вперед. Час Белоруссии не за горами...

Шел уже июнь 1944 года. И час Белоруссии действительно был не за горами. Ведь именно белорусское направление было избрано Ставкой Верховного Главнокомандования главным для Красной Армии в наступательных действиях летней кампании. Но ни генерал К. К. Рокоссовский, ни маршал Г. К. Жуков не могли, конечно, сказать об этом сержанту Суркову. Пока не могли.

* * *

В политотделе 65-й армии меня познакомили с выписками из оперативных документов, захваченных на днях в штабе одной из разгромленных вражеских дивизий. Вот некоторые из этих выписок:

"24 июня, 0 часов 40 минут. Из полков передают, что они подверглись сильной бомбардировке. Есть потери.

Двадцать минут назад русские ночные бомбардировщики атаковали район нашего штаба. Убито два офицера...

1 час 50 минут. Воздушные налеты русских продолжаются. Ни в полках, ни в штабе никто не спит...

2 часа 40 минут. Ночь становится похожей на кошмар. Откуда у русских столько самолетов и бомб!..

2 часа 50 минут. На шоссе взорван мост. В лесу западнее Глусска подожжен склад с боеприпасами. Это уже работа партизан...

3 часа 20 минут. Повреждена телефонная связь со . 2-м и 3-м полками. Бомбежка продолжается...

8 часов. Русские начали наступление. О масштабах его можно только догадываться. Но начало не сулит нам ничего хорошего. По оценке командиров полков, такого яростного нажима они не видели ни на Дону, ни под Курском... Во 2-м полку за два часа боев насчитываются сотни убитых и раненых...

14 часов. Наши контратаки и ввод в бой резервных частей, кажется, ни к чему не привели. Русские продвигаются по всему фронту дивизии. Штаб сидит на чемоданах...

18 часов. Ведем бой с русскими танками..."

Действительно, во второй половине дня 24 июня в брешь,

пробитую в обороне врага частями 18-го стрелкового корпуса 65-й армии, командование бросило гвардейский танковый корпус. Сметая на своем пути неприятельские заслоны, танкисты уже вечером достигли района Кнышевичей. А на следующий день в сражение вступила конно-механизировапная группа генерала И. А. Плиева. Час Белоруссии настал!

Но на северном участке, по сведениям из штаба фронта, наступление развивалось медленнее. Болота у переднего края обороны противника затрудняли действия артиллерии и механизированных войск. Но и тут 26 июня наступил перелом.

Советские танки, а за ними и стрелковые части быстро приближались к Бобруйску. И 28 июня взяли его в кольцо, заперев в городе многотысячную группировку войск противника.

В полдень же наша авиационная разведка донесла, что на дорогах севернее Бобруйска ею обнаружены колонны вражеских грузовиков, танков, много пеших войск на марше. К. К. Рокоссовский приказал авиаторам перепроверить свои первые наблюдения. Сведения о движении фашистских колонн подтвердились...

Перед командованием фронта встал вопрос: что делать? Налицо были явные намерения противника деблокировать свои войска, окруженные в Бобруйске. У нас резервы есть, но вот быстро сосредоточить их в нужном месте не представлялось возможным.

- Ударим авиацией,- решил К. К. Рокоссовский. Маршал Г. К. Жуков, представляющий Ставку Верховного Главнокомандования, одобрил это решение.

В течение полутора часов более 500 советских самолетов штурмовали колонны врага, засыпали их бомбами, разили из пушек и пулеметов. Это был едва ли не один из самых сильных ударов нашей авиации по противнику за все время войны.

К вечеру из наступающих армий фронта начали поступать сообщения:

- Двигаемся вперед, не встречая сопротивления противника.

Пленный немецкий обер-лейтенант, командир артиллерийской батареи, несколько позже скажет о бомбежке 28 июня так:

- Это был сущий ад. Никто из нас такого кошмара еще не видел. В моей батарее разбило все орудия, уничтожило все автомашины и, кажется, всех людей. Я уцелел чудом...

Так враг расплачивался за сожженную и истерзанную им Белоруссию. Но не покоренную Белоруссию!

* * *

Чем ближе памятная всему миру еще по 1812 году река

Березина, тем слышнее становится тяжелое дыхание грандиозной битвы, которую ведут с врагом соединения и части 1-го Белорусского фронта. Как раскаты грома, грохочет артиллерия. Гудят в небе краснозвездные бомбардировщики и истребители.

Но не только на слух определяешь приближение места, где дерутся не на жизнь, а на смерть многотысячные армии. Вскоре взору открывается, так сказать, послесловие битвы, где орудия уже отгрохотали, где рассеялся пороховой дым и где советская сила одолела фашистскую. Вон в кустах почти рядом с дорогой стоят два немецких "фердинанда". Оба порыжели от огня, хотя на одном все еще можно разобрать номер - "201". У ближнего пробита башня, а пушка с раздвоенным дулом поднята вверх. Кажется, что "фердинанд" поднял руку, давая понять, что он уже не в силах сопротивляться. Второй как-то беспомощно завис на гребне пригорка, задрав высоко гусеницы, а пушкой едва не касаясь земли. Можно только представить силу того артиллерийского огня, который вот так, словно играючи, смог расправиться с многотонными стальными громадами.

Еще дальше от дороги - остовы сгоревших автомашин, тягачей, бронетранспортеров. Вражеская колонна, по всему, была велика. Насчитываем 87 автомашин, 24 бронетранспортера.

Встречается колонна пленных, в 500-600 солдат и офицеров. Вид у фашистов далеко не воинственный. Больше того, жалкий. Небритые, какие-то почерневшие лица; одежда и обувь в грязи; смотрят на нас с непривычной угодливостью. А ведь когда-то мечтали о мировом господстве.

- Откуда? - спрашиваем у конвоира.

- Из-под Бобруйска...

К Березине подъезжаем уже в темноте. На той стороне горит все, даже отдельные деревья, и багровые отсветы пожара падают на воду. Паром, машины, кусты, люди - все кажется красным. И даже свет луны вроде бы красный.

Переночевав у саперов и спозаранку объехав стороной разрушенный и дымящийся Бобруйск, выскакиваем на Минское шоссе. Через четыре-пять километров - новая картина страшного побоища. Здесь советские войска уничтожили едва ли не дивизию противника. Все пространство, которое охватывает взор, загромождено машинами, орудиями, минометами, повозками. В кустах - легковые автомашины "опель" и "мерседес". Рядом с ними валяются чемоданы, рации, противогазы, шинели, плащ-палатки, автоматы... В ряд стоят восемь 105-мм орудий. Они исправны - хоть в бой. Еще орудия, три шестиствольных миномета, два танка...

Около вражеского станкового пулемета - группа наших

раненых бойцов. Едут с передовой. И вот остановились отдохнуть. Шумно разговаривают. Подходим. Пулемет, оказывается, не просто пулемет, а историческая достопримечательность. Вернее, его хотели сделать такой достопримечательностью. На щите видим карту походов, в которых участвовал расчет этого пулемета. От Берлина белая стрела идет к Варшаве, потом к Бресту, Минску, Юхнову, Калуге, Малоярославцу. Тут стрела обрывается. Рука фашистского пулеметчика нарисовала контуры кремлевских стен. Под ними видна стертая, но все равно заметная надпись - "Москва". Отсюда идет уже синяя стрелка - Юхнов, Рославль, Карачев, Рогачев, Жлобин... Дорога отступления.

- В наш музей его бы надо,- говорит раненый старшина.

- Вот нашел чего - в музей! В Березину его! - запальчиво говорит сержант.

- Самое ему место - на переплавку. К нам, на Урал, в мартен,- ставит точку третий раненый.

И он, пожалуй, прав.

* * *

Второй день не можем догнать штаб 1-го отдельного гвардейского танкового корпуса, части которого уже приближаются к Минску.

Пока не встретили по пути ни одного целого селения. Их уничтожают отходящие части 9-й вражеской армии.

Как известно, некогда этими же дорогами бежали полки армии Наполеона. Но теперешние "завоеватели мира", используя новейшие средства передвижения, в скорости бегства конечно же превосходят французов.

Часто на дороге встречаются щиты, на которых по-русски и по-немецки написано: "Прием пленных". У одного такого пункта, расположенного в лесу, останавливаемся. Внимание сразу же привлекают горы автоматов, касок, мешков с письмами, ящиков с документами. Лейтенант Михаил Сапожков, начальник пункта, устало говорит:

- Приняли и отправили дальше две тысячи восемьсот пленных немецких солдат и офицеров. А вот еще ведут...

Привели группу офицеров. Двое - в женских платьях. Обер-лейтенант - в самотканом белорусском платье. На груди и рукавах вышивка.

- Из какой дивизии?

- Из сорок пятой...

Сапожков говорит:

- Бывает и такое. На днях даже генерал в женском платье попался. Сводку Совинформбюро за первое июля не слышали?

Придут газеты - прочитайте. Фамилия генерал-майор Гаман... Наш генерал его спросил: "Что же вы, господин Гаман, не покончили с собой? Ведь вы в своих собственных приказах изображали советский плен как предательство нации, родины. Утверждали, что большевистский плен это обязательная и мучительная смерть. А почему же сами предпочли плен?" Гаман лишь смотрит волком и молчит.

Позднее я прочитал в сводке Совинформбюро за 1 июля:

"...В числе пленных - комендант города Бобруйска генерал-майор Гаман. Этот гитлеровский генерал был в свое время комендантом города Орла и жестоко расправлялся с мирными советскими гражданами. Чрезвычайная государственная комиссия в своем сообщении "О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области", опубликованном 7 сентября 1943 года, указывает на палача генерала Гамана как на одного из главных организаторов массовых убийств невинных мирных жителей".

Вот какие "экземпляры" попались в плен под Бобруйском!

Впрочем, другие тоже не лучше. Хотя и рангом гораздо ниже. Одного фельдфебеля, например, задержали в окрестностях деревни Красный Берег, что вблизи Бобруйска. Там гитлеровские варвары устроили лагерь для малолетних советских детей. У них фашистские врачи выкачивали кровь, которая потом использовалась в немецких госпиталях.

Наши воины нашли в лагере сотни трупов детей, которых гитлеровцы не успели сжечь. А оставшиеся в живых имели предельную степень истощения. И потом, несмотря на экстренные меры советских врачей, многие из них тоже погибли.

Спрашиваю фельдфебеля:

- Вы немолодой уже человек. У вас, наверно, тоже есть дети. Как же вы могли работать в таком лагере?

- Приказ...

- Приказ. Но вы же не эсэсовец, а из регулярной воинской части. Значит, армия так же зверствует, как и эсэсовцы?

- Приказ...

- Чей приказ?

- Я и еще несколько солдат были направлены в этот лагерь по приказу командира полка.

- Много детей погублено в лагере?

- Не знаю. Я лишь развозил контейнеры с кровью по нашим госпиталям.

- И в госпиталях знали, что эта кровь - детская?

- По-моему, знали...

Жители деревень Ухватовка, Козловичи, Ласки, что в

Рогачевском районе, позднее рассказывали нам о массовых облавах на детей, проводимых гитлеровцами в мае - июне 1943 года.

Облавы на детей. Выкачивание из них крови. Чем можно оправдать такое чудовищное злодейство? И можно ли?

* * *

В третьем часу утра нашу машину неожиданно задержал военный патруль в танковых комбинезонах.

- Кто такие? Куда? Откуда?

Под дулами автоматов предъявляем документы. Начальник патруля долго их рассматривает, затем возвращает и говорит:

- Извините, товарищи корреспонденты, но тут еще бродит столько фашистов, что мы постоянно в боевой готовности. Не советовал бы и вам ездить по ночам...

- Мы третий день ищем штаб вашего корпуса. Танкисты начали о чем-то перешептываться между собой. Потом все тот же начальник патруля сказал:

- Подайте немного назад, там будет стрелка, показывающая направо. Поезжайте по той дороге.

Через несколько минут, уже в лесу, нас снова задержали.

- К генералу Панову,- ответили мы на вопрос офицера.

Пропустили.

И вот мы уже у командира корпуса. Генерал М. Ф. Панов сидит на сбитом из чурок стуле, держит в правой руке микрофон и кому-то громко говорит:

- Не надо столько подробностей. Их в донесении приведешь. Говори главное: потушили пожар или нет? Потушили... А как мост? Не поврежден? Очень хорошо! Теперь главное - упредить фашистов в захвате стыка дорог из Могилева и Бобруйска на Минск... Лимаренко! Лимаренко! Смотри на карту. От тебя до стыка - двадцать километров. Захватишь - сегодня же будешь в Минске, не захватишь опять длительные бои... Вперед, Лимаренко, вперед!..

Наконец комкор отложил микрофон, вытер платком вспотевший лоб и спросил нас:

- Кто такие? С кем имею дело?

Мы представились. Глаза у Панова потеплели. Он тут же пояснил, что только что говорил по рации с командиром танковой бригады полковником П. А. Лимаренко.

- Мчимся вперед, пока враг не опомнился. До сих пор удавалось захватить даже некоторые исправные мосты. Крупные узлы сопротивления обходим, оставляем пехоте... Нас, пожалуй, могла бы задержать двенадцатая танковая дивизия противника, но мы сумели зайти ей в тыл, разгромили основные силы, а

остатки отбросили в направлении Червеня... До Минска осталось восемьдесят километров. Если захватим узел дорог, сегодня же будем в столице Белоруссии.

Я впервые видел генерала М. Ф. Панова. Но слышал, что это энергичный, волевой генерал. Корпусом командует давно, командует хорошо, со знанием дела, с инициативой. Его соединение еще с Донского фронта взаимодействует с 65-й армией. Так что генерал-полковник П. И. Батов и генерал-майор М. Ф. Панов понимают друг друга с полуслова. Этим во многом объясняются успехи и армии и корпуса.

У генерала времени было в обрез. Кроме того, он чрезвычайно устал. Но Панов относился к тому типу военачальников, которые хорошо понимают значение и силу печати. И уважают ее представителей. Поэтому он сразу же приказал одному из работников штаба корпуса:

- Капитан, дайте-ка наградные листы, которые мы еще не успели отправить...

И - к нам:

- Конечно, было бы, наверное, лучше встретиться с самими героями. Но, честно скажу, сейчас это сделать не так-то легко. Пожалуй, даже невозможно. Их вам и не догнать и не найти... А некоторых вообще уже нет, сложили голову за Родину... Так что поработайте хотя бы с документами. А я, извините, занят...

И комкор снова взялся за микрофон.

Читаю принесенные капитаном наградные листы. И словно воочию представляю описываемые в них события.

...Окруженные в Бобруйске гитлеровцы частью сил устремились по дороге, идущей вдоль Березины на северо-запад. Закрыть эту лазейку, а заодно захватить и мост через реку поручили танковому батальону капитана Н. А. Изюмова. С ним взаимодействовала группа автоматчиков под командованием капитана И. И. Голоконенко.

Сблизившись с противником, капитан Изюмов увидел на дороге, ведущей к мосту, настоящее столпотворение. Пехота, кавалерия, машины, пушки, повозки все сбилось в кучу. Здесь были тысячи гитлеровских солдат и офицеров. Перевес явно на стороне врага. Но комбат раздумывал недолго. Поняв, что дело тут не в численности, а во внезапности и стремительности, он дал команду открыть по этому скоплению огонь из всех видов оружия и на полном ходу атаковать колонну.

Атака наших танкистов и автоматчиков в самом деле оказалась для противника неожиданной. Поэтому он не сумел оказать советскому отряду серьезного сопротивления. И все же один из фашистских снарядов пробил броню машины Изюмова и

тяжело ранил капитана в ноги. Какое-то время он еще руководил боем по радио. Но вот в башню ударил второй снаряд. На этот раз капитан Н. А. Изюмов получил уже смертельное ранение...

Мстя врагу за своего командира, танкисты еще стремительнее ринулись к мосту, давя гитлеровцев, их орудия, машины, повозки. Мост через Березину был захвачен. И затем удерживался вплоть до подхода передовых частей 9-го танкового корпуса.

- Я хорошо знал Изюмова,- оторвался тем временем от микрофона генерал М. Ф. Панов.- Редкой храбрости был командир! Несмотря на свою относительную молодость, успел повоевать под Москвой, Сталинградом, на курской и орловской земле... Ему бы жить да жить. Но война, к сожалению, беспощадна... Вот, представил его к званию Героя Советского Союза. Ну а там как вышестоящее начальство решит...

К высоким наградам были представлены и еще два комбата: танкового капитан К. И. Наумов и мотострелкового - майор И. Г. Кобяков.

Стало уже совсем светло. И тут адъютант комкора шепнул нам:

- А не пойти ли нам куда в другое место? Дадим-ка генералу минут тридцать - сорок отдохнуть...

Но как ни тихо шептал адъютант, Панов все же расслышал. Запротестовал. Но мы настояли на его отдыхе.

Но перед тем как уйти вздремнуть, М. Ф. Панов сказал адъютанту:

- Не исключено, что корреспондентам для поездки в Минск потребуется охрана. Передайте от моего имени начальнику штаба об этом...

Где-то около 12 часов дня из 15-й гвардейской танковой бригады пришла радиограмма: "Вступаем в Минск, сопротивление пока незначительное".

Итак, 80 километров до столицы Белоруссии танкисты прошли всего за каких-то 5 часов. За словом "всего" конечно же подразумеваются тяжелые бои едва ли не на каждом километре.

- Ну как настроение? - спросил у нас генерал М. Ф. Панов. Сам он после получаса чуткой дремы выглядел очень бодро.

- Самое хорошее, товарищ генерал.

- Думаю, что вам надо немедленно отправляться в Минск. А то вас опередят коллеги из Третьего Белорусского. Уверен, что войска этого фронта тоже уже в Минске... Но без охраны не пущу, даю вам штабной "виллис" и несколько автоматчиков.

Мы поблагодарили комкора за заботу и начали собираться в путь.

* * *

Вчера поздно вечером, без особых приключений добрались до Минска. Город еще горел. Где-то неподалеку то и дело раздавались автоматные и ружейные выстрелы.

Полковник П. А. Лимаренко отсоветовал нам совершать ночное путешествие по городу.

- Во-первых, вы все равно сейчас ничего не увидите,- резонно говорил полковник.- А во-вторых, в городе, как сами слышите, есть еще одиночные гитлеровцы, отбившиеся от своих частей. Зачем же зря рисковать?

Мы остались у комбрига. И не пожалели об этом, так как полковник П. А. Лимаренко почти до утра рассказывал нам о своей героической бригаде.

А утром поехали по освобожденному городу. Воздух в нем был еще густо перемешан с дымом. Иногда слышались взрывы - взрывались здания, заминированные врагом.

Трудно было разобрать, где прежде были улицы, а где площади. Всюду громоздились развалины, и между ними, как в горах, вилась лишь пробитая саперами неровная и узкая дорога. Впрочем, наши воины успели спасти от разрушения Дом правительства и окружной Дом Красной Армии. По этим-то двум зданиям и угадывалась бывшая центральная магистраль Минска - Советская улица.

Здесь-то и встречаем первую группу минчан. Паренек по имени Миша садится в нашу машину и становится гидом.

- Вот дом, где был казнен партизанами гитлеровский правитель Белоруссии Вильгельм Кубе,- рассказывает он нам по пути.- Тут, в сквере, каждое воскресенье фашисты вешали подпольщиков... Вот здание старого театра, где взорвалась партизанская мина, уничтожившая сотни вражеских офицеров.

Свежая могила. На ней еще не засохла земля. К столбику со звездочкой прикреплена фотокарточка молодого воина. Читаем надпись: "Гвардии старший лейтенант Александр Лукашков. 1920-1944. Погиб при освобождении г. Минска".

Партизанский патруль. На фуражках - красные ленты. На рукавах - тоже красные повязки. А за плечами - винтовки и автоматы...

И вдруг навстречу на костылях ковыляет... сержант Сурков! Вернее, уже старший сержант.

- Вы откуда? - спрашиваю его, остановив машину.

- Из госпиталя. За Бобруйском немного левую ногу повредило. Осколком мины... Танкисты вот до Минска довезли, а теперь куда податься, где искать родной полк - не знаю...

- А это? - показываю я на его раненую ногу.

- Это пустяки, заживет. А вы случайно не в нашу дивизию?

В ту или в другую - какая разница! Суркову нужно помочь. Предлагаю ему садиться.

- Вот спасибо-то вам! От имени всего моего расчета спасибо большое! А то госпиталь! Сейчас самое время драться. А в госпиталях будем лежать после победы...

Да, видимо, очень крепко верил в нашу скорую победу старший сержант Сурков! Что ж, это прекрасно! Ведь вера - как целительный бальзам на раны.

Уже выезжая из города, встретили движущуюся навстречу колонну легковых и грузовых машин. В одной легковушке вижу знакомое лицо первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко. Значит, ЦК возвращается в столицу республики. Жизнь входит в свою колею.

Глава седьмая. Буг - Висла - Одер

А наше наступление все продолжалось. Вскоре оборона врага западнее Ковеля была прорвана армиями левого крыла 1-го Белорусского фронта. 20 июля 1944 года советские войска форсировали реку Западный Буг и вступили на польскую землю.

21 июля, догоняя части 8-й гвардейской армии, мы, корреспонденты, стали свидетелями довольно трогательной картины. Через Западный Буг переправлялась 1-я польская армия. Ее солдаты и офицеры были чрезвычайно взволнованы. Я сам видел, как, оказавшись на западном берегу реки, они припадали к родной земле, со слезами на глазах целовали ее.

В моем блокноте тут же появились первые интервью, взятые из этой армии на польской территории. Вот они.

Генерал Зигмунд Берлинг, командарм:

- Мы ждали этой минуты пять долгих и тяжелых лет. И вот теперь польский воин вновь на родной земле! Я не боюсь громких слов и скажу, что это историческое событие! Спасибо великой стране Ленина, спасибо великой Красной Армии за братскую помощь!

Генерал Кароль Сверчевский:

- Я хочу сказать: "Здравствуй, многострадальная Родина! Мы вновь вступили на твою землю и клянемся, что вместе с нашей доблестной и героической союзницей - Красной Армией изгоним ненавистного и злобного врага с твоих просторов!"

И еще скажу, что только дружба с Советским Союзом позволит Польше снова встать на ноги и вернуть свою государственность.

Бригадный генерал Станислав Галицкий, командир 3-й дивизии:

- Я рожден не в Польше, хотя и поляк по национальности. Я советский офицер, направленный Советским правительством на

возрождение польских вооруженных сил. Конечно, я тоже очень взволнован. Конечно, я разделяю чувства своих воинов, вступивших на родную землю. И готов вместе с ними отдать все силы, а если потребуется, то и жизнь ради свободной Польши!

Капитан Станислав Дубаневич, командир артиллерийского дивизиона:

- Этот день каждый из нас запомнит на всю жизнь. Надо быть поляком, чтобы понять, как дорога, как любима нами эта земля! Она поругана врагом. Но вместе с Красной Армией мы вышвырнем с территории Польши ненавистных захватчиков, завоюем свободу для наших матерей и сестер, отцов и братьев!

Рядовой Тадеуш Доманский, пулеметчик 3-й роты 2-го полка 1-й дивизии:

- У меня не хватает слов, чтобы выразить свои чувства. Вы понимаете, я вроде бы заново родился! Родился для того, чтобы или освободить свою родину, или умереть за свободу своего народа!

Польское население было немало удивлено и обрадовано, увидев воинов в своей национальной форме. Посыпались вопросы:

- Откуда вы? Кто вас вооружил? Вы что, действительно поляки?

Ответы еще больше удивляли. И одновременно открывали глаза на реальную действительность. Да, уже пять лет польский народ стонал под невиданным доселе гнетом - фашистским. Боролся, истекал кровью. Тайком ловил в эфире посулы эмигрантского правительства в Лондоне, которое все эти годы только и твердило, что помощь возможна только с запада. К восточному же соседу по-прежнему разжигалась вражда.

А вышло, что реальное-то освобождение пришло именно с востока. Фашистов громит и гонит Красная Армия. А с ней плечом к плечу несут свободу родине и вот эти воины в дорогих сердцу конфедератках.

* * *

Дорога на Люблин буквально забита войсками. Корпуса 2-й гвардейской танковой армии, пройдя через боевые порядки пехоты, уже где-то далеко. А вот стрелковые дивизии, основная масса артиллерийских частей идут следом, добивая деморализованные и разрозненные остатки гитлеровских войск.

Очень активна авиация обеих сторон.

Мы с писателем В. С. Гроссманом по очереди следим за небом. Прошел дождь, в кюветах и в воронках от бомб и снарядов - вода. Несмотря на это, часто приходится укрываться от вражеских "мессершмиттов" именно в этих кюветах и воронках.

У одного польского местечка встречаем генерала А. И. Рыжова, командира 28-го стрелкового корпуса, кстати, старого знакомого Гроссмана. Спрашиваем у него:

- Где найти командарма?

Генерал на карте показывает нам населенный пункт, где, по его словам, расположился передовой НП 8-й гвардейской армии.

В. С. Гроссман не раз бывал у В. И. Чуйкова, командующего 8-й гвардейской армией. Из Сталинграда писал о нем в "Красную звезду". Я же видел Василия Ивановича впервые. Одет он был в полевую форму. Сложен плотно, голос уверенный. Обе руки почему-то забинтованы. Ранен? Спрашивать вроде бы неудобно...

Разговор почти сразу же перешел на текущие дела, и мы с Гроссманом вынули блокноты.

- Враг смят по всему фронту наступления армии,- говорил генерал-полковник.- Впереди нас идут танкисты второй гвардейской танковой армии генерала Богданова. Во втором эшелоне - первая польская армия... Местное население встречает наши войска восторженно.

- А как Люблин? - спросил Гроссман.

- Только перед вами получил донесение, что танкисты Богданова начали бои за город. Просят ускорить наше продвижение. Без пехоты в уличных боях им будет туговато...

Взглянув на карту, продолжил:

- Люблин будет освобожден, это дело нескольких часов. Сложнее форсировать Вислу... Но и она нас не остановит. Боюсь другого...

Мы молчали.

- Смотрите, уже рукой подать до Берлина. А принять участие в его взятии мечта каждого советского воина. Я же опасаюсь, что командование, как это не раз было, возьмет да и двинет мою армию на другое направление. Хотя логика и здравый смысл - за нас. Представьте себе: сталинградцы идут на Берлин! Разве это не здорово?

Что ж, в этом действительно есть своя логика...

Поговорив с генерал-полковником В. И. Чуйковым еще с полчаса, мы, распрощавшись, продолжили свой путь. Проехали Савино, Пугачув... Это довольно большие поселки. В них - ни одного сгоревшего дома. Прямо не верилось глазам.

- Бежали без оглядки,- рассказывали о фашистах поляки.- Даже склады с награбленным добром не успели вывезти.

Что склады! На станциях стоят целехонькими целые составы! Даже паровозы под парами. Вагоны забиты боеприпасами, на платформах пушки, шестиствольные минометы...

Между Бугом и Вислой протекает река Вепш. Фашисты было

зацепились за ее противоположный берег, но долго продержаться не смогли. Наши танкисты, захватив мост через реку, погнали их дальше и 22 июля буквально на плечах врага ворвались в Люблин.

Всю ночь в городе шли ожесточенные бои. С рассветом на помощь танкистам подошли стрелковые части, и гитлеровцы были выбиты из города.

...По улицам в машине проехать довольно сложно. Ликующие люблянцы буквально запрудили мостовые. Охапками летели цветы. Женщины выносили из домов чай, кофе, потчевали наших бойцов и командиров. Вездесущие мальчишки взбирались на броню танков, карабкались в кузова машин, устраивались на станинах орудий...

Едем Люборовской улицей - одной из центральных в городе. На дверях кинотеатра и кафе видим таблички с надписями на немецком и польском языках "Полякам вход воспрещен"...

Улица Шопена. Большое серое здание. Оказывается, это вещевой склад гестапо. Входим в массивный коридор, и в первой же комнате замирает сердце. На стеллажах и на полу лежат детские игрушки. Вот тряпочный мишка с оторванной ногой... Красные и зеленые кубики... Куклы, соски и погремушки... А из головы не выходит обжигающий вопрос: а где же сами дети, что с ними?..

Нет, вон отсюда...

Но в другой комнате картина не менее страшная: тут сложены женские волосы... Наш шофер Семен Мухин глухо роняет:

- Не могу больше, лучше подожду вас на улице...

Замок Любельский - краса и гордость Люблина. Да и только ли Люблина! Нацисты же превратили его в застенок. А перед бегством расстреляли всех содержавшихся здесь заключенных. Убитые лежат теперь на камнях, а между ними мечутся плачущие женщины и дети. Ищут родных, знакомых...

Узнаем, что неподалеку расположен фашистский лагерь смерти Майданек. Не побывать в нем нельзя. Но нельзя и оставить редакцию без материалов о взятии Люблина, об успешном наступлении Красной Армии. К тому же нам сообщают, что в Майданек уже прибыл со специальным заданием редакции Константин Симонов. Поэтому решаем ехать в штаб фронта, на узел связи.

* * *

Вечером приехали во Влодаву - небольшой польский городок, избранный на время местом пребывания штаба фронта. И только сели писать корреспонденции, как прибежал посыльный.

Доложил, что нас приглашает к себе командующий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

Не идем, буквально летим. Ведь в такие горячие дни выпавшая возможность поговорить с командующим фронтом - большое журналистское счастье!

- Мне доложили, что вы только что приехали из Люблина,- сказал маршал, пожав нам руки.- Москва очень интересуется состоянием этого города. Но, к сожалению, из нас никто не успел там побывать. Более или менее полной информации тоже пока нет. Может, ответите на вопросы генерала Антонова? Он сейчас как раз у прямого провода.

Член Военного совета генерал К. Ф. Телегин добавил:

- Но нужна только правда. Никаких догадок и домыслов. Запомните, генерал Антонов свой разговор с вами будет докладывать правительству.

У Василия Семеновича Гроссмана лицо сразу же сделалось какое-то скучное. И я его понял. Да, мы были в Люблине. Но к докладу правительству не готовы.

И все-таки пришлось подойти к аппарату. И после того как К. К. Рокоссовский нас представил, Москва отстукала первый вопрос:

- Водопровод в Люблине работает?

Я посмотрел на Гроссмана. Он - на меня.

- Вы же пили у того поляка,- напомнил я ему,- Вода как, была из водопровода?

- А вы сами умывались из водопроводного крапа,- отпарировал Гроссман.

А ведь и в самом деле!

Дали положительный ответ.

- Электричество есть?

- Есть.

Вот это-то мы знали точно.

- Мосты целы?

- Один проезжали. Цел. О других ничего не знаем.

- На каких улицах были? Каковы размеры разрушений? Много ли целых домов? Сколько, по-вашему, осталось в городе жителей? Видели ли уцелевшие дома правительственного типа, где и на каких улицах? Состояние мостовых, тротуаров? Не интересовались ли городской телефонной связью? Как замок Любельский?

И еще вопросы, вопросы. Мы, отвечая, даже вспотели. Вместе с нами переживал и маршал.

Наконец генерал Антонов поблагодарил нас за информацию и дополнительно отстукал: "Правда, не очень богатую, к

сожалению. Но думаю, что и она пригодится".

После этого Рокоссовский поинтересовался:

- А какой дорогой вы ехали из Люблина?

Я показал на карте ниточку шоссе.

- Что?.. По этому шоссе?! Но оно же в руках у немцев! - воскликнул К. К. Рокоссовский и внимательно посмотрел на меня. Чувствовалось, что он сомневается в моей правдивости.

- Мы не знаем, в чьих руках это шоссе,- вроде бы даже начал сердиться В. С. Гроссман,- но мы ехали именно по нему. Просто, видимо, ваши данные уже устарели, товарищ командующий...

В это время в дверях показался генерал А. М. Пронин - член Военного совета 8-й гвардейской армии. Маршал спросил его:

- Вы из Люблина? Какой дорогой ехали?

Пронин тоже указал на шоссе, по которому приехали и мы.

Рокоссовский смутился. Затем сказал виновато:

- Извините, товарищи. Мои данные и в самом деле, видимо, устарели. Во искупление недоразумения прошу отужинать с нами.

Я ответил сразу за нас обоих:

- Спасибо, товарищ маршал. Но мы торопимся передать наши корреспонденции в Москву. Вы ж и сами понимаете, как это сейчас важно.

К. К. Рокоссовский не стал настаивать, и мы ушли заниматься своими делами.

А вскоре узнали, что Крайова Рада Народова и только что сформированный ею Польский комитет национального освобождения переехали в Люблин.

Через Военный совет фронта получили приглашение на встречу с Председателем Крайовой Рады Народовой Болеславом Берутом. Поехали в Люблин втроем - Иван Ануфриев, Александр Капустянский и я.

Много ли дней прошло с момента освобождения Люблина, а вот поди ж ты город ожил, почистился, повеселел. На улицах шумно, особенно много ребятишек. Вновь стоят на перекрестках и площадях газетные киоски, и около них очереди в городе начали выходить газеты. Важно расхаживают по тротуарам монашки. Мелькают конфедератки польских солдат, фуражки офицеров.

Наш разговор с Болеславом Берутом и начался с того, что он пригласил нас к окну и, показывая на улицу, сказал:

- Посмотрите, как приходит в себя Польша. Сколько радостных улыбок, какой душевный подъем у всего народа!

Берут одет в темный костюм. У него высокий лоб, аккуратно подстриженные усы. За стеклами очков - внимательные глаза. И только бледность да ранние морщины напоминают о

переживаниях, выпавших на его долю за долгие годы подпольной работы.

По-русски Берут говорил с большим акцентом, долго подыскивая нужные слова. Но от переводчика категорически отказался.

- Кошмар оккупации в сознании людей постепенно проходит,- сказал он.- Мы еще точно не знаем, какой ущерб нанесла она стране. Но абсолютно достоверно, что гитлеровские палачи уничтожили миллионы поляков, перебили почти всю интеллигенцию, изгнали многие семьи с их родных мест и заселили эти места немцами... Да, страшная участь ждала польский народ! И если б не Красная Армия...- Взглянул нам прямо в глаза.- Мы, поляки, никогда не забудем братской помощи Советского Союза. Никогда!

Замолчал, прошелся по кабинету. Опять остановился, продолжил:

- Сейчас мы представляем в Польше новую власть. Первую истинно народную власть, которая восстановит в стране демократические свободы, уничтоженные пилсудчиками еще задолго до войны. Проведем важнейшие социальные преобразования, в частности, осуществим широкую аграрную реформу... Эмигрантское правительство в Лондоне, своей авантюристической политикой толкающее страну к новой катастрофе, объявлено незаконным.

Затем Болеслав Берут довольно подробно изложил нам программу своего правительства но военному вопросу.

- Одной из главных наших задач,- сказал он,- является строительство новой армии, оказание помощи тем частям и соединениям, которые уже сражаются рядом с доблестной Красной Армией. С этой целью на освобожденной территории Польши идет призыв в армию мужского населения. Призываем сразу десять возрастов... Объявлен набор добровольцев и в офицерские школы.

В заключение Председатель Крайовой Рады Народовой попросил нас, корреспондентов "Красной звезды", почаще информировать своих читателей о первых шагах народной власти в Польше, о том, как громят общего врага фашистов воины Войска Польского.

- Мы хотим,- сказал Берут,- чтобы вся Красная Армия знала: польские воины будут по-прежнему сражаться вместе с ней. Они самые верные ее союзники!

На этом наша беседа и закончилась.

* * *

Эта двухэтажная каменная дача до войны принадлежала,

видимо, какому-то польскому магнату. А совсем недавно в ней отдыхали крупные чины из фашистского гарнизона Варшавы.

Теперь же в больших и светлых комнатах первого этажа разместился штаб 47-й армии.

Когда мы приехали на эту дачу, ни командующего, ни члена Военного совета армии, ни даже начальника штаба на месте не оказалось.

- Они сейчас в другом помещении,- сказал мне майор из оперативного отдела.- Идите мимо вон тех цветочных клумб, затем минуйте сад и там увидите одноэтажное кирпичное строение...

Пошли. И действительно нашли армейское командование.

Генерал Н. И. Гусев, командарм 47, принял нас без задержки.

- Прошу садиться,- сказал он мне и фотокорреспонденту Капустянскому. И сразу же приступил к освещению интересующего нас вопроса: - Армия вчера вместе с частями Войска Польского начала бои за Прагу - предместье Варшавы. На подходе восьмой гвардейский танковый корпус, который должен поддержать стрелковые дивизии. Ну что вам сказать о самой Праге... Это старая и некогда, видимо, довольно сильная крепость. Сейчас враг модернизировал ее сооружения, сосредоточил на подступах танковые части... За вчерашний и сегодняшний дни мы несколько потеснили противника. В настоящее время подтягиваем выделенную нам командующим фронтом маршалом Рокоссовским артиллерию большой мощности. Без нее крепости не взять...

Мы спросили, как дерется 1-я польская дивизия имени Тадеуша Костюшко.

- Решительно, инициативно, смело,- ответил командарм.- Во всяком случае, мы довольны поляками...

Дивизия имени Костюшко действовала совместно со 125-м стрелковым корпусом. Причем на главном направлении. Мы решили съездить в нее.

Штаб дивизии располагался в подвале женского монастыря. Дежурный провел нас по длинному узкому коридору и остановился перед железной дверью. На стук дверь открылась, и в проеме показался высокий генерал в польской форме. У него было энергичное лицо и темные волосы. На груди - два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды.

- Проходите, товарищи,- пригласил генерал на чистейшем русском языке.- Мы вас ждем. Нам звонил командующий армией генерал Гусев.

Комната была небольшой. Мебель состояла из маленького столика, четырех стульев, тумбочки с телефонами и двух

железных кроватей.

Не успели мы осмотреться, как на столе появились кофейные чашечки с горячим и ароматным напитком.

- Я хочу начать нашу беседу с того, чтобы поблагодарить командование 47-й армии и фронта за ту огромную помощь, которую они оказали дивизии,- сказал генерал Войцех Бевзюк.- Они выделили нам артиллерийскую бригаду большой мощности, полк дальнобойной артиллерии для контрбатарейной борьбы, противотанковую бригаду, бригаду гвардейских минометов и несколько отдельных дивизионов. Кроме того, нас поддерживает полк самоходной артиллерии. Словом, воевать есть с чем.

Затем по приказанию комдива операторы подполковник Повишкис и капитан Грабер начали знакомить нас с оперативной обстановкой. И в это время зазвонил телефон. Генерал Бевзюк взял трубку. Заговорил теперь уже по-польски. Но понятно и для нас.

- Да, огонь по парку дадим... А вы оставьте против станции заслон, все же остальные силы бросьте на парк и мост... Время приказа истекает, полковник. Учтите это.

Раздался негромкий стук в дверь. Генерал, положив трубку, сказал:

- Войдите...

Порог переступила пожилая, но еще статная, с властным лицом женщина, одетая в монашеское платье. Мы, находившиеся в комнате, встали, а генерал почтительно предложил гостье стул.

- Вчера произошло большое недоразумение, пан генерал,- заговорила женщина, оказавшаяся настоятельницей этого монастыря.- Вероятно, вас просто не поняли. Сейчас же я приказала освободить для панства другие, более просторные комнаты на первом этаже. Кроме того, мы можем принять и обеспечить лечением до двухсот ваших раненых, пан генерал.

- Наших раненых, пани,- поправил настоятельницу генерал.

- Конечно же наших раненых, пан генерал,- торопливо согласилась та.Конечно же наших...

- Благодарю, сердечно благодарю за все, что вы нам предложили,- сказал Бевзюк.- Но для штаба нам нового помещения не надо, мы скоро вообще покинем вас. А вот раненых доставим сюда в самые ближайшие часы.

Когда настоятельница ушла, комдив сказал нам:

- Вчера мы имели дело с ее помощницей. Попросили чуть-чуть потесниться, чтобы занять пару комнат для штаба и освободить еще восемь - десять для госпиталя. Но та заявила, что нельзя осквернять их монастырь кровью солдат, которые, мол, пришли из большевистской России. Этот подвал мы и то заняли

вопреки ее протестам. А от размещения в монастыре раненых вообще отказались. И вот теперь видите, какая перемена... Ох уж эти мне христовы невесты! А ведь для Армии Крайовой они делают все, что от них только потребуют. А с нами вступают в пререкания...

Справедливости ради скажу, что в дальнейшем этот монастырь все же оказал Войску Польскому необходимую помощь в размещении раненых солдат и офицеров.

* * *

Заночевали в соседней с генералом комнате. А на рассвете соединения 47-й армии и части 1-й польской дивизии начали штурм Праги.

Костюшковцы дрались геройски. В штаб то и дело поступали донесения об отваге и мужестве солдат и офицеров дивизии. Так, подразделение капитана Рембеза одним из первых ворвалось в Прагу, но тут же было контратаковано превосходящими силами врага. Капитан в этой схватке был ранен, но продолжал руководить боем.

- Вперед! - говорил он солдатам ослабевшим голосом.- Вперед! Там нас ждут тысячи порабощенных братьев!

Подразделение опрокинуло противника и пробилось к Висле.

В другом месте в сложную обстановку попала рота подпоручника Янишевского. Целых четыре часа ее воины отбивали натиск полнокровного гитлеровского батальона. А когда стало совсем туго, Янушевский сумел связаться с соседним советским артиллерийским дивизионом и попросил огня. Ему тут же пришли на помощь...

Батарея подпоручника Светковского была атакована восьмью вражескими танками. В бою погибли все расчеты. Тогда Светковский сам встал к одному из орудий и подбил две бронированные машины. На помощь польским артиллеристам вскоре пришла батарея советских самоходных орудий. Но, к сожалению, подпоручник Светковский к этому времени получил тяжелое ранение и умер на руках у наших самоходчиков...

В Прагу почти одновременно вошли 1-я польская, 76, 175 и 143-я советские дивизии. Уцелевшие гитлеровцы в панике бежали за Вислу.

Когда мы въехали на улицы Праги, этот пригород Варшавы был объят огнем и дымом. К тому же враг продолжал обстреливать его из-за реки. Но, несмотря на это, все оставшееся население от мала до велика высыпало на улицы. Ликующая толпа с таким безудержным темпераментом приветствовала советские и польские войска, что командованию вскоре пришлось применить для наведения порядка даже специальные машины с

громкоговорителями.

- Уважаемые жители Праги! - вещали наши радисты.- Мы сердечно приветствуем ваше освобождение от фашистского ига. Спасибо за восторженный прием и теплые чувства благодарности. Но должны напомнить вам, что война не окончена, враг не добит и в любую минуту может снова перейти в контратаку. Дайте пройти по своим маршрутам машинам, пушкам и танкам, сойдите на тротуары..

Жителей Праги конечно же можно было понять. Ведь после стольких лет жестокой оккупации, унижений и убийств пришла наконец долгожданная свобода! Как тут уймешь радость, скроешь счастливые слезы!

Прямо на улицах, в толпах народа, берем интервью.

Мария Турек:

- Я никогда не забуду эти минуты! Словно из ночи сразу попала в день...

Муж Марии, Станислав Турек, был арестован гитлеровцами еще в 1943 году и повешен. Младший сын, тоже Станислав, погиб в боях за свободу Польши. Старшего, Владислава, фашисты отправили в Германию, где он умер. Дочь Янину взяли прямо из больницы, и сейчас она батрачит на немецкого кулака где-то в Баварии. Если еще жива, конечно...

Мария Турек плачет и смеется, обнимая нас...

Ян Рудковский, профессор, хирург:

- Нет слов, чтобы выразить свои чувства. Спасибо! Желаю вам скорой победы над нашим общим врагом. Пусть живет долгие годы маршал Сталин!

Профессору 72 года. До прихода гитлеровцев у него была большая практика. Он вел и научную работу. В дни же оккупации не захотел сотрудничать с нацистами и перебивался тем, что торговал зажигалками...

Владислав Лещинский, рабочий, маляр:

- Я с двадцать второго июня сорок первого года был уверен, что Гитлер обязательно сломает себе хребет в России. И еще был уверен, что свобода для Польши придет именно с востока. Так что добро пожаловать на польскую землю!

Вечером у развалин жилого дома, некогда стоявшего на самом берегу Вислы, мы с Капустянским совершенно случайно увидели маршала К. К. Рокессовского, члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина и командующего артиллерией генерал-полковника В. И. Казакова. Они смотрели отсюда за реку, на горящую Варшаву. Смотрели молча. Лица у всех троих были напряженны и суровы.

Александр Капустянский конечно же не мог пропустить

такого момента и тут же нацелился фотоаппаратом на К. К. Рокоссовского. Но командующий резко обернулся, сказал:

- Не надо, товарищ корреспондент! Видите, какая там беда. Не надо!

Да, там, за Вислой, властвовали огонь, голод, смерть...

До нас довели, что произошла смена командующего фронтом. Вместо К. К. Рокоссовского на эту должность пришел Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Коллектив, воспитанный К. К. Рокоссовским, пришелся даже ему, очень требовательному полководцу, по душе, о чем он неоднократно заявлял и сам.

Тем временем завершилась подготовка к операции, которая позднее войдет в историю Великой Отечественной войны как Висло-Одерская. И 12 января 1945 года она началась сокрушительным ударом по врагу войск 1-го Украинского фронта. 14 января вступил в действие 1-й Белорусский фронт.

Уже в первый день 61-я, 5-я ударная и 8-я гвардейская армии прорвали оборону врага с магнушевского, а 69-я и 33-я армии - с пулавского плацдарма. Во второй день в прорыв двинулась сначала 1-я, а потом и 2-я гвардейские танковые армии. Севернее Варшавы перешли в наступление 47-я армия и 1-я армия Войска Польского.

Стремительный выход 2-й гвардейской танковой армии в район Жирардув, Сохачев, то есть в тыл варшавской группировки войск противника, а также захват 47-й армией противоположного берега Вислы севернее Варшавы поставили врага в безвыходное положение, и он начал поспешный отвод войск из польской столицы.

17 января в Варшаву вступили части 1-й армии Войска Польского, а также 47-й и 61-й советских армий. А где-то часа в два дня мы с фотокорреспондентом Капустянским и корреспондентом Совинформбюро Пономаревым тоже оказались у развалин знаменитого Королевского замка.

Да, на месте когда-то величественного здания высились сейчас лишь груды битого кирпича. А неподалеку осел, будто подплавленный снизу адским огнем, самый старинный костел Варшавы - святого Яна. Бронзовая колонна Сигизмунда III тоже свалена с пьедестала...

По дороге сюда мы уже видели немало разрушенных и сожженных врагом советских городов и селений. Нас потрясла участь Чернигова и Гомеля, Смоленска и Минска, Севастополя и Киева. И вот - Варшава...

Мы пробираемся по улицам города узкими петляющими тропинками. Набережная Костюшко, улица Варецка, плац Наполеона, улица Травгутта, Госпитальная, Краковское

предместье, Маршалковская... Ни одного целого здания! Особенно жуткое впечатление производят выгоревшие изнутри коробки домов. Невозможно себе даже представить, что по этим вот заваленным теперь битым кирпичом тротуарам некогда катились шумные толпы людей. Сейчас - безлюдье и тишина. В воздухе - удушливый запах гари.

В районе главного вокзала встречаем наконец первого варшавянина. Он называет себя Станиславом Веховским, рабочим городской бойни. Худой и синий от холода, одетый в легкое рваное пальто, Веховский являет собой жалкое зрелище. Капустянский тут же отвинчивает свою флягу, наливает в крышку немного спирта и протягивает поляку.

- Выпейте, погрейтесь...

Пономарев угощает Веховского ломтем хлеба с салом.

- Я вас, паны, поведу к самому выдающемуся герою Варшавы,- говорит, постепенно приходя в нормальное состояние, поляк.- Желание и время есть у вас увидеть его?

- Есть...

Через хаос Старого Мяста идем по направлению к Висле. И вскоре оказываемся у приземистого длинного здания. Его стены снаружи буквально исклеваны пулями и осколками. В двух местах разворочена крыша. Окна заколочены досками.

- Польский государственный музей,- уважительным тоном .пояснил Станислав Веховский.

Осматриваемся. На воротах и дверях - знакомые дощечки: "Мин нет". Входим в ворота, минуем заваленный снегом двор. Веховский открывает одну из дверей и приглашает:

- Сюда, паны, надо на второй этаж...

На ступенях лестницы - щебенка, бумажный хлам, сломанная мебель...

- Тут. Постучитесь,- шепотом говорит наш проводник.

Тихонько стучимся в дверь.

- Проше! - раздается голос изнутри.

Входим.

Навстречу нам из-за стола поднимается взлохмаченный человек в потрепанной шубе. Он уже пожилой, на лице многодневная рыжеватая щетина. Он не испуган, нет, скорее просто удивлен появлением советских офицеров. Вопросительно смотрит из-под очков на Станислава Веховского.

- Профессор Станислав Лоренц,- представляет нам мужчину Веховский.Генеральный директор Польского государственного музея...

И - к Лоренцу:

- Пан профессор, я привел к вам советских корреспондентов...

Неужели это и есть "самый выдающийся герой Варшавы"?

* * *

- Я, паны офицеры, в совершенстве знаю русский язык, поэтому переводчика нам не потребуется,- говорит между тем профессор. И сокрушенно разводит руками.- К сожалению, ни кофе, ни чая, ни даже горячей воды у меня нет. Как видите, даже

посадить вас не на что...

Мы, как можем, успокаиваем профессора. Но он все же еще долго извиняется. А когда Капустянский, вспомнив о своей спасительной фляге, протягивает ее Лоренцу, профессор вдруг шумно всхлипывает. Тут уж мы совсем не знаем, что делать.

- Извините,- говорит наконец профессор.- Ведь столько пережито... Только вчера был в лагере, думал, что и живым из него не выберусь. А сегодня снова в своем музее, которому принадлежала и принадлежит вся моя жизнь... Да, лагерь наш захватили ваши танкисты. Я сразу же сказал советскому полковнику, кто я такой, и он... Представляете, мне поверили на слово! Больше того, дали автомобиль, охрану. Я приехал в музей как раз в тот момент, когда ваши и польские саперы уже разминировали это здание... Пока я ничего показать вам не могу, но скажу откровенно: оккупантам достались далеко не все шедевры нашего музея. Далеко не все!

- А как к вам относились гитлеровцы? - спросил Пономарев.

- Как к поляку,- просто ответил профессор.- Правда, мои знания, моя известность в Европе и Америке сдерживали их. Но все же дважды мне угрожали смертью, трижды арестовывали и тысячи раз унижали мое человеческое и национальное достоинство... За что арестовывали и угрожали смертью? Я помогал восставшим, доставал для них взрывчатку, а однажды привез им целый грузовик немецкого оружия.

Потом мы многое узнали об этом удивительном человеке и от официальных польских властей. И мысленно согласились со Станиславом Веховским, назвавшим профессора Лоренца выдающимся героем Варшавы.

Здесь следует сказать, что профессор Станислав Лоренц еще за несколько дней до начала войны был проинформирован своими английскими друзьями о неизбежности военного нападения фашистской Германии на Польшу. Поэтому еще до 1 сентября 1939 года он начал принимать меры к рассредоточению и помещению в безопасные места наиболее ценных фондов музея. Так, 26 августа было вывезено триста ящиков с художественными произведениями первой категории. 31 августа отправлено еще пятьсот.

А затем война и беспрерывные бомбежки столицы сорвали продолжение задуманной работы.

И вот в музей пришли немцы. И кто пришел? Люди, с которыми он, профессор Лоренц, не раз встречался на международных конгрессах и форумах, которые приезжали к нему в Варшаву и искренне восторгались богатством местных коллекций. Теперь же это были совсем другие люди. Надменные,

наглые, жадные. Задавали профессору, вроде бы даже не узнавая его, одни и те же вопросы:

- Где картины Рембрандта?

- Где Рубенс?

- Где королевские коллекции фарфора?

Да, все знали, все заранее наметили для себя, составили точные списки наиболее ценных произведений.

Но и профессор Лоренц был уже готов к такому повороту событий. Он показывал гитлеровцам, которых когда-то считал коллегами, официальные документы об отправке всех этих экспонатов в Лондон. Причем еще якобы задолго до войны.

Ему, естественно, не поверили. Стали угрожать расправой. Лоренц ответил на это голодовкой...

Оккупационным комиссаром музея был назначен немец доктор Альфред Шеленберг. По оценке Лоренца - сволочь из сволочей. Между ними сразу же началась бескомпромиссная борьба. Ибо этот фашист с ученой степенью открыто грабил музей, делал из оставшихся еще фондов крупные изъятия. А профессор Лоренц старался спасти все, что еще можно было спасти. Разными способами, вплоть до использования мусорных повозок, польский патриот вывозил из музея ценные вещи.

Пять с лишним лет продолжалась эта неравная борьба. Фашисты лишили Лоренца всех его помощников. Некоторых расстреляли, другие были отправлены в Освенцим и Майданек. Тоже на смерть...

Несмотря на каждодневно грозившую ему опасность, профессор Лоренц сумел тайно составить полный перечень произведений искусства, которые были вывезены из музея гитлеровцами. Больше того, он узнал многие адреса, куда отправлялись эти ценности. И теперь говорил нам с уверенностью:

- Если вы через год-два снова посетите мой музей, то увидите все наши богатства. Да, да, все! Даже то, что пока расхищено врагом. Я уверен, что к тому времени мы вернем в музей все до единой статуэтки, до единой фарфоровой чашечки.

Распрощавшись с профессором, вышли на улицу. Неподалеку от музея увидели стоявшую колонну наших грузовиков. Интендантский майор с расстроенным лицом пожаловался нам:

- Привезли муку и крупу для жителей Варшавы, а вот пункта разгрузки никак не найдем, заблудились. В этих развалинах не очень-то сориентируешься...

Чем ближе к окраине, тем больше встречается людей. Все они радостные, возбужденные, разговорчивые. Машут нам самодельными флажками, кричат что-то приветливое, стараются

пожать руки. А вот движется длинная вереница конных повозок, а то и просто людей с тележками. В Варшаву, а вернее, в то, что от нее осталось, спешила сама жизнь.

* * *

У костела на окраине небольшого старинного городка Лович стояло четыре "виллиса", машина с походной радиостанцией, броневик и транспортный "студебеккер". Около них размеренным шагом ходил часовой с автоматом.

Обрадовались. Ведь почти всю дорогу от Магнушева мы с Капустянским тщетно искали хоть какой-нибудь штаб, чтоб проинформироваться в нем об обстановке, и вот теперь, кажется, нашли.

Наш водитель Сергей Макаров резко затормозил. И тут же раздался голос часового:

- Здесь остановка запрещена. Отгоните машину вот в тот переулочек...

Повиновались. Выйдя из машины, направились к броневику. Там стоял капитан в черном кожаном реглане. Просмотрев наши документы, он спросил:

- А кого вам, собственно, нужно?

- Мы ищем штаб пятой ударной армии.

- Пройдите во двор, увидите дверь налево. Там вам все объяснят...

Перед указанной дверью стоял еще один часовой. С разрешения все того же капитана в реглане он пропустил нас.

В большой прихожей за столом сидел и что-то писал незнакомый генерал-лейтенант. Мы представились ему.

- Боков, член Военного совета пятой ударной армии,- назвал себя генерал, возвращая наши документы.- Чем могу быть полезен "Красной звезде"?

- Хотелось хотя бы в общих чертах узнать последние данные о наступлении армии и получить рекомендации, в каких частях лучше всего побывать,- ответил я.

Генерал Ф. Е. Боков взял с подоконника карту, развернул, пригласил нас взглянуть на нее.

- Мы с вами находимся здесь. Один наш корпус вышел вот сюда, другой продвинулся еще дальше. А передовой отряд армии даже форсировал реку Бзура. Танкисты второй гвардейской армии подходят к польско-германской границе. А наши соседи - первая гвардейская танковая и восьмая гвардейская генерала Чуйкова - сегодня овладели городом Лодзь.

В это время из двери справа вышел другой, высокий и улыбающийся генерал. Не дожидаясь, пока Боков скажет, кто мы такие, пожал нам руки.

- Берзарин...

Да, это был он, командующий 5-й ударной армией генерал-лейтенант Николай Эрастович Берзарин. Темные волосы зачесаны назад, на типично русском лице приветливая улыбка.

- Хорошо, что добрались до нас,- сказал между тем командарм.- Наша армия на Первом Белорусском - новичок, и еще ни одна газета не посвятила нам ни строчки. А писать есть о чем. Темпы наступления - превосходные. Вчера соединения армии преодолели с боями около сорока километров. Все боевые графики опережаем. Думаю, что с такими темпами мы скоро сможем достигнуть и Одера...

Генерал Ф. Е. Боков доложил командарму, что корреспонденты, дескать, просят совета, в каком бы соединении 5-й ударной побывать.

- А поезжайте в любую дивизию,- ответил Н. Э. Берзарин.- Все наши соединения дерутся хорошо. И все же я посоветовал бы побывать первоначально в двух дивизиях - шестидесятой гвардейской и триста первой...

Когда мы, поблагодарив генералов за беседу, собрались уже уходить, Берзарин сказал:

- Прошу почаще приезжать в нашу армию. И ищите сразу меня или вот Федора Ефимовича. Думаю, что информация из первых рук оперативнее и интереснее...

Мы заверили, что будем приезжать непременно.

* * *

301-ю стрелковую дивизию догнали за рекой Бзура. Ее комдив полковник В. С. Антонов уже знал, что к нему должны приехать корреспонденты "Красной звезды". Ему об этом сообщил, оказывается, командарм генерал Н. Э. Берзарин.

Полковник молод, ему всего тридцать с небольшим. Но тем не менее он еще перед войной успел окончить Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Разговор поначалу как-то не вязался. Но вот В. С. Антонов поинтересовался, какую информацию мы хотели бы от него получить. Будем ли поднимать всю боевую историю дивизии или хватит сегодняшних дел? И узнав, что мы предпочитаем свежие факты, повеселел. Признался:

- А я понял командующего так, будто вы хотите описать весь боевой путь дивизии. Ну где, думаю, мы найдем время на такие долгие разговоры? А то, что вы хотите, сделать легче легкого...

- Рекомендую съездить в тысяча пятьдесят второй полк - самый геройский полк дивизии,- продолжил Антонов после секундной паузы.- Командует им подполковник Пешков. Мы сейчас во втором эшелоне корпуса, полки стоят компактно, так

что можно увидеться и поговорить с любым бойцом и командиром.

Сказав это, В. С. Антонов тут же вызвал к телефону подполковника А. И. Пешкова и сказал ему:

- Слушай, Александр Иванович, к тебе едут представители "Красной звезды". Расскажи им о боях, которые вел полк, познакомь с людьми, особенно с теми, на кого мы с тобой оформили наградные листы... Если корреспонденты захотят у тебя переночевать - устрой как надо. Да, подожди-ка. Выставь на шоссе человека. Они едут на "виллисе", старший - подполковник Трояновский...

Штаб 1052-го полка располагался в большом помещичьем доме. Подполковник А. И. Пешков занимал бывшую столовую - продолговатую комнату, соединенную дверями с другими помещениями здания.

Когда мы вошли к командиру полка, то увидели, что у него сидят человек пятнадцать бойцов и командиров. Поздоровались. Начинающий полнеть подполковник Пешков засуетился, усадил нас, шепнул мне:

- Специально к вашему приезду собрал. Герои из героев. О каждом можно книжку целую написать... Начал представлять находившихся в штабе:

- Емельянов Василий Алексеевич, капитан, командир второго батальона...

Встал чернявый молодой офицер с тремя орденами на груди.

- Тышкевич Василий Антонович, капитан, командир стрелковой роты...

Этот был покрепче, красивый молодец с забинтованной рукой.

- Королев Герасим Григорьевич, лейтенант, командир взвода...

Разговорились. Вначале о делах общих, ни к чему не обязывающих. Но нам-то нужен был материал для газеты, интересные и конкретные факты. Как повернуть разговор в желаемое русло?

И подполковник А. И. Пешков, видимо, понял меня.

- Товарищ Ворошилов,- обратился он к сержанту, сидящему направо от него,расскажите-ка корреспондентам, как ваш пулеметный расчет сорвал атаку вражеского батальона на Пилице.

- Да обыкновенно, товарищ подполковник,- смутился от оказанного ему внимания сержант.- Как только они пошли, мы и решили не спешить, а дать им приблизиться. Чтоб, значит, наверняка. Ну, они идут, а мы ждем. Метров на сто подпустили. А

затем - с рассеиванием по фронту... Сколько положили их, сказать затрудняюсь. Комбат потом подсчитал, что не меньше шестидесяти...

- А каковы общие потери врага в том бою? - спросил я.

Ответил капитан Емельянов:

- До ста тридцати солдат и офицеров.

- А ваши потери в батальоне?

- Восемь убитых и четырнадцать раненых.

- Вражеская пропаганда утверждает,- снова поняв, к чему я клоню, сказал подполковник Пешков,- будто германский солдат имеет большое превосходство над нашим, советским. Поэтому-то, дескать, это и позволяет ему одному побеждать в бою едва ли не пятерых русских. Что вы на это, товарищи, скажете?

- Чепуха! - первым отозвался капитан Тышкевич.- Взять, к примеру, хотя бы мою роту. С того момента, как мы вступили в бои, потери роты составляют девять убитыми и двадцать два ранеными. А гитлеровцев накрошили далеко за сотню, да два десятка взяли в плен. Вот ведь какая арифметика получается.

- Разрешите, товарищ подполковник? - подал голос старшина Приходько, командир артиллерийского расчета.

- Пожалуйста, Иван Прокофьевич,- кивнул Пешков.

- Я, товарищи, хочу вот про что сказать... Мой расчет только за пять дней боев уничтожил три орудия, четыре станковых пулемета, подбил два танка и бронетранспортер. Подсчет точный, это на глазах у нашей пехоты произошло:.. В расчете же - лишь двое раненых. Так на чьей же стороне превосходство?..

Словом, разговор получился очень интересным. И главное, сам собой определил тему для будущей статьи - чей же солдат более стоек в бою, наш или германский?

* * *

Получил письмо от Федора Петрякова.

"Извините за долгое молчание,- писал он.- Оно случилось не по моей вине, а ввиду неприятных обстоятельств. В общем, я снова был ранен. И на этот раз, пожалуй, посерьезнее всех других.

Сам факт ранения, вернее, то, как оно произошло, до сих пор не дает мне покоя. Не физически, нет, физически я уже окреп. А морально. Точнее психологически...

Чтобы вам было понятнее, расскажу об этом происшествии подробно. Там, на магнушевском плацдарме, бои, как вы должны знать, не утихали ни днем, ни ночью. Гитлеровцам очень хотелось столкнуть нас в Вислу. А нам был тут дорог и крайне необходим каждый вершок земли...

Как-то мы взяли высотку. Только расставили орудия, как началась вражеская контратака. Открыли по гитлеровцам огонь

прямой наводкой. Выбиваем их десятками, а они все прут. Как потом выяснилось, фашисты были вдрызг пьяные. И вот фашистов двадцать во главе с молоденьким офицером ворвались-таки на высоту. Пришлось пустить в ход автоматы и гранаты. Уложили всех до единого.

Затем я распорядился собрать трофейное оружие, а убитых гитлеровцев сложить пока в овражек, чтоб не мешали... Тут подходит ко мне сержант Цаплин и докладывает, что офицерик-то тот, оказывается, жив, нужно перевязать его. Взял я свой индивидуальный пакет, пошел вместе с сержантом. Подходим, офицерик действительно стонет, что-то говорит, показывая на живот... Я расстегнул его мундир. Так и есть, ранен в живот. Рана приличная, я наложил на нее весь пакет. "На носилки,- говорю своим бойцам,- и в санбат". Сказал, а сам повернулся и пошел. И тут-то он в меня целую обойму разрывных пуль выпустил. По ногам и пояснице. Кто-то из наших оплошность допустил: не изъял у раненого второй парабеллум...

Нет, это ж надо! Я ему помочь пришел, перевязал. А он, подлюга, начал мне в спину стрелять.

Нормальному человеку такое трудно понять. Не понимаю и я, хотя знаю, что идет война, понимаю и вижу, что такое фашизм.

А теперь я вам расскажу о нашем Человеке. Не зря пишу это слово с большой буквы. Я считаю этого человека великим, хотя он и является самым обыкновенным, самым простым. Зовут его Марсель Вахитов. По национальности он татарин, работает хирургом в нашем госпитале. Майор медицинской службы. Чтобы вы знали, врачи в госпиталях работают по 24 часа в сутки. Они все герои, и история когда-нибудь воздаст им должное...

Но о Вахитове. Сделал он однажды очень сложную операцию, вышел в соседнюю комнату, снял резиновые перчатки, халат и... рухнул на пол. Ну тут, естественно, все засуетились, уколы и все другое необходимое ему сделали. И знаете, какой поставили диагноз? Голодный обморок! Вы понимаете, в военном госпитале, где питание почти что санаторное, где хирургам к тому же ввиду колоссальных нагрузок положен еще и доппаек,- и голодный обморок!

И что же выяснилось? Майор Вахитов, оказывается, квартирует у одной старушки, на руках у которой четверо внучат-сирот. Вот он весь доппаек, а впридачу и львиную долю от завтраков, обедов и ужинов отдавал этим сиротам...

Вы помните соратника Владимира Ильича Ленина - Цурюпу, наркома продовольствия? Помните его голодный обморок в кабинете Ильича? Я не боюсь ставить в один ряд Цурюпу и Вахитова, потому что ими руководило одно и то же чувство -

Человечность!

Лично я считаю это подвигом. Равным самому выдающемуся подвигу на фронте.

Я уже хожу, иногда даже и без костылей. Но поговаривают, что меня могут списать по чистой и дать инвалидность. Я пока молчу, терплю любые речи, любые прогнозы. Ну, чудаки, они еще не знают, с кем имеют дело! Разве Петряков может быть инвалидом?

Но это - в будущем. А сейчас я шлю вам свой тыловой привет и с нетерпением жду встречи на фронте. Может, даже в самом Берлине".

Думается, что это письмо в комментариях не нуждается...

* * *

Вместе с передовым отрядом 5-й ударной армии догнали на восточном берегу реки Нотец танкистов 2-й гвардейской армии генерала С. И. Богданова. Начальник штаба 47-й гвардейской танковой бригады предложил посмотреть за реку - там начиналась уже Германия...

В бинокль хорошо были видны заснеженные поля, разбросанные по ним красные, видимо кирпичные, дома, окруженные надворными постройками и садами. И - ни одного человека, ни одной машины, ни одного дымка над домами.

- По данным разведки, население эвакуировано, а дома превращены в огневые точки,- пояснил начальник штаба.

К роще на нашем берегу подъехала колонна саперной части. На машинах лежали понтоны, пролеты моста, железные балки, шпалы, доски. А затем туда же подошла тридцатьчетверка, и из нее вылез генерал.

- Начальник штаба армии Радзиевский. Прошу прощения, мне надо к нему,сказал нам подполковник и бегом направился к танку.

В роще, около которой остановились саперы, тоже стояли обсыпанные снегом Т-34. У одной из машин рослый старшина писал масляной краской на дощечке: "Вот она, Германия!" Я поинтересовался, где танкисты взяли краску.

- С самой Вислы с собой везем. И вот дождались. Завтра воткнем столб на той стороне и прибьем к нему эту доску. Пусть все знают, на какую землю ступают...

Я проходил мимо танков и видел возбужденные лица их экипажей. Не надо было спрашивать, какие чувства владеют сейчас людьми, о чем они думают, что вспоминают. Ведь перед ними лежала фашистская Германия, страна, развязавшая войну, войска которой осквернили их родную землю, разрушили и сожгли тысячи городов и сел, убили, уморили голодом миллионы

советских людей...

Прибыли зенитчики. В небе начали барражировать советские истребители. Артиллеристы устанавливали орудия, стволы которых были повернуты в сторону Германии...

Вечером в бригаде состоялся митинг. На нем работник политотдела армии разъяснял танкистам историческое значение выхода наших войск к границам Германии. В частности, сказал:

- Сейчас Геббельс и ему подобные трубадуры запугивают немцев большевистским нашествием, изображают нас варварами, сравнивают Красную Армию с ордами Чингисхана. Они утверждают, что советский солдат несет в Германию смерть, насилие, гибель немецкой нации... Не буду тратить времени на опровержение этого абсурда, наглой клеветы на нашего человека. Но считаю необходимым напомнить, что мы ведем смертельную борьбу с фашизмом, его армией. А немецкие женщины, старики и дети не являются нашими врагами. Напомню вам в этой связи уже известные слова товарища Сталина о том, что гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, нация немецкая остаются!..

После этого генерал А. И. Радзиевский вручил орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза двум воинам бригады - гвардии старшине Ф. В. Дьячкову и гвардии старшему сержанту А. Ф. Кононову. Их экипажам была предоставлена честь первыми ввести свои танки на вражескую землю.

- Спасибо за доверие! - взволнованно ответил старшина Ф. В. Дьячков.

- На вражеской земле постараемся добиться еще лучших боевых успехов! заверил старший сержант А. Ф. Кононов.

Последние его слова заглушили пушечные залпы. Это наши артиллеристы открыли огонь по территории фашистской Германии...

Мы подошли к ним, спросили:

- Ну как стреляется уже по вражеской территории?

- А у нас сегодня что-то вроде праздника,- ответил за всех командир дивизиона.- И готовились мы к этому как к празднику. Помылись, надели новое обмундирование, надраили ордена и медали. А как же, ведь дошли!

С наступлением сумерек саперы навели мосты через реку, и началась переправа. Она еще продолжалась, когда над головами густо загудело небо. В воздушное пространство Германии входили целые полки, дивизии, корпуса советских самолетов...

- Итак, господа фашисты, принимайте теперь и нас, грозных советских гостей! - сказал стоявший неподалеку от меня какой-то полковник и пошел к своей машине, чтобы тоже переправиться на другой берег.

* * *

Первые немецкие усадьбы, небольшие селения и местечки... Все они или пусты, или стерты с лица земли огнем нашей артиллерии и авиации. По дорогам идут только советские войска. В основном - тыловые части.

Где-то часу в одиннадцатом увидели девушку, стоявшую на обочине с поднятой рукой. Сергей Макаров резко затормозил.

- Вы наши, товарищи, советские? - голосом, в котором одновременно были и радость, и какая-то острая душевная боль, спросила девушка. И не дожидаясь ответа, а просто поверив своим глазам, вдруг упала к передним колесам машины, заголосила: - Родненькие! Дорогие! Пришли!..

Мы выскочили из машины, подняли ее. Это была совсем еще юная, лет шестнадцати, девушка со светлыми, стриженными, как у мальчишки, волосами, курносая и худенькая, в синем, донельзя заношенном платьице, подол и рукава которого носили следы огня. Несколько минут она просто рыдала, не в силах произнести хотя бы одно слово. Но потом вдруг вскрикнула, заговорила:

- Ой, да что же это я делаю! Там же лежит моя подруга Барбара! Она обгорела. Скорее, скорее к ней!

И побежала к темневшей недалеко, видимо сгоревшей, усадьбе, окруженной со всех сторон высокими, тоже подпаленными огнем, деревьями. Мы повернули за ней.

...Отправив в госпиталь сильно обгоревшую Барбару, мы стали слушать горький и страшный рассказ Раи Волчковой - той самой девушки, которая остановила на шоссе нашу машину. Постараюсь хотя бы кратко передать его.

Рае, девочке из Смоленска, было всего тринадцать лет, когда она попала в очередную облаву. Гитлеровские солдаты схватили ее и втолкнули в кузов машины, где уже сидело человек тридцать таких же, как и она, девушек-подростков. Во всяком случае Рая твердо уверена, что из всей этой группы ни одной из девушек больше 16 лет не было.

Привезли на вокзал, прямо к перрону, у которого стоял состав из вагонов, в которых, она это знала, до войны обычно перевозили скот. Около него ходили гитлеровцы с овчарками. Как заметила Рая, многие вагоны уже были набиты девушками. Их же группу подогнали к середине состава и приказали войти в телятник. Какой-то немец, осклабясь, сказал по-русски:

- Нада, нада итти вагон. Будет кароший поездка.

Затем закрылась дверь, щелкнул засов, и поезд пошел. Куда - никто не знал. Но все догадывались - в Германию. Ведь раньше из Смоленска увозили туда мальчишек. А вот теперь пришел черед и девушек.

Состав часто стоял на каких-то станциях, но двери вагонов не открывали. А им не хватало воздуха, хотелось есть, пить...

На двенадцатые сутки их поезд пришел наконец в город Ландсберг. Здесь двери вагонов открыли, начали торопить:

- Выходите! Скорей, скорей!

Но из их вагона смогли самостоятельно выбраться только она, Рая Волчкова, да Аня Сомова. 14 девушек были мертвы, остальные еле двигались.

В остальных вагонах было не лучше.

На площади перед вокзалом оставшихся в живых советских девушек кое-как построили. К девушкам стали подходить толстые немцы и немки, осматривать, ощупывать. Рая поняла, что идет отбор рабочей силы. И еще вспомнила, как читала в одной книжке о торговле рабами на невольничьих рынках Америки. Сейчас происходило то же самое. Она заплакала. Но в ту же секунду сильная пощечина прервала ее рыдания. Ударила ее немка с жирным и свирепым лицом. Она что-то крикнула, снова ударила Раю, потом схватила за руку и дернула к себе.

Стоявший рядом пожилой немец сказал Рае:

- Этот фрау Марта будет твой добрый козяин. Ты ее должен слюшат и делат карашо.

Фрау пошла к конной повозке. Рая последовала за ней.

Когда приехали в усадьбу, фрау Марта вызвала к себе другую батрачку, что-то долго и визгливо говорила ей, показывая на Раю. Девушка, выслушав, сказала:

- Меня зовут Барбарой, я белорусская полька, поэтому говорю по-русски... Хозяйку зовут фрау Марта. Она тебя выбрала для черной работы на усадьбе. Ты будешь чистить скотные помещения и птичник, следить за чистотой двора и сада, накачивать воду в баки, мыть собачьи будки, помогать хозяину готовить корма для лошадей, коров, свиней и птиц, весной копать огород, окапывать фруктовые деревья и делать все остальное, что тебе прикажут хозяева. Жить будешь в коровнике. Тебе запрещается заходить в хозяйский дом, выходить на улицу, плакать, петь, смеяться, говорить по-русски. Хозяйка дает тебе две недели на изучение немецкого языка. Потом она будет говорить с тобой только по-немецки. Есть будешь то, что дадут хозяева...

В тот же день Рае выдали брезентовый фартук, лопату, грабли, ведро, и она принялась за работу. В шесть часов раздалось три удара колокола, после которых в коровник вошла Барбара и сказала:

- Это сигнал на обед...

Девочке принесли плошку супа из брюквы, небольшой

ломтик хлеба, две печеные картофелины и железную кружку с эрзац-кофе. Но Рая за дорогу и за день работы так наголодалась, что этот обед показался вкусным.

Так началась для нее нацистская каторга. Рая вставала в пять часов утра и ложилась в одиннадцать. За это время было лишь два перерыва - на завтрак и обед. Спала на голых досках, не имея права подложить себе даже солому.

На пятый день она занемогла. Но фрау Марта пришла в коровник с кнутом и жестоко избила девочку. Потом позвала Барбару и приказала перевести:

- За каждый день, который не будешь работать, ты будешь получать до ста ударов вот этим кнутом. Здесь тебе не большевистская Россия, в Германии лентяев не держат!

Ее били почти каждый день. Били зверски и чем попало. Однажды она споткнулась и упала, разбив коленку. Присела на лавку, чтобы стереть кровь. Подошел хозяин, схватил вилы и деревянным черенком ударил девушку по спине. У нее помутилось сознание. А хозяин бил, бил...

Когда Рая очнулась, около нее на коленях стояла Барбара и растирала мокрой тряпочкой ее лоб.

- Жива?

У нее не оказалось сил даже ответить подруге по несчастью. Барбара заплакала. А потом стала молиться, прося Езус Марию дать силы Рае и ей, Барбаре.

Рая выжила. Выжила, как она говорит, назло немцам. А еще потому, что ей очень хотелось дожить до победы.

До нашей победы! Она была убеждена, что ее Родина победит!

И она победила!

* * *

Но на этом горькая исповедь смоленской полонянки не кончается. Рая рассказала нам и другие, не менее жуткие вещи из своей жизни на фашистской каторге. Если это можно, конечно, назвать жизнью.

...Где-то в середине декабря 1941 года были зверски избиты сразу обе девушки.

- Вот вам за вашу Москву! Вот вам за вашу проклятую Москву! - повторял хозяин при каждом ударе по спинам девушек.

При чем тут была Москва, ни Рая, ни Барбара не знали. Но через день Барбара на обрывке фашистской газеты прочитала, что якобы в целях выравнивания фронта гитлеровские войска несколько отошли от Москвы. Отошли от Москвы... А ведь хозяева еще в ноябре говорили им, что армия фюрера уже марширует по площадям советской столицы...

Весной, когда в усадьбу для проведения полевых работ пригнали еще трех французов и четырех поляков, Рая и Барбара уже достоверно узнали, что в декабре 1941 года Красная Армия разгромила на полях Подмосковья фашистские орды и отбросила их от стен Москвы на сотни километров.

Вот тебе и "выравнивание" линии фронта!

В июле 1942 года девушки подверглись новой зверской экзекуции. На этот раз хозяин с каждым ударом кнута кричал с пеной у рта:

- Вот вам за нашего Ганса! Вот вам за нашего любимого Ганса!

В доме был объявлен траур по убитому на восточном фронте младшему сыну хозяев Гансу...

Потом их били еще и еще. За то, что русские разгромили Паулюса под Сталинградом, за без вести пропавшего старшего сына Карла, за освобождение Красной Армией Киева и Львова. Били за то, что покончил жизнь самоубийством внук Вильгельм, не пожелавший ехать из Парижа на восточный фронт. И несколько притихли, когда советские войска освободили Варшаву. Тут уже начали дрожать за свою собственную шкуру...

А четыре дня назад хозяева начали спешно собирать вещи. Угнали куда-то скот, перебили всю птицу. И что самое поразительное - выделили девушкам комнату непосредственно в доме, поставив в ней даже кровати, шкаф и стол.

- Значит, здесь скоро уже будут наши,- радостно шепнула Рая подруге.

- Наверное,- согласилась Барбара. И добавила встревоженно: - Но нам с тобой надо быть все время начеку. Эти изверги напоследок могут сделать с нами что угодно. Поэтому вот тебе нож, носи его всегда с собой. А я себе тоже кое-что приготовила...- Барбара вынула из-под фартука и показала килограммовую гирьку.- Знаешь, мало ли что... А мы с тобой должны суметь постоять за себя...

Девушки последние ночи почти не спали. И не зря. Позавчера хозяева, заперев дом на замок и подперев кольями ставни, подожгли его. Рая и Барбара еле успели выбраться из пылающей усадьбы. Вот тогда-то Барбара и получила серьезные ожоги...

Да, многое пришлось пережить этой хрупкой и беззащитной девушке. Не скоро еще ее юная душа отойдет от нечеловеческих кошмаров. Но верилось - отойдет! Ну а мы... Мы уже идем по территории фашистской Германии. И недалек тот день, когда тем, кто мнил себя сверхчеловеками, судьями над жизнью и смертью целых рас и народов, придется ответить за все свои злодеяния. В том числе и за исковерканную жизнь смоленской

девушки Раи Волчковой.

* * *

Командующий артиллерией фронта генерал-полковник В. И. Казаков предложил слетать с ним в город Швибус, где обосновался штаб 1-й гвардейской танковой армии. Я с радостью согласился. И уже через полчаса машина доставила нас на штабной аэродром, где мы сели в самолет.

Шел снег, видимость была плохой. Но пилот вел машину отлично, и вскоре мы без всяких происшествий приземлились на окраине Швибуса.

Генералу Казакову не терпелось осмотреть сооружения так называемого Мезерицкого укрепленного района, составляющего часть знаменитого одерского четырехугольника. В свое время руководство Германии уделяло этому четырехугольнику примерно такое же внимание, как и линии Зигфрида. Планировалось, что он надежно прикроет всю бывшую немецко-польскую границу. Но, взвесив, а затем и на практике познав военную слабость панской Польши, гитлеровцы осуществили здесь строительство лишь части укреплений. Однако после поражения в Сталинграде на одерском четырехугольнике вновь начались работы. Доты, многорядные противотанковые надолбы, глубокие рвы, целые укрепленные узлы с бетонными укрытиями для войск, подземные дороги и склады боеприпасов вот что представлял собой одерский четырехугольник.

Но не помогло и это. Советские войска прорвались и здесь.

На аэродроме В. И. Казакова встретил член Военного совета армии генерал Н. К. Попель. Командарма М. Е. Катукова на месте не было, он находился в войсках.

Рядом с машиной члена Военного совета стояли два броневика и грузовик с автоматчиками.

- Это уж не наш ли эскорт? Зачем же такие почести? - недовольно спросил Василий Иванович.

- Это не почести, товарищ генерал,- ответил Попель.- Просто здесь еще бродит немало фашистских недобитков. Подчас и целыми подразделениями.

- А в штаб нам что, обязательно заезжать? - поинтересовался Казаков.- Я бы хотел проехать сразу в артиллерийскую бригаду полковника Соломиенко.

- Обязательно, товарищ генерал. Там мы пересядем в другие машины,- ответил Попель.

В штабе армии нас с Казаковым познакомили с последними оперативными сводками. Они радовали. 1-я гвардейская танковая своими главными силами сейчас уже подходила к Одеру.

- Все решили внезапность, быстрота действий и смелый

маневр, - докладывал В. И. Казакову начальник штаба армии генерал М. А. Шалин.- Особенно успешно действовала сорок четвертая танковая бригада полковника Гусаковского. Захватив ночью мост через противотанковый ров в двенадцати километрах юго-западнее города Мезеритца, вытащив из гнезд противотанковые надолбы и раздвинув ежи, танкисты, батальон за батальоном, пошли вперед. Затем развернулись фронтом круто на север и атаковали находящегося в дотах и дзотах противника с тыла. За ночь бригада прошла весь укрепленный район...

А вот другим бригадам этого сделать не удалось. Против них враг в массовом масштабе применил фаустников, расстреливал танки залповым огнем из дотов, взрывал минные заграждения... Пришлось подтягивать артиллерию.

- Значит, без "бога войны" и танкам туго,- полушутя-полусерьезно сказал В. И. Казаков.

- В этом мы убеждались не раз, убедились и теперь,- ответил М. А. Шалин.

- Спасибо за информацию, - поблагодарил его В. И. Казаков.- А теперь пора и в путь-дорогу.

Член Военного совета и начальник штаба армии начали настаивать на том, чтобы командующего артиллерией фронта в поездке сопровождали два танка из охраны штаба и машина с автоматчиками.

- Да у меня и там найдется охрана. Ведь еду-то я не к кому-нибудь, а к артиллеристам,- пытался отговориться В. И. Казаков.

Но в конце концов все же согласился с доводами танкистов...

Чуть ли не сразу за городом взору открылась необычная картина - все пространство окрест было покрыто острыми угольниками бетонных противотанковых надолб. Они выстроились многими рядами, а между ними тянулись глубокие рвы. За надолбами, а кое-где и среди них располагались низкие железобетонные купола дотов и бронеколпаки панцерверков.

Около одного такого панцерверка В. И. Казаков приказал сделать остановку. Вышли из машины, начали осматривать его. Это было мощнейшее сооружение, общим объемом примерно 3500 кубических метров. Потолки имели толщину не менее двух метров, стены вылиты из цемента. Освещая путь карманными фонариками, долго спускались в сырое подземелье. Оно находилось на глубине метров тридцати, не меньше.

Панцерверк был вооружен двумя тяжелыми орудиями и четырьмя станковыми пулеметами. Кроме того, в нем имелись площадки для минометов и огнеметов. Укрепление было электрифицировано, оборудовано водопроводом. С соседним панцерверком соединялось узкоколейной железной дорогой и

подземным ходом сообщения.

Наружные бронеколпаки имели форму цилиндра диаметром 2,5 метра. Толщина их брони составляла 300 миллиметров...

Полковник П. М. Соломиенко встретил нас на полдороге. С ним тоже была машина с автоматчиками.

- Да что у вас тут творится? Воюете в тылу? - спросил его Казаков.

- Так точно, товарищ генерал. Утром отбили атаку группы гитлеровцев из ста - ста двадцати солдат и офицеров,- ответил полковник.- Ведь здесь пока нашей пехоты почти что нет, вот недобитые фашисты и бродят волчьими стаями...

Затем комбриг поведал нам о недавних событиях. Рассказал, что огонь из 122-мм и 152-мм орудий по панцерверкам никаких результатов не принес. И лишь когда подтянули сюда дивизионы, вооруженные 203-мм орудиями, дело сдвинулось с мертвой точки.

- Мы вели огонь с расстояния подчас сто пятьдесят метров и не пробивали бронеколпаки. Представляете, наши снаряды делали в броне вмятины глубиной до восьмидесяти миллиметров! Но-лишь вмятины. Правда, сила их удара была так велика, что гитлеровские артиллерийские расчеты получали тяжелые контузии и оказывались небоеспособными. И еще. Тыловые двери и пулеметные казематы снаряды прошивали насквозь. Все это и позволило нам частью уничтожить, а частью пленить гарнизоны восьмидесяти таких укреплений.

Да уж, артиллеристам здесь пришлось поработать крепко!

* * *

С прибывшим из Москвы корреспондентом нашей газеты подполковником Л. А. Высокоостровским приехали на командный пункт командира корпуса генерала И. П. Рослого. Пока вспоминали с ним бои под Моздоком и Орджоникидзе, в блиндаж вошел член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Ф. Е. Боков. Он сразу же повел нас к командующему армией генерал-полковнику Н. Э. Берзарину, который, оказывается, находился в соседнем блиндаже.

Мы знали, что соединения 5-й ударной ведут тяжелейшие бои за Одером. Ведь враг по мере приближения наших войск к Берлину дрался все ожесточеннее. Активизировалась и его авиация, действующая с берлинских аэродромов.

Да, напряжение предельное. И все же Н. Э. Берзарин встретил нас с улыбкой, даже пошутил:

- А мы уж думали, что придем в Берлин без корреспондентов "Красной звезды". Даже горевали...

- Никакая сила нас с того берега не столкнет!- убежденно

говорил он уже минуту спустя.- Переправляем сейчас на плацдарм артиллерию, саперные подразделения, танки, самоходные орудия...

- Нам член Военного совета сказал, что вы вроде бы получили телеграмму от маршала Жукова, в которой тот проявляет беспокойство за судьбу плацдарма,вставил я.

- Да, получил. Вот она, прочитайте,- подал нам командарм бланк телеграммы.

Маршал писал:

"Военному совету 5-й ударной армии, командирам корпусов и командирам дивизий 5-й ударной армии. На 5-ю ударную армию возложена особенно ответственная задача удержать захваченный плацдарм на западном берегу р. Одер и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10-12 км в глубину. Я всех вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести. К сожалению, мы вам не можем пока помочь авиацией, так как все аэродромы раскисли и взлетать самолеты в воздух не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую: 1. Зарываться глубоко в землю. 2. Организовать массовый зенитный огонь. 3. Перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью. 4. Днем отбивать атаки врага. Пройдет 2-3 дня - противник выдохнется. Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха, который вы не только можете, но обязаны обеспечить. Г. Жуков".

- Вчера весь день провели на плацдарме,- сказал Берзарин.- Всем Военным советом, всем штабом, всем политуправлением... О телеграмме и требованиях маршала Жукова сейчас знает каждый боец и командир...

В это время связист доложил, что у телефона генерал Варфоломеев.

- Мой заместитель,- вполголоса пояснил командарм. Взял трубку.- Первый слушает. Где вы сейчас? У Антонова? Слушаю...- Сделал какие-то пометки по карте. Пообещал: - Сейчас дам команду. А вы подбодрите товарищей, объявите, что на врага будет обрушен огонь всей нашей артиллерии...

Приказ генерала Н. Э. Берзарина командующему артиллерией армии генералу П. И. Косенко был краток и категоричен:

- Через тридцать минут всеми имеющимися на этом берегу артиллерийскими средствами нанести массированный огневой налет на район рощи за Одером! Выполняйте!

И - нам:

- В этой роще замечено сосредоточение танков и бронетранспортеров противника. Ясно, что готовится новая атака на позиции триста первой стрелковой дивизии. Кстати, третья за сегодняшний день...

Мы спросили, не будет ли предоставлена нам возможность перебраться хотя бы на ночь за Одер и побывать в какой-либо дивизии армии.

- Я очень уважаю печать,- ответил Н. Э. Берзарин,- и понимаю ваши намерения. Но сейчас нельзя... Пока рановато. К тому же с часу на час положение может еще больше осложниться. Мы ждем вскрытия реки. А если это произойдет, то вы застрянете там на много дней. А газете, как я понимаю, нужны оперативные материалы... Знаете-ка что, напишите про командира девятьсот второго стрелкового полка подполковника Ленева. Вот уж кто достоин хорошего очерка в газете! Федор Ефимович,- обратился командарм к генералу Бокову,поговорите с корреспондентами, расскажите им о Леневе, а я пока займусь с триста первой стрелковой дивизией. Хорошо?

Генерал-лейтенант Ф. Е. Боков согласился и снова повел нас в блиндаж командира корпуса генерала И. П. Рослого. Того на месте уже не оказалось, он уехал к артиллеристам. Так что поговорить можно было без помех.

Прежде всего Федор Ефимович разложил на столике карту. Пояснил нам:

- Старая генштабовская привычка. Без карты - ни шагу...

И начал свой рассказ.

...В ночь на 2 февраля 902-й стрелковый полк подполковника Г. М. Ленева перешел по льду Одер и занял позиции западнее населенного пункта Гросс-Нойендорф. Здесь 248-я дивизия, в состав которой входил и этот полк, вот уже двое суток вела ожесточенные бои.

За оставшуюся часть ночи едва успели немного окопаться. В боевых порядках пехоты заняла огневые позиции и артиллерийская батарея капитана П. А. Седукевича.

Где-то часов в семь утра противник начал артиллерийский обстрел. Верный признак скорой атаки. И действительно, из 3-го батальона сообщили:

- Видим танки и бронетранспортеры...

Тут же - звонок из 2-го:

- Из района Амт Кинитц в направлении наших позиций замечено движение танков и бронетранспортеров... Ленев связался с капитаном Седукевичем:

- Бери на себя танки. Умри, но не пропусти их к батальонам!

Доложил об обстановке комдиву генералу Н. З. Га-лаю. Тот

ответил:

- Твой сосед уже начал бой... Главное - выбивать танки. Командир корпуса обещает помочь огнем с того берега...

По прикидке Ленева, на его батальоны шло до двух полков вражеской пехоты и около 30 танков. Бронетранспортеры он уже считать не стал, не до этого. Нужно управлять боем...

До полудня полк Г. М. Ленева сдерживал яростный натиск врага. Отлично дрались и артиллеристы капитана П. А. Седукевича. Они уничтожили 15 танков и бронетранспортеров противника, надежно перекрывая дорогу, ведущую к Гросс-Нойендорфу. Сам командир батареи был дважды ранен, но продолжал руководить подразделением. Больше того, когда вышел из строя наводчик одного из орудий, Седукевич сам встал к прицелу.

Во второй половине дня новые атаки гитлеровских танков и пехоты, поддержанные на этот раз почти сотней "юнкерсов", заставили подразделения полка отойти на улицы Гросс-Нойендорфа. Целый фашистский батальон вскоре прорвался к развалинам сахарного завода, где расположился КП командира полка. Подполковник Г. М. Ленев и вместе с ним 16 находившихся здесь же бойцов и командиров оказались окруженными. Но не дрогнули, а, быстро заложив окна подвала мешками с сахаром, приняли неравный бой.

Группа отбила четыре атаки врага. И тогда взбешенные гитлеровцы решили выкурить советских воинов дымовыми шашками.

...Дым сизыми облаками накатывается на развалины, проникает во все щели. В подвале нечем дышать. Двое из группы потеряли сознание. Другие тоже на грани этого. Что делать? И подполковник Г. М. Ленев решается на самое крайнее вызвать по рации огонь артиллерии с того берега на себя...

Запрашивает штаб дивизии. В ответ неожиданно слышит голос командующего армией генерал-полковника Н. Э. Берзарина. Ленев докладывает, в какую критическую ситуацию попал он с группой своих людей. Просит накрыть развалины завода артиллерийским огнем.

Берзарин ответил не сразу. Ведь он тоже хорошо знал, что такое - вызвать огонь на себя. Потом пообещал:

- Держись, выручим...

И почти тут же задрожало и загудело все: земля, стены, пол, воздух... Советская тяжелая артиллерия с восточного берега Одера повела огонь по развалинам сахарного завода. Не менее 30 минут ее снаряды буквально перепахивали каждый метр земли и камня. Казалось, после этого моря огня и стали здесь не осталось

ничего живого. Но бетонные перекрытия подвала все-таки выдержали. А вскоре Ленев и его группа были откопаны подоспевшими бойцами полка...

- Ну разве не герой наш Георгий Матвеевич? - спросил генерал Ф. Е. Боков, закончив свой рассказ.

Что ответить? Конечно же герой!

Мы собрались было уже уезжать, когда пришел адъютант командарма и сообщил, что генерал-полковник Н. Э. Берзарин снова вызывает нас к себе. Зашли.

- О подполковнике Леневе жду корреспонденцию в самом ближайшем номере "Красной звезды",- сказал Николай Эрастович.- Кстати, генерал Боков не забыл сообщить, что Ленев за бои под Москвой награжден орденом Красного Знамени, за Днепр - Отечественной войны первой степени и Красной Звезды, за Вислу орденом Александра Невского?.. Отметьте и это в материале. И еще. Почаще приезжайте к нам. Герои будут. Кстати говоря, сейчас, на плацдарме, каждый рядовой боец - герой!

Мы покидали 5-ю ударную армию с твердым убеждением, что она с честью выполнит возложенную на нее историческую миссию. Ту самую миссию, о которой упоминал в своей телеграмме маршал Г. К. Жуков.

* * *

Сегодня уже 24 февраля 1945 года. А вчера закончились бои в Познани. Они продолжались около месяца и стоили нашим войскам немалых потерь.

В последние дни здесь безвыездно находился командующий артиллерией фронта генерал-полковник В. И. Казаков. Нашли мы его, к нашему удивлению, не в очень-то хорошем настроении, неразговорчивым. Поинтересовались причинами.

- Да что-то просто нездоровится,- ушел от прямого ответа генерал. Но после затяжной паузы все-таки не выдержал, сказал: - Вчера, после капитуляции познанского гарнизона, я позвонил но ВЧ маршалу Жукову. Тот внимательно выслушал мой доклад, попросил передать благодарность всем артиллеристам, принимавшим участие в боях. Согласился со мной, что артиллерия сыграла в Познани решающую роль. Ну а потом... Потом сделал мне такой разнос, что я до сих пор не могу прийти в себя... В сущности, он конечно же прав. С подтягиванием сюда артиллерийских частей большой и особой мощности мы и в самом деле задержались...

Я тоже знал, что в разное время очень резкие замечания от командующего фронтом по поводу неудовлетворительного хода боев в Познани получили не только артиллеристы Казакова, но и разведчики, авиаторы. И все эти нарекания были вполне

обоснованными. Маршал Г. К. Жуков не признавал полумер, считая их в условиях войны совершенно недопустимыми. А в боях за Познань было много и полумер, и прямых просчетов. Во-первых, наша разведка не смогла вначале точно определить силы врага, в несколько раз преуменьшила их. Ну а потом, когда эти силы все же были выявлены, командование не сумело быстро собрать достаточно мощный кулак для решительного штурма. Как, например, и с артиллерийским обеспечением...

- Словом, могу сказать только одно: век живи, век учись,- улыбнулся наконец Василий Иванович. И тут же стал называть части и подразделения, о которых можно было бы написать в "Красной звезде".

Я спросил его, не пожелает ли он сам выступить в нашей газете.

- Ни в коем случае! - поспешно отказался генерал.- Как же можно выступать в печати после такого разговора с командующим фронтом?!

А подумав, добавил:

- И вообще, стоит ли сейчас распространяться об опыте применения артиллерии РВГК в условиях большого города? Зачем делиться с врагом нашими секретами? Ведь впереди - Берлин...

Мы не настаивали, ибо наша газета за период боев в Познани уже дала несколько материалов отсюда. Нас же с Капустянским в этот освобожденный польский город привело сейчас желание встретиться и поговорить с группой мужественных антифашистов, уполномоченных Национального комитета "Свободная Германия". До этого начальник политуправления фронта генерал С. Ф. Галаджев высоко оценил их работу именно в Познани и разрешил нам встретиться с ними.

И вот знакомый работник седьмого отдела политуправления фронта представил нам двух одетых в советскую форму немцев. Один из них был высокого роста, спортивного сложения, с мягкой улыбкой на слегка бледном лице. Я тут же вспомнил, что осенью прошлого года уже видел его в политотделе 65-й армии. И даже записал тогда очень интересный его рассказ.

- А мы с вами уже знакомы,- сказал я антифашисту.- Помните: шестьдесят пятая армия, октябрь сорок четвертого, Нарев?

- Так есть, так есть,- закивал немец.

Второй антифашист был старше своего товарища, слабее сложением и с каким-то слишком уж серьезным лицом, на котором, казалось, никогда не появлялась улыбка.

Военная судьба их оказалась схожей. Оба воевали на восточном фронте, попали в плен, сошлись с убежденными антифашистами, которые и помогли им понять всю страшную

сущность гитлеризма, авантюризм нынешних правителей Германии, ведущих немецкий народ в бездну. Не сразу, через мучительные раздумья, но все-таки поняв, приняв программу "Свободной Германии", они вызвались добровольно поехать на фронт, чтобы делать здесь свое трудное и опасное дело. Делать его во имя будущей Германии - без Гитлера и его клики, истинно свободной и демократической.

Какую работу проводили здесь, в Познани? Обычную, как и всегда. Помогали выпускать листовки, вели радиопередачи на войска противника. Несколько раз, переодевшись в форму гитлеровской армии, переходили линию фронта и там говорили правду о безвыходности положения окруженных войск.

Когда на 6 часов утра 16 февраля был назначен решительный штурм познанской крепости, им разрешили предварительно объявить об этом немецким солдатам в специальных звуковых передачах. Они каждые четверть часа брали в руки микрофон. Призывали личный состав вражеского гарнизона одуматься, пока не поздно, до 5 часов 45 минут утра, если они хотят сохранить себе жизнь, добровольно сложить оружие. Результаты? До 5 часов 40 минут в плен сдалось 56 офицеров и 967 солдат противника.

- Что ж, неплохая работа! - сказал я.

- А мы не удовлетворены результатами,- отрицательно покачал головой тот антифашист, что был постарше.- Ведь во время штурма бессмысленно погибли тысячи немецких солдат. А ведь они могли бы остаться в живых, найди мы к ним нужный подход...

Я смотрел на этих двух необыкновенных людей, и во мне крепло убеждение, что после нашей победы найдется еще немало честных, смелых и энергичных немцев, которые сумеют построить новую, демократическую Германию!

Глава восьмая. Берлинские тетради

Весна. Уже зазеленели поля, появились первые листочки на деревьях. В солнечные дни довольно тепло.

Днем на автострадах не очень оживленно. А по ночам они .гудят, ревут, дрожат. Все забито войсками. И кажется, что к нам, на 1-й Белорусский фронт, страна шлет все, что сделали и создали ее трудовые руки.

10 апреля мы с Высокоостровским на одной машине, а Вишневский и Золин на другой поехали к Кюстрину. Уже темнело. Но мы намеревались за час-полтора домчать до заодерского плацдарма, где ни днем, ни ночью не утихали ожесточенные бои.

Намеревались, но... На развилке дорог, как раз там, где надо было сворачивать на Кюстрин, - офицер с красным флажком. Не

боец-регулировщик, а именно офицер...

По шоссе шли тяжелые самоходные орудия. Земля дрожала под их мощными гусеницами.

- Надолго? - спросил Вишневский у офицера с красным флажком.

- Не могу сказать. Я пропускаю только свои подразделения...

Наш водитель Сергей Макаров, оказывается, знал объездную дорогу. Вишневский попросил его показать эту дорогу на карте. Макаров показал. Поехали. Но через полчаса - новая развилка. И на ней опять офицер с флажком.

- Путь закрыт...

По шоссе катили машины с прицепленными к ним орудиями. Простояли здесь минут тридцать, а конца артиллерийской колонне не было видно.

- До утра? - спросил я офицера.

- Думаю, что да. А день переждем в лесу...

У Высокоостровского был трофейный карманный фонарик, и мы разложили под нашим "виллисом" карту, чтобы посмотреть другие дороги.

Луч фонарика все скользил и скользил по карте, пока мы совместными усилиями не наметили новый маршрут.

Ехали минут сорок, были уже недалеко от Кюстрина, но и здесь нас остановил офицер в звании майора.

- До утра, товарищ капитан первого ранга, дорога закрыта,- сказал майор выпрыгнувшему из машины Вишневскому.

На этом шоссе гудело и трещало так, что надо было не говорить, а кричать, чтобы услышать друг друга. По нему шли танки Т-34. В воздухе висел густой чад от перегоревшей солярки.

- А вообще это, друзья, замечательно! - вдруг горячо и громко сказал темпераментный Всеволод Вишневский, глядя, как и мы, пораженный, на нескончаемые колонны боевой техники.- Какую силищу накопили, а?

Да, на 1-м Белорусском фронте для последнего удара по гитлеровской Германии и ее столице - Берлину сосредоточивались огромные силы. Скрыть такое сосредоточение, по-моему, было невозможно. И враг, конечно же злая об этом, тоже лез из кожи вон, чтобы оттянуть час возмездия. В "тысячелетнем" рейхе проводилась едва ли н& десятая тотальная мобилизация.

В штабе и политуправлении фронта о прибывающих войсках, о подготовке к решающему сражению никто не говорил ни слова. Даже офицеры, ставшие нам друзьями за годы пути от Курска до Одера, хранили молчание, воздерживаясь и от далеких намеков.

Но в каком бы секрете ни готовилось наше наступление,

корреспонденты по многим признакам догадывались о скором его начале. О приближении больших событий говорил хотя бы приезд из Москвы и с других фронтов корреспондентов и писателей, так сказать, большого калибра. "Правда" к находящимся уже у нас Мержанову и Макаренко прислала Всеволода Вишневского, Бориса Горбатова, Василия Величко и Ивана Золина. "Известия" вообще сменили весь состав своих представителей, командировав на фронт Леонида Кудреватых, который по праву считался лучшим военным корреспондентом газеты, а также писателей Всеволода Иванова и Льва Славина. Возглавил всю эту группу начальник военного отдела газеты полковник Баканов. "Красная звезда" к четырем постоянным своим корреспондентам прибавила еще Саянова, Габриловича, Гроссмана, историка Ерусалимского. Позже, уже в Берлине, к нам присоединятся Константин Симонов и Александр Кривицкий.

А ТАСС? А радио? А кинохроника? А Совинформбюро? А другие газеты? Все прислали на 1-й Белорусский свои лучшие творческие силы. Ждали, гадали о сроках начала того, последнего, решающего. Но пока лишь гадали...

* * *

Наконец 14 апреля вечером член Военного совета фронта намекнул корреспондентам, что хорошо было бы завтра всем им отправиться в войска за Одер. Предстоят интересные события. "Но,- попросил генерал К. Ф. Телегин,думаю, что не следует всем собираться в одной армии. Все объединения будут решать важные задачи, и в каждом, я уверяю, появятся новые герои".

Посовещались и быстро пришли к единодушному соглашению. Мы с Высокоостровским, Капустянским и правдистами Вишневским, Золиным и Кисловым едем в 8-ю гвардейскую и 5-ю ударную армии. Остальные - в другие объединения фронта.

Еще затемно переправились по понтонному мосту через Одер. Не успели отъехать и пятисот метров, как на середине реки, несколько левее моста, с небывалой силой грохнуло. В яркой вспышке взрыва мы увидели фонтан воды, поднявшийся на высоту не менее трехэтажного дома. А волны, перекатившись через мост, едва не достигли дороги, по которой шли наши машины.

Поспешно свернули к лесу и укрылись под кронами деревьев.

- Самолет-снаряд,- сказал Вишневский. - Оружие, которым гитлеровцы несколько месяцев бомбардировали Лондон.

- Уже восемнадцатый за последние трое суток,- раздался чей-то голос из темноты. Говорил майор, подошедший к нам.-Два раза эти фашистские снаряды разрушали переправу,- продолжал

он.- Вчера зенитчики один сумели сбить. Два других не разорвались, зарылись глубоко в землю.

Мы знали, что в последние дни враг применил и еще одну грозную новинку истребитель с реактивным двигателем.

- Это агония,- сказал Вишневский.- Последнее издыхание смертельно раненного зверя...

С обеих сторон дороги, укрытые лесом, стояли танки. Под зелеными маскировочными сетями расположились батареи гаубиц. А там и здесь на расстеленных на молодой траве плащ-палатках сидели и лежали бойцы и командиры. Откуда-то из глубины леса слышалась мелодия песни-вальса "В лесу прифронтовом". Да, не может русская душа без песни!

И везде щели, ходы сообщения, паутина телефонных и телеграфных проводов. Тесно, очень тесно было на плацдарме за Одером. Ведь здесь сосредоточились, готовые к удару, пять общевойсковых армий, танки, три артиллерийских корпуса прорыва, тысячи "катюш", сотни специальных подразделений. Да еще передовые склады с боеприпасами, продовольствием, горючим.

Километра за полтора от НП командующего 8-й гвардейской армией генерал-полковника В. И. Чуйкова наши машины остановили и сказали, что дальше надо идти пешком. Что ж, пешком так пешком.

В просторном блиндаже командарма были член Военного совета и командующий артиллерией армии. В. И. Чуйков, увидев Вишневского, отложил бумаги и первым пошел ему навстречу. Крепко пожал нашему коллеге руку, сказал:

- Вовремя приехали. Мы еще не завтракали. Прошу всех в соседний блиндаж. Там у нас столовая.

Но перед тем как уйти в столовую, Чуйков взял со стола какую-то бумагу и протянул Вишневскому.

- Полюбуйтесь, воззвание Гитлера к войскам, с которым он обратился к ним четырнадцатого апреля.

Вишневский взял воззвание, начал вслух читать его. В нем, имея в виду предстоящее наступление Красной Армии, говорилось:

"Мы предвидели этот удар и противопоставили ему сильный фронт. Противника встречает колоссальная сила артиллерии. Наши потери в пехоте пополняются бесчисленным количеством новых соединений, сводных формирований и частями фольксштурма, которые укрепляют фронт. Берлин останется немецким..."

- А вот листовка, сброшенная сегодня.

Вражеская листовка была непривычно короткой: "Вы нас под

Москвой, мы вас под Берлином".

Что ж, посмотрим...

Мы с Высокоостровским торопились в одну артиллерийскую бригаду, в которой нам посоветовал побывать генерал-полковник В. И. Казаков. Поэтому, извинившись перед В. И. Чуйковым и отказавшись от завтрака, мы собрались уехать. Но я все-таки успел напомнить генерал-полковнику о нашей встрече и разговоре под Люблином.

Там командарм высказал тогда опасение, как бы его армию не сняли с берлинского направления.

- Как говорится, бог миловал,- ответил В. И. Чуйков.- Теперь не только я и мои войска, но даже фашисты знают, что защитники Сталинграда будут штурмовать Берлин:

* * *

Бригада, которая была нам нужна, стояла отсюда неподалеку, и командующий артиллерией армии генерал Н. М. Пожарский дал нам в провожатые офицера. Шли опушкой леса и почти не видели клочка нетронутой земли. Сплошной линией, да еще не в один ряд, тянулись огневые позиции артиллерии - десятки, сотни орудий самых разных калибров.

У дороги, ведущей в глубь леса, капитан сказал:

- Нам сюда.

Буквально в километре от вражеских траншей, на небольшой высотке, среди сосен, был оборудован НП командира бригады. Рядом располагался НП и той дивизии, которую бригада поддерживала.

- Старший сержант Родионов... Старший сержант Родионов...- несколько раз повторил полковник, командир бригады. А затем решительно сказал: - Конечно, знаю! Как не знать такого артиллерийского аса! От самых Понырей в бригаде. Знаю, знаю... Алексеев!

- Тут я, товарищ гвардии полковник! - откликнулся стоящий неподалеку старшина. Подбежал и молодецки вытянулся перед командиром.

- Доведешь корреспондентов до дивизиона, в котором служит старший сержант Родионов. Помнишь, на днях тебе вместе с ним маршал Жуков орден вручал?

- Это тот, что с усиками и забинтованной головой? Ну, шустрый такой?

- Вот-вот, шустрый... Проводи товарищей.

Старшина оказался разговорчивым. На груди у него было три ордена и несколько медалей. Леонида Высокоостровского особенно заинтересовала одна из них - "За оборону Сталинграда".

- В Сталинграде воевали? - спросил Леонид старшину.

- Воевал...- как-то нерешительно сказал старшина.- Правда, я там еще мальчишкой был, воспитанником дивизиона капитана Устинова.

- А сам из Сталинграда?

- Да, сталинградский... Видите ли, как получилось" в самую большую бомбежку города много домов было разрушено, а еще больше сгорело. Мы же с ребятами в это время на пристани были, помогали раненых на пароходы грузить. Ну а когда вернулся домой, дома-то и нет. Нет, и все! Одни черные стены. И ни мамки, ни сестер. Я туда, сюда. Где найти? И куда самому деться? Увидел артиллеристов, они как раз за вокзалом свои орудия устанавливали, - и к ним. Капитан Устинов гонит. "Иди за Волгу,- говорит,- тут скоро бои будут". Я конечно же не ушел, а устроился рядом, в развалинах. Через день уже познакомился едва ль не со всем дивизионом. Одному бойцу ножичек подарил, другому фляжку новую разыскал. И вообще всякие дела помогал делать. За снарядами, к примеру, ходил, воду носил, немецкие цели подмечал, раненым помощь оказывал, убитых хоронил.

В конце концов взяли они меня к себе. А когда подрос - вписали в штат.

- Сколько же тебе лет?

- С марта девятнадцатый пошел...

Спустились в овраг. И здесь тоже стояли пушки.

- У них тут укрытие,- пояснил старшина.- А вообще эти орудия для прямой наводки предназначены. Как понадобятся, значит,- вперед, и с открытых позиций - по фашистам.

В тоне старшины чувствовалось желание подчеркнуть, что он знает всю подноготную артиллерийской службы. А боевые награды казались ему, наверно, не такими красноречивыми, как слова.

Пришли в дивизион. Старшего сержанта Родионова на месте не оказалось, он вместе с другими командирами расчетов был на рекогносцировке. Правда, вскоре оттуда вернулся майор, командир дивизиона.

Познакомились, отпустили старшину-провожатого.

Дивизион действительно предназначался для стрельбы прямой наводкой непосредственно в боевых порядках пехоты.

- Здесь без артиллерии пехота ни одного шага не сделает,- сказал майор.Оборона у фашиста сильная. Оно и понятно - Берлин рядом.

Спросили о расчете Родионова.

- Знаменитый расчет! Родионовцы приняли свой первый бой еще у станции Поныри, на Курской дуге.

Так вот почему нам порекомендовал побывать в этой бригаде

генерал В. И. Казаков!

- Орудие - хоть в музей,- продолжал между тем майор,- больше трех тысяч выстрелов сделало по врагу. Два раза было само подбито, но восстановлено. Асам Родионов ранен семь раз!.. Хотя что это я вам говорю? У нас же тут вся его история изложена. Штаб артиллерии фронта запрашивал...

76-мм орудие системы ЗИС-3 образца 1942 года имело номер 4785. И. М. Родионов, тогда еще наводчик, принял его в июне 1943 года. А 8 июля уже вступил в бой у станции Поныри. Уничтожил 2 тяжелых и 1 легкий танк, 2 орудия и почти роту противника.

В боях при освобождении Севска расчет уничтожил еще 1 танк, 3 самоходки, 2 орудия и 20 фашистов.

В истории упоминаются и бои у белорусского села Теремцы, под городом Речица, у города Жлобина. Выделен подвиг расчета Родионова в окрестностях немецкого города Шнайдемюль. 8 февраля 1945 года он поджег из своего орудия 5 самолетов противника, находившихся на аэродроме. Отличился расчет и здесь, за Одером, подбив танк и самоходку.

Я видел, как радовался и волновался Леонид Высокоостровский, перелистывая записи майора. Артиллерист по образованию, он тоньше и лучше меня разбирался в этих делах.

Но теперь нам нужен был сам И. М. Родионов. А он вернулся в дивизион под вечер. За это время мы успели побывать в полку тяжелой самоходной артиллерии, у саперов, встретились и долго говорили с неугомонным и вездесущим Романом Карменом - руководителем группы фронтовых кинохроникеров.

- Значит, так,- еще издали услышали мы голос у родионовского орудия,приказано выступать в двадцать два часа. А до этого всем обязательно отдохнуть. Дело, товарищи, предстоит горячее...

Голос был молодым, задорным и явно принадлежал "шустрому" человеку, как говорил о Родионове провожавший нас старшина.

Подошли, познакомились. Перед нами действительно был не очень высокий, но довольно крепкий командир расчета. Держался он с достоинством бывалого воина. Отвечал на вопросы не спеша, обдуманно.

- За орудие не нас надо благодарить, а тех, кто его сделал,- инженеров, рабочих. Им же надо сказать великое спасибо и за снаряды. Особенно за подкалиберные. Они даже "тигра" свободно берут... Ну что вам про те бои рассказывать... Жарко было, как в преисподней. Но ничего, выстояли!

И все-таки наводящими вопросами нам удалось разговорить

старшего сержанта. Он поведал нам немало интересного и о других артиллеристах.

- До встречи в Берлине,- сказал, прощаясь с Родионовым, Высокоостровский. Тот опять помедлил с ответом. Потом с уверенностью произнес:

- Встретимся! Я до ихнего Берлина хотя б на одной злости, но дойду, товарищ подполковник! И врежу прямой наводкой по их проклятому рейхстагу!

Да, такой дойдет! Действительно на одной злости, но дойдет!

* * *

С наблюдательного пункта генерала В. И. Чуйкова хорошо просматривалось все поле предстоящего сражения. НП был оборудован на западном скате приодерской возвышенности, покрытой довольно густым сосновым лесом. И все же для более надежной маскировки над блиндажом растянули еще и большую зеленую сеть.

Мы вернулись сюда как раз в те часы, когда на наблюдательном пункте не было ни одного начальствующего лица. Нас поджидал лишь Всеволод Вишневский.

- Павел,- сказал он мне взволнованно-торжественным тоном,- мы являемся свидетелями величайшего исторического события! Сейчас каждая минута - история. Каждый факт, каждое слово - история!

- Идут! - сказал в это самое время Иван Иванович Золин.

На площадке перед НП появились люди. Мы узнали командующего фронтом маршала Г. К. Жукова, члена Военного совета генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина, командующего артиллерией генерал-полковника В. И. Казакова и командующего 8-й гвардейской армией генерал-полковника В. И. Чуйкова.

Ох, как много бы дал каждый из нас, чтобы узнать, о чем думает в эти минуты виднейший советский полководец! О трудных ли днях Москвы? О своих ли приказах, отданных войскам фронта позавчера, вчера, сегодня? Во всяком случае, спокойным Г. К. Жуков не был. Это было заметно по тому, как он то и дело поглядывал на часы. Не шелохнувшись, как изваяние, стоял перед ним и В. И. Чуйков...

Ровно в три часа по местному времени 16 апреля 1945 года рявкнули пушки. Около пятнадцати тысяч орудий и минометов разных калибров открыли огонь по гитлеровским позициям, и залпы этой артиллерийской армады потрясли все окрест. Тысячи зарниц осветили еще темное небо. Высокими кострами заполыхали огни на той стороне, где притаились вражеские войска. Стихия огня и грома, казалось, не знала пределов.

Били осадные орудия. Били дальнобойные пушки. Ревели

разных систем гаубицы. Чертили в воздухе свои огненные трассы мины "катюш". Прямой наводкой вели огонь по врагу пушки, стоящие в боевых порядках пехоты.

Потом, несколько часов спустя, мы увидели результаты этого огненного смерча: развороченные доты и дзоты, заваленные землей окопы и траншеи, разметанные штабные и офицерские блиндажи, сгоревшие танки и бронетранспортеры, тысячи трупов солдат и офицеров.

Но это - потом. А сейчас, в 3 часа 25 минут, на участке, намеченном для прорыва, вдруг вспыхнул невиданный доселе и непонятный врагу источник света. Причем столь сильный, что казалось, будто десятки солнц слились воедино и устремили свои лучи лишь в одном направлении. Это по специальному сигналу зажглись одновременно 143 прожектора.

Гудело небо. Это шли эскадры тяжело нагруженных бомбардировщиков. А чуть ниже их плыли полки штурмовиков.

Все шло по графику, минута в минуту.

Нас потом познакомили со справкой командования фронта. Вот что в ней говорилось: "16 апреля артиллерией и минометами произведено 1 миллион 236 выстрелов. Израсходовано 2450 вагонов снарядов, общим весом почти 98 тысяч тонн. Авиация фронта произвела более пяти тысяч самолето-вылетов".

И вот уже по всему участку прорыва двинулась вперед пехота. Хорошие вести вскоре начали поступать из дивизий 47-й, 3-й ударной, 5-й ударной, 8-й гвардейской и 69-й армий, сосредоточенных на кюстринском плацдарме. Севернее форсировали Одер войска 61-й армии и 1-й армии Войска Польского. С плацдарма южнее Франкфурта перешла в наступление 33-я армия.

Посветлело. Я подошел к Вишневскому. Он буквально сиял. Шепнул мне:

- Великие минуты, Павел!

Великие-то великие, но нам с Высокоостровским пора, пожалуй, отправляться в войска. На одном пафосе оперативную корреспонденцию не построишь. Нужны факты, примеры, цифры.

* * *

Танкисты 1-й гвардейской и стрелковые части 8-й гвардейской армий овладели городом Зеелов. Генерал М. Е. Катуков сразу перевел на окраину этого города свой штаб.

Мы застали у него генерала В. И. Чуйкова. Два командующих уточняли ближайшие задачи своих войск. Чуйков говорил недовольным голосом, два или три раза отпустил довольно крепкие словечки по адресу гитлеровцев. Еще бы! Ведь сколько неприятных сюрпризов приготовили они 8-й гвардейской!

А вообще-то дела на Зееловских высотах с вводом в бой танков пошли гораздо лучше...

Проводив до машины В. И. Чуйкова, М. Е. Катуков сказал нам:

- У меня найдется время рассказать вам лишь самое главное... Армия, к сожалению, решает сейчас не свойственную, не присущую ей задачу - прорывает укрепленный район... Сами понимаете, это все же дело пехоты и артиллерии... Но ничего не поделаешь, создались чрезвычайные обстоятельства. Мы несем, конечно, излишние потери. Но танковая армия есть танковая армия, и пробивная сила у нее немалая. Так вот, корпус генерала Бабаджаняна ведет сейчас бои за город Мюнхеберг, который находится на полпути между Зееловом и Берлином. Вам что-нибудь это говорит? Одиннадцатый танковый корпус хорошо взаимодействует с соседней пятой ударной армией и продвинулся на десять километров... Враг везде упорно и настойчиво контратакует. Но нам активно помогают артиллеристы и авиаторы. Вот, познакомьтесь, командир авиационного корпуса генерал Крупский... Его штурмовики уже несколько раз отводили от нас крупные неприятности...

В это время связист сказал:

- Товарищ генерал, у ВЧ командующий фронтом...

М. Е. Катуков взял трубку. Сначала напряженное и серьезное, лицо его начало постепенно светлеть. Он несколько раз повторил:

- Спасибо!.. Есть! Будет сделано!.. Спасибо за доверие!

Положил трубку, крикнул:

- Шалина немедленно ко мне!

Генерал-лейтенант А. М. Шалин был начальником Штаба армии.

Нам же командарм пояснил, что только что маршал Г. К. Жуков лично поблагодарил танкистов за решительные действия и приказал после прорыва через Зееловские высоты двигаться прямо на Берлин.

- Приказано первыми ворваться в фашистскую столицу!... Товарищ Шалин, вы можете оценить всю значимость такого приказа? Можете? Хорошо. Давайте карту. Приказано к вечеру доложить свои соображения...

Первыми ворваться в Берлин стремились не только танкисты М. Е. Катукова. Генерал Н. Э. Берзарин и его войска тоже жили этой надеждой, хотя и здесь дела шли не так гладко, как бы хотелось...

В штабе 5-й ударной армии нам сказали:

- Поезжайте к генералу Рослому. По нашим наметкам, именно его дивизии должны первыми пробиться к германской

столице...

На этот раз с генералом И. П. Рослым нам удалось поговорить подольше. Но он никак не мог вспомнить о наших встречах под Моздоком и Орджоникидзе.

- Убейте меня, не помню,- говорил генерал.- Как ко мне приезжал Милованов - помню. Как приезжал Борис Горбатов, тоже помню. А вот ваш приезд...

- Мы к вам в первый раз с писателем Петром Андреевичем Павленко приезжали. А во второй - с писателем Габриловичем. А с Горбатовым, товарищ генерал, вы под Моздоком встречаться не могли. Он попросту там не был...

- Неужели? Значит, запамятовал,- несколько смутившись, сказал И. П. Рослый. И тут же посерьезнел.- Думаю, что нам пора перейти на сегодняшние дела... Сразу скажу, что корпус еще нигде не встречал такого яростного сопротивления, как здесь, у Зееловских высот. Одна только триста первая дивизия отбила семь контратак! В ночь на семнадцатое ввели в бой наш резерв двести сорок восьмую дивизию. Она встала левее триста первой... Той, самой пробивной нашей дивизии, конечно же стало легче, и она вместе с тяжелым танковым полком навалилась на город Гузов. К утру восемнадцатого он уже был в наших руках... Двести сорок восьмая тем временем завершила прорыв Зееловских укреплений, и через ее боевые порядки прошли бригады одиннадцатого танкового корпуса генерала Ющука... Прошу прощения, телефон...- Взял трубку.- Слушаю... Какой полк? Повтори! Двадцать седьмой авиадесантный? Это уже что-то новое... Парадно-гренадерский корпус? Разгромили третий дивизион? Молодцы! Обо всем сейчас же доложу наверх. Но, слушай, Владимир Семенович, раз Гузов крепко в руках держишь, иди частью сил на Вульков и Хармерсдорф, понял? Куда-куда командный пункт? В замок? Разрешаю, поселяйтесь в рыцарском замке...

Генерал положил трубку, сделал какие-то пометки на карте и тут же связался с командующим армией Н. Э. Берзариным. Доложил ему о появлении в полосе наступления 301-й дивизии 27-го авиадесантного полка и подразделений из 408-го парадно-гренадерского корпуса противника.

- Антонов отбил все контратаки,- говорил он в трубку.- НП переводит в замок. Приказал ему ударить на Вульков... Есть, чаще информировать штаб армии!

И - к нам:

- Вот какие дела у нас заварились...

Да, дела заварились интересные. Нужно поспешить в сражающиеся части. И мы, распрощавшись с генералом Рослым,

двинулись в путь.

* * *

Поехали вначале опять в Зеелов. Туда должен был перебазироваться КП 8-й гвардейской. Но комендант огорчил: город то и дело бомбит фашистская авиация, поэтому все штабы из него ушли. Перебазировался куда-то и командный пункт Чуйкова. Куда, он и сам не знает...

Стали искать танкистов. Нашли узел связи 1-й гвардейской танковой армии. Здесь нам сообщили, что генерал Катуков из Зеелова тоже выехал. Им же приказано свернуться к вечеру...

- Командный пункт Чуйкова? - переспросил капитан-связист. - Сейчас посмотрю по карте. Кажется, мы отметили, куда он перешел... Ну вот, так и есть - он в балке Вейнберг, вот здесь...

В балке Вейнберг хорошо сохранились многие немецкие блиндажи. Сюда-то и привел свою оперативную группу начальник штаба 8-й гвардейской армии генерал В. А. Белявский.

Сам Виталий Андреевич расположился в просторном офицерском блиндаже, в котором прежние его хозяева оставили даже хороший стол, пять стульев, мягкое кресло и кровать. Мы пошли к нему. Генерал как раз с каким-то чернявым майором разглядывал карту. Нас поприветствовал кивком головы и тут же показал на стулья: садитесь, мол, подождите...

Но вот наконец выпрямился, представил нам майора:

- Знакомьтесь, майор Симонян, работник нашего штаба.

Мы обратили внимание на новенький орден Красного Знамени на груди майора.

- Вот о ком напишите,- посоветовал В. А. Белявский. И тут же рассказал нам о совершенном им подвиге.

16 апреля, когда наша пехота залегла у Зееловских высот, летчик советского самолета сообщил, что вроде бы видел на окраине города Мюнхеберга советские танки. Маршал Жуков потребовал от штаба армии уточнить эти данные.

- Через два часа жду доклада, - сказал маршал.

Решили послать на разведку армейский самолет По-2. Вместе с летчиком полетел и майор Р. Г. Симонян. Легкий и вообще-то беззащитный По-2 на бреющем пролетел сначала над Берлинским шоссе, потом над улицами и площадями Мюнхеберга. Симонян наблюдал. Но советских танков нигде не увидел.

На обратном пути их самолет был подбит, а летчик тяжело ранен. Все же у него хватило сил дотянуть на поврежденной машине до расположения наших войск.

Доставленные Р. Г. Симоняном сведения были тотчас же доложены маршалу Г. К. Жукову. Командующий фронтом сказал В. И. Чуйкову:

- Майору от моего имени вручите, орден Красного Знамени. И передайте, что он молодец!..

Симонян, слушая о себе этот рассказ, смущенно улыбался и не знал, куда деть свои руки.

- Так что герои есть не только в частях, они и в штабах,- подвел итог рассказу В. А. Белявский. И тут же добавил: - И в этом сила наших штабов!

Затем Виталий Андреевич с похвалой отозвался о действиях 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерала В. А. Глазунова. И через четверть часа мы с его разрешения уже ехали в этот корпус.

На дорогах, в малых и больших селениях - следы упорных боев. Разрушенные и обгоревшие коробки домов, покалеченные кирхи, воронки от снарядов и бомб, взорванные мосты и всюду таблички: "Осторожно, мины".

Мюнхеберг весь в развалинах. Едем по узкой дороге, проделанной нашими саперами среди этих развалин.

- Отличная работа! - восхищается наш водитель Сергей Макаров. Но он еще не знает, что уничтожили-то этот город в основном сами гитлеровцы. Их бесноватый фюрер приказывал оставлять советским войскам мертвую землю. Вот и в Мюнхеберге специальные команды взорвали электростанцию, собор, казармы, две фабрики, завод и все здания на центральной площади. Повредили водопровод. И это было сделано до того, как к городу подошли наши танки...

За городом встречаем "виллис". В нем рядом с шофером сидит полковник. А на заднем сиденье - майор с забинтованной головой и медицинская сестра. Знакомимся.

- Командир пятьдесят седьмой стрелковой дивизии гвардии полковник Зализнюк...

- Вы из корпуса генерал-лейтенанта Глазунова?

- Да, из него...

- А мы как раз к вам...

- Что ж, тогда сделаем так,- говорит полковник.- Мою машину отправим в армейский госпиталь. Ранен лучший наш командир батальона майор Хазанов. Ранен еще семнадцатого. Держали в своем санбате, а ему хуже и хуже... Вот я и хотел его отправить в госпиталь... Теперь же пересяду к вам, а мой "виллис" пусть везет майора дальше. Дорогу запомнили? - спрашивает он своего водителя.

- Запомнил, товарищ гвардии полковник.

- Ну, тогда езжай.

Мы тоже тронулись.

* * *

По дороге комдив рассказал нам, что батальон Н. П. Хазанова первым из их соединения форсировал реку Флиссе. Но на том берегу майор был ранен в голову. Батальон возглавил начальник штаба В. Г. Боченков. Враг трижды контратаковал советских воинов, но они удержали рубеж до подхода главных сил полка.

- Кстати, тут недалеко и НП этого полка. Заедем?

Мы согласились.

Командир полка подполковник П. П. Конев как раз говорил с кем-то по рации. Увидев комдива, сказал в микрофон своему собеседнику: "Я тебя вызову попозже, да и сам чаще связывайся со мной. Не зря говорят - один ум хорошо, а два все-таки лучше..."

- С кем это вы?

- С капитаном Чуковским. Взял, понимаете, в плен какого-то гитлеровского офицера, а тот молчит. Требует, чтобы с ним говорил командир, равный ему по чину... Спрашивал, что с ним делать. Приказал отправить на мой НП.

- Правильно! - одобрил решение командира полка Зализнюк.- Мы тоже поговорим с ним вот при товарищах корреспондентах...

Гитлеровец оказался майором, начальником штаба из 20-й моторизованной дивизии. И уже здесь, перед полковником и сразу тремя подполковниками, начал давать показания.

- Задача нашей дивизии состояла в том,- говорил пленный,- чтобы во что бы то ни стало задержать русских на Зееловском рубеже. За оставление позиций каждому солдату и офицеру грозил расстрел. Держались мы, по-моему, стойко. Но огонь вашей артиллерии, ночные и дневные бомбардировки вымотали нас. Только наш полк за два дня боев потерял девятьсот человек... Оставшиеся солдаты и офицеры были сведены в боевую группу. Но и она сегодня перестала существовать. Ваш капитан, который взял меня в плен, очень грамотно провел атаку. Он буквально выкурил нас из траншей. Ну а уже потом мы попали под огонь русской артиллерии... В живых остались я, мой денщик и санитар...

- Есть ли на подходе к фронту свежие части? - спросил майора Зализнюк.

- Конечно. И много!.. Берлин мы будем защищать не хуже, чем вы когда-то свою Москву... Я не могу сказать ничего точного, но слышал, что на оборону столицы рейха ставятся офицерские школы, отряды моряков, дивизии СС, части, снятые с западного фронта.

- Каково моральное состояние ваших войск?

- Наш полк, к сожалению, уже уничтожен... Но всякий немец, думаю, готов скорее умереть, чем отдать Берлин в руки русским!

- Как вы, например? - с презрительной усмешкой спросил

полковник. Пленный майор промолчал. Но когда Комдив собрался уходить, залепетал жалобно и испугано:

- Скажите, господин полковник, меня расстреляют?.. Я сказал вам не все, могу дать новые и более ценные показания. Только сохраните мне жизнь...

- В Красной Армии пленных не расстреливают,- ответил ему командир дивизии.- Мы, советские люди, уважаем и чтим международные законы и правила. А вот вы, фашисты, не придерживаетесь их.

И комдив вышел из блиндажа...

Поздно ночью, закончив работу в полку Конева, мы приехали на фронтовой узел связи. Здесь встретили Бориса Горбатова и Мартына Мержанова. Борис Леонтьевич с улыбкой спросил:

- И что это "Красная звезда" так привязалась к пятой ударной и восьмой гвардейской армиям? Имейте в виду, друзья,- прогадаете. Уверен, что первой в Берлин войдет третья ударная.

И к его словам стоило прислушаться. Горбатов зря говорить не будет...

* * *

20 апреля перед корреспондентами снова выступил начальник штаба фронта генерал-полковник М. С. Малинин. Был он веселее, вернее, оживленнее, чем три дня назад. Снова и более подробно рассказал нам о проклятых, по его словам, Зееловских высотах, о новых оборонительных рубежах, которые предстоит преодолевать советским армиям. Враг, сказал он, долго и старательно готовился к обороне своей столицы. И самым грозным оружием у противника становятся зенитки. Они уже принесли немало бед нашим танковым корпусам. А по мере приближения к Берлину гитлеровцы, по мнению Малинина, все чаще и все в большем количестве будут применять против наших наземных войск зенитные орудия.

И вообще, предупредил начальник штаба фронта, нельзя считать, что на Зееловских высотах разбиты основные силы немецко-фашистских армий. Есть достоверные сведения, что командование вермахта спешно снимает целые дивизии и корпуса с западного фронта и перебрасывает их к Берлину. В ряде мест гитлеровцы вообще прекратили сопротивление войскам союзников.

Тяжелые бои ожидают советские части и соединения и в самом городе, продолжал далее генерал-полковник. Всем ведь памятно, как умело, использовал противник крепостные сооружения в Познани и Кюстрине, как упорно сопротивлялся на улицах и площадях. В Берлине же возведены еще более мощные укрепления, а количество их в десятки раз превышает познанские

и Кюстринские. Там есть метро, множество каналов...

- И все же у нас есть полная уверенность в том, что Берлин в самое ближайшее время будет взят! - заключил М. С. Малинин.

В этих его словах - уже что-то новое. Ведь обычно начальник штаба фронта не делал прогнозов, остерегался говорить о ближайших планах. Значит, сейчас ему разрешено поставить все точки над "и". И пожалуй, это самое правильное. Ведь до сих пор творилось что-то странное: в армиях шло соревнование за право тому или иному соединению первому ворваться в Берлин, а штаб фронта ставил на всех этих сообщениях гриф "Строго секретно".

Корреспонденты спросили Малинина, как обстоят дела на 1-м Украинском фронте.

- Танковые армии этого фронта уже на подходе к Берлину,- ответил генерал-полковник.- Успешно наступают по своим направлениям и другие армии маршала Конева...

Сразу же после этой своеобразной пресс-конференции мы с Высокоостровским поехали в 3-ю ударную армию. Нашими попутчиками были правдисты Борис Горбатов и Мартын Мержанов. Еще дорогой они предложили нам не заезжать в штаб армии, а проехать в 79-й стрелковый корпус, где у них уже появились хорошие знакомые. Мы не возражали.

На НП корпуса Горбатова приветствовал сам начальник политотдела полковник И. С. Крылов.

- Вам очень повезло, Борис Леонтьевич,- сказал он.- Ваша любимая сто пятидесятая временно во втором эшелоне и сейчас находится в окрестностях Кунерсдорфа.

Мы сразу же развернулись и помчались туда.

* * *

Кунерсдорф, тезка знаменитого города, у стен которого еще в 1758 году русские войска наголову разгромили армию Фридриха II, оказался небольшим населенным пунктом. На стенах домов, на мостовых - пробоины, пулевые и осколочные оспины, воронки. Следы жарких боев.

Командир дивизии генерал В. М. Шатилов сразу же увел куда-то наших попутчиков-правдистов. Нас же, краснозвездовцев, оставил на попечение своего адъютанта.

- А нет ли поблизости какого-нибудь вашего полка? - спросил я у лейтенанта, адъютанта комдива, чтобы не терять зря времени.

- Есть. Через три дома находится штаб семьсот пятьдесят шестого полка. Командир - полковник Зинченко Федор Матвеевич...

Зинченко сидел за столом, а перед ним стоял навытяжку высокий сержант. Когда мы вошли, сержант обернулся. У него было простое, сильно обветренное лицо. Да и весь он был более

похож на тракториста или комбайнера, по ошибке надевшего военную форму.

Мы попросили полковника свести нас с бойцом или командиром, отличившимся в последних боях.

- А вот один из них перед вами,- ответил Ф. М. Зинченко.- Сержант из взвода нашей разведки Михаил Егоров. Вы только посмотрите на его грудь и сразу же поймете, что это за воин...

Наград у сержанта было немало: ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Славы III степени, медали "За отвагу" и "За боевые заслуги".

Что ж, Егоров так Егоров.

- Прошу всех за мой стол. И говорите, сколько хотите,- сказал Зинченко.- А вы, Егоров, не очень-то скромничайте. Расскажите корреспондентам, когда и за что получили каждую награду. Ну а за мной - заключение. Согласны?

Ну еще бы нет!

Так неожиданно мы встретились с Михаилом Егоровым, с интереснейшим человеком. И еще скажу: потом этой нашей удаче будут откровенно завидовать едва ли не все корреспонденты.

Разговорились. Михаил Егоров рассказал нам, что родился в мае 1925 года в деревне Ермощенки Богдановского сельсовета Руднянского района Смоленской области. Действительно, до войны работал на тракторе. Но только не трактористом, а прицепщиком. Война навалилась как глыба, как лавина. Ошарашила, оглушила. Раздумывал недолго. Уже 5 мая 1942 года оказался в партизанском отряде, который действовал в смоленских и белорусских лесах.

Вскоре ему поручили почетное, но и рискованное дело - зачислили в разведку. Со своим отделением он доставил командованию сто сорок "языков", пустил под откос пять воинских эшелонов противника, подорвал несколько мостов, уничтожил десятки легковых и грузовых машин врага.

А затем к их местам подкатил фронт. Партизаны соединились с частями Красной Армии. Михаил Егоров попал в 756-й полк 150-й стрелковой дивизии.

Здесь его тоже зачислили во взвод полковой разведки. Снова доверили отделение. С боями прошел по Прибалтике, Польше, а вот теперь здесь, в Германии...

Однажды, еще во время боев в Прибалтике, его отделению поручили взять "языка". При этом подчеркнули, что лучше бы, конечно, офицера...

В осеннюю ночь, пройдя по грудь в ледяной воде по болоту, проникли в расположение противника. Выследили офицерский блиндаж. Бесшумно сняли часового. В блиндаже взяли сонного

капитана, связали и снова через то же болото, толкая перед собой плотик с "языком", вернулись к своим...

- А как идут дела здесь? - спросил я Михаила.

- Нормально,- пожал плечами сержант.

"Нормально... Ох и скромный же ты человек, Михаил Егоров! Постеснялся рассказать о своем очередном подвиге, совершенном уже здесь, в районе Зееловских высот..."

Эти мысли мелькнули у меня уже после того, как полковник Ф. М. Зинченко сам рассказал нам о самоотверженных действиях сержанта.

А дело было так. 756-й стрелковый полк вел бой с противником, засевшим за железнодорожной насыпью. Вот тогда-то Егоров и обнаружил в насыпи сточную трубу. Прочистил ее, пролез на ту сторону, засек пулеметные гнезда и минометные позиции врага. А затем с десятком добровольцев перебрался той же трубой в тыл к гитлеровцам. И когда наша артиллерия ударила по разведанным им огневым точкам, группа Егорова атаковала противника с тыла...

Свой рассказ полковник Ф. М. Зинченко закончил сообщением:

- За этот подвиг Военный совет армии наградил сержанта Егорова вторым орденом Красного Знамени. На днях вручили...

А впереди еще был Берлин. И бои за рейхстаг. И водружение над ним вместе с Мелитоном Кантария Знамени Победы. Но мог ли знать Михаил Егоров, что очень скоро его имя будет золотыми буквами вписано в героическую летопись Великой Отечественной войны! Нет, сейчас ни мы, ни полковник Зинченко, ни сам Егоров не знали, что так произойдет. Сейчас этот сержант-разведчик просто покорил нас своей непосредственностью, прямотой и какой-то даже не свойственной его возрасту мудростью. И конечно же ратными делами, за которые его уважали и любили в полку. Именно они, эти ратные дела, и дадут ему потом право взять в руки древко святого Знамени Победы!

Да, это еще будет. А пока же... Пока же наш разговор с отважным разведчиком прервал вбежавший связной. Он доложил Зинченко:

- Товарищ полковник, вас к генералу...

Михаил Егоров тоже поспешил в свой взвод. Поняли и мы; вызов командира полка к комдиву не случаен. Поэтому вместе с Ф. М. Зинченко пошли на КП дивизии.

* * *

В моем личном архиве есть копия "Справки штаба артиллерии 1-го Белорусского фронта". В ней сказано, что первый артиллерийский залп по Берлину произвел в 11 часов 20 апреля

1-й дивизион 30-й гвардейской пушечной артиллерийской бригады 47-й армии. Дивизионом командовал майор А. И. Зюкин. Через час тридцать минут ударил по нацистской столице и 1-й дивизион 642-го пушечного полка 2-й бригады 5-й артиллерийской дивизии прорыва. Несколько позднее к этим дивизионам присоединили свой огонь и артиллеристы 3-й и 5-й ударных, а также 8-й гвардейской армий...

За только что взятым городом Штраусбергом на шоссе, ведущем в Берлин, мы застали развертывание гаубичного артиллерийского полка. На большой скорости мощные "студебеккеры" подходили к месту, где стоял артиллерийский подполковник, и резко тормозили. Подполковник четко отдавал нужные команды.

Думается, что никогда за всю войну артиллерийские расчеты не работали еще здесь с таким воодушевлением и так быстро, как сейчас. Куда не могли пройти машины, орудия мгновенно выкатывались на руках. Мы с Высокоостровским буквально залюбовались ювелирной и слаженной работой артиллеристов.

Предыдущие команды мы не слышали. А вот последнюю и самую главную, которую как-то даже торжественно произнес подполковник, услышали. И не могли не услышать, так как он скомандовал:

- По Берлину, столице фашистской Германии, первый, второй, третий дивизионы - огонь!

Раздался залп. Потом еще и еще. Наступила пауза.

И... в воздух полетели пилотки, фуражки, послышались ликующие крики "ура". Во 2-м дивизионе бойцы начали кого-то качать...

Мы подошли к замполиту полка майору Веденееву.

- Смотрите, ну самый настоящий праздник! - восторженно сказал он.- И хотя мы наверняка уже не первыми ведем огонь по Берлину, но удовлетворение всеобщее. И я бы даже сказал - великое!.. А теперь пройдемте-ка на огневые, посмотрим, что написали артиллеристы на снарядах...

Да, это стоило посмотреть! "Вот тебе, фюрер, советский гостинец!" - было написано на одном снаряде. На других: "Смерть фашистским головорезам!", "Вралю Геббельсу от советских солдат", "Вот мы и пришли, встречайте!", "Наши вашим", "Уральский подарочек" и так далее...

Подошло еще три машины. Из одной вышел генерал-полковник Н. Э. Берзарин, из другой - генерал-лейтенант Ф. Е. Боков. Подполковник подбежал к командующему армией, собрался было отрапортовать, но... попал в объятия генерала. Н. Э. Берзарин поцеловал подполковника, сказал:

- Поздравляю, дорогой, поздравляю!..

- Что нового? - спросили мы у Берзарина, тоже подойдя.

- О-о, новостей много! - ответил командарм.- Но, пожалуй, самая важная пришла сегодня от нашего правого соседа. Сорок седьмая совместно с гвардейцами из девятого танкового корпуса взяла город Бернау!

Мы помчались туда. На окраине нашли командира 125-го стрелкового корпуса генерала А. М. Андреева.

- Опоздали, товарищи корреспонденты, опоздали,- сказал он нам.- Ведь мы -сегодня дали первый залп по Берлину!.. Но, думаю, артиллеристы из тридцатой гвардейской пушечной артиллерийской бригады далеко не ушли, догоняйте...

Но, к сожалению, в артиллерийский дивизион гвардии майора А. И. Зюкина мы в тот день так и не попали. Нас срочно вызвали в штаб фронта, на узел связи. На проводе была Москва...

* * *

Утром 22 апреля за мной пришел посыльный от начальника штаба фронта генерала М. С. Малинина.Я было подумал, что он попросит меня собрать корреспондентов для очередной беседы, но Малинин неожиданно спросил:

- Карта Рокоссовского с вами?

Да, карта была со мной. Кстати, я возил ее с собой от самой Москвы.

Вышли на улицу. У штаба уже стояла автомашина с двумя автоматчиками на заднем сиденье.

- Разместимся? - спросил начальник штаба. Разместились. Малинин коротко бросил водителю:

- В Берлин!

Я знал, что войска нашего фронта уже ведут бои в фашистской столице. И все же слова генерала отозвались в сердце ликующей песней. Советские войска в Берлине!

Мы ехали дорогами, по которым перед этим с ожесточенными боями прошли наши армии. Шоссе и обочины были изрыты снарядами и бомбами, придорожные деревья и кустарники опалены огнем.

С обеих сторон дороги - стальные коробки подбитых танков, покореженные орудия, порыжевшие от огня скелеты машин. Валяются бесформенные останки самолетов, высятся штабеля ящиков со снарядами и минами. Из земли торчали бетонные противотанковые надолбы, ежи из рельсов. И всюду - кресты, кресты... Целые кладбища!

Весенний воздух стойко пропитан запахами гари.

- Полный разгром,- говорит, оборачиваясь ко мне, Малинин. - Такого, пожалуй, я не видел и под Сталинградом...

Да, война пришла в самое сердце гитлеровской Германии. Пришла с ответным огнем и кровью. И отчаянное сопротивление гитлеровцев лишь увеличивает эту кровь...

Видим и другие картины. Вот шагают навстречу строем юноши с трехцветными повязками на рукавах. Это французские рабочие, силой угнанные с родины на германские заводы. Везут на тачках скромный скарб бельгийцы. Идут чехи, югославы, венгры. Вот толпа пленных английских летчиков. А это освобожденные из лагеря американские солдаты, захваченные в плен в Арденнах...

И конечно же русские, украинцы, белорусы. Наших тысячи, многие тысячи! Слышатся слова горячей благодарности своим советским братьям за освобождение из фашистской неволи...

Вскоре наша машина подъехала к позициям одного из артиллерийских подразделений. Генерал-полковник М. С. Малинин молодо соскочил с сиденья. Навстречу ему уже шел усатый майор. Шел лихо и гордо. Торжественно доложил:

- Товарищ генерал-полковник, второй гаубичный дивизион гвардейского тяжелого артиллерийского полка ведет огонь по столице немецко-фашистской Германии - Берлину! Командир дивизиона гвардии майор Сурков!

Генерал попросил майора провести его на огневые позиции. Здесь шла обычная боевая работа. Отрывисто подавались команды. Гремели залпы. Земля подрагивала, в ушах звенело. А чуть в стороне, у снарядных ящиков, на корточках сидели несколько бойцов. У них в руках мы заметили малярные кисти.

- А это что такое? - поинтересовался Малинин. Сурков улыбнулся:

- Ребята, товарищ генерал, пишут берлинские адреса...

Да, думали ли фашисты, развязывая войну против Советского Союза, что в апреле сорок пятого наши снаряды будут рваться в центре Берлина? Нет, вряд ли.

В одной из берлинских квартир, занятой штабом нашей части, мне показали любопытный документ - письмо офицера гитлеровской армии, присланное своему дяде, хозяину квартиры. Вот его дословный перевод:

"Под Москвой. Ноябрь 1941 года.

Дорогой дядюшка! Я не могу в эти минуты не вспомнить тебя и своего обещания тебе. Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву. Я не боюсь тебе раскрыть этой замечательной военной тайны, так как она перестала быть тайной и для нас и для большевиков. Через несколько часов это наступление начнется. Я видел тяжелые

крупповские пушки, которые будут обстреливать Кремль. Я видел наших гренадеров, которые должны первыми промаршировать по Красной площади. Это конец, дядюшка. Ты знаешь, я не восторженный юноша и не невежда. Это - конец. Москва наша, Россия наша, Европа наша... Тороплюсь. Зовет начальник штаба. Напишу теперь уже из Москвы".

Вот чего они ждали и на что надеялись!

Трудно узнать дальнейшую судьбу автора этого письма. Не знаем, что случилось и с его дядюшкой. Осталось лишь одно убедительное примечание к письму "завоевателя" Москвы, России, Европы: в квартиру его родственника попал снаряд из русского орудия!

По лестнице поднимаемся на пятый этаж одного из домов. Здесь расположился наблюдательный пункт генерала С. Н. Переверткина, командира стрелкового корпуса из 3-й ударной армии.

Перед нами лежал Берлин. До самого горизонта громоздились дома, корпуса и трубы заводов, многочисленные кирхи вздымали свои острые высокие шпили. В нескольких местах зеленели массивы садов и парков.

Там и тут клубился черный дым, собираясь над городом в громадное тяжелое облако. Немецкая столица горела. А гром артиллерийской канонады все сотрясал и сотрясал воздух, дома, землю. По Берлину били многие тысячи пушек.

Но и Берлин отвечал тысячами снарядов и мин. Через несколько минут, например, наш дом вздрогнул. Генералу Переверткину доложили:

- Два неприятельских снаряда пробили стену второго этажа.

- Прошу спуститься в подвал,- сказал нам Переверткин.

В тот день к немецкой столице подошли все армии ударной группировки фронта. С юга в Берлин ворвались соединения 1-го Украинского фронта. На севере успешно наступали войска маршала К. К. Рокоссовского.

- Дай-те вашу карту,- вдруг снова попросил Малинин. Я подал. Начальник штаба фронта правее записи, сделанной еще в октябре 1941 года К. К. Рокоссовским, написал:

"Сим удостоверяю, что мы в Берлине! Начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник М. С. Малинин, бывший начальник штаба 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский. Берлин, 22 апреля 1945 года".

Малинин вскоре уехал в штаб фронта, а генерал Переверткин, высокий и молчаливый, показал мне несколько донесений из частей корпуса. Вот некоторые из них:

"Вступили в квадрат "4". Движение прекратили. Стреляет

каждый дом, каждое окно. Подтягиваем артиллерию..."

"Батальоны залегли. Продвигаться вперед невозможно: сильный огонь со всех сторон. Ждем танки и самоходные орудия..."

Да, ожесточение боев в Берлине было предельным. Достаточно сказать, что за первые десять часов непрерывных атак части корпуса генерала С. Н. Переверткина продвинулись вперед в общей сложности на... восемьсот метров!

Казалось, что перед советскими воинами не просто вражеский город, столица, а каменное чудовище, начиненное динамитом и сталью; что здесь нет обычных домов, а одни лишь крепости; что вместо площадей и скверов везде огневые позиции артиллерии и минометов, зарытые в землю танки.

Между тем в Берлин вступали все новые и новые части Красной Армии. Германская столица становилась тесна для них. Улицы были забиты танками, самоходными орудиями, автомашинами, обозами, пустыри не вмещали артиллерию. Срочно растаскивались завалы, на улицах делались проходы, дорожные батальоны устанавливали маршруты одностороннего движения. Убиралась разбитая вражеская техника - изуродованные "тигры" и "пантеры", длинноствольные зенитки, неуклюжие бронетранспортеры, минометы, машины.

В немецкой столице было немало важных военных объектов - вокзалы, аэродромы, мосты, электростанции, здания имперской канцелярии, министерств. И все-таки важнейшим объектом являлся конечно же рейхстаг. В нем в свое время прусское юнкерство и рурские финансовые магнаты провозгласили Гитлера канцлером. Здесь была совершена самая гнусная в истории политическая провокация, известная как поджог рейхстага, которая и послужила предлогом для расправы фашистов с героической Компартией Германии. Здесь принимались дикие, человеконенавистнические законы, произносились погромные речи. И советские воины, хорошо понимая все это, шли к рейхстагу как к цитадели фашизма, главной крепости кровавого германского империализма...

Случилось так, что наибольший территориальный успех уже в первые дни сражения выпал на долю 3-й ударной армии, которой командовал генерал-полковник В. И. Кузнецов. Тогда-то Военный совет 1-го Белорусского фронта и приказал этой армии повернуть на Берлин . захватить северную его часть и в дальнейшем наступать через район Моабит к парку Тиргартен.

- Думается, вы первыми подойдете к рейхстагу,- сказал маршал Г. К. Жуков, ставя задачу генералу В. И. Кузнецову.- Будьте к этому готовы. И помните, рейхстаг - объект не столько

военный, сколько политический!

25 апреля мы с Леонидом Высокоостровским, устроившись в одной из квартир в уже отбитом у врага квартале, дописывали корреспонденцию о боях в берлинском метро. И вдруг кто-то постучал в дверь. Я открыл ее. Вошли Борис Горбатов и Мартын Мержанов.

- Вот они где! - сразу же зашумел Горбатов.- Мартын, посмотри, о чем пишут эти разбойники пера... - И сел на стул рядом со мной. Сказал все так же возбужденно:

- Ищем вас с самого утра... Военный совет третьей ударной армии уже раздал по дивизиям знамена, которые должны быть водружены над берлинским рейхстагом! Так вот, "Правда" с удовольствием выдает эту тайну "Красной звезде". А вы, если встретитесь с известинцами, поделитесь новостью с ними.

Вот это действительно новость! И мы начали еще торопливее дописывать свою корреспонденцию.

* * *

На следующий день мы уже были в 3-й ударной. Здесь член Военного совета армии генерал А. И. Литвинов подтвердил, что да, действительно учреждены и вручены дивизиям девять знамен.

Все они были пронумерованы. И знамя No 5 досталось 150-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор В. М. Шатилов. А тот в свою очередь вручил это знамя командиру 756-го стрелкового полка полковнику Ф. М. Зинченко...

Тем временем части корпуса генерала Переверткина с упорными боями продвигались к центру вражеской столицы. Жаркие схватки шли буквально за каждую улицу, за каждый дом. И наконец 28 апреля дивизии генерала Шатилова и полковника Негоды пробились к реке Шпрее. За ней уже лежали Тиргартен, Аллея побед, Шарлотентеатр, рейхстаг. И тут в 3-ю ударную армию пришел конкретный приказ из штаба фронта:

- Штурмом взять рейхстаг!..

Генерал С. Н. Переверткин рассказывал нам, корреспондентам:

- Враг занимает оборону по южному берегу Шпрее, а также в домах по всему полукружию Королевской площади. На подступах к рейхстагу созданы мощные укрепления. По существу, каждое здание - крепость. Площадь во всех направлениях разрезают траншеи с пулеметными площадками. Вокруг рейхстага и в парке Тиргартен стоят зенитные батареи, могущие вести огонь и прямой наводкой. За противотанковым рвом, заполненным водой, скрыты пятнадцать железобетонных дотов...

Нет никакого сомнения в том,- продолжал далее комкор,- что хорошо подготовлен к обороне и сам рейхстаг. По нашим

сведениям, окна его заложены кирпичом и мешками с песком, из амбразур в которых торчат стволы многочисленных пулеметов и пушек. Гарнизон непосредственно в рейхстаге насчитывает, по мнению наших разведчиков, более тысячи солдат и офицеров. А всего в его районе засело почти шесть тысяч гитлеровцев. Среди них и батальон курсантов военно-морской школы города Ростока, выброшенный сюда сегодня ночью на парашютах...

Всеми действиями по штурму рейхстага руководил лично командарм генерал-полковник В. И. Кузнецов. Он, например, ставил задачи полкам 150-й и 171-й дивизий. Штурмовыми батальонами командовали С. А. Неустроев, В. И. Давыдов и К. Я. Самсонов. Вместе со стрелковыми частями в бой должна была пойти и 23-я танковая бригада.

Утром 29 апреля наши части атаковали позиции противника в районе моста Мольтке. Артиллерия всех калибров, в том числе и тяжелые гаубицы, била по врагу прямой наводкой. День потускнел от огня и дыма...

А 30 апреля, тоже утром, меня неожиданно позвали к маршалу Г. К. Жукову. Поспешил к нему.

Георгий Константинович, склоненный над бумагами, не поднимая головы, ответил на мое приветствие. И тут же сказал:

! - Вы, товарищ Трояновский, не получив моего согласия на встречу, начали, оказывается, действовать через Москву. Что ж, подвальная настойчивость... Словом, одна высокая инстанция попросила меня принять старшего корреспондента "Красной звезды"...

Дело в том, что со дня назначения маршала Г. К. Жукова на пост командующего 1-м Белорусским фронтом корреспонденты центральных газет неоднократно пытались увидеться и поговорить с ним. Но всякий раз получали вежливый отказ. И вот тогда-то мне и пришла в голову мысль попытаться попасть к маршалу... через Москву. Я предложил редакции очерк или репортаж о рабочем дне нашего командующего, одновременно предупредив нового главного редактора газеты генерала И. Я. Фомиченко, что на это необходимо согласие ЦК партии и Главпура. Иллариону Яковлевичу понравилось мое предложение, и он со своим заместителем полковником В. П. Московским несколько дней провел в организационных хлопотах. После этого-то из Москвы последовал звонок маршалу...

- Ни целый день, ни даже полдня я с вами провести не смогу,- сказал между тем Георгий Константинович.- И вообще не уверен, будет ли у меня время ответить на ваши вопросы... Но из разговора с Москвой я понял так, что в крайнем случае можно ограничиться тем, что вы просто побудете у меня. Вот этот

крайний случай меня и устраивает. Договоримся: садитесь вон к тому окну. И постарайтесь не мешать мне работать. Время сейчас очень горячее...

И действительно, не успел я сделать первые записи в блокноте об обстановке в кабинете маршала, как зазвонил телефон ВЧ.

- Готовите атаку на рейхстаг? - взяв трубку, переспросил Г. К. Жуков. Я понял, что звонят из 3-й ударной армии.- Торопитесь, товарищ Кузнецов. Берзарин уже у имперской канцелярии... Не забывайте, что завтра Первое мая... Не жалейте снарядов и мин. Лучше используйте тяжелые гвардейские минометы... Жду более приятных сообщений...

Вошел генерал-полковник В. И. Казаков. Увидев меня, улыбнулся. Он знал о моем письме в Москву...

В. И. Казаков разворачивает свою карту и начинает докладывать, куда передислоцированы артиллерийские части особой мощности. Маршал молча слушает, а потом говорит:

- Побольше огня вот сюда, по имперской канцелярии. Если верно - фюрер там, пусть-ка на своей шкуре узнает, что такое война...

И еще:

- Немедленно усильте двумя-тремя бригадами стыки войск за Потсдамом. Готовьте массированный удар всей наличной артиллерии по районам Берлина, которые еще удерживают фашисты...

Едва вышел В. И. Казаков, как появился командующий 16-й воздушной армией генерал-полковник авиации С. И. Руденко. У него тоже своя карта, которая ложится на стол Г. К. Жукова.

- Ваше приказание выполнено, товарищ маршал,- докладывает С. И. Руденко.Через полчаса специальные группы самолетов нанесут бомбовый удар по объектам центрального сектора Берлина.

- Войска предупреждены?

- В семь утра об этом доложено Малинину...

Новый звонок по ВЧ.

- Слушаю. Я, Михаил Ефимович... Так... Так... Это плохо. Не гоните танки на гибель. Ни одну машину не оставляйте без автоматчиков и саперов! Смотрите, товарищ Катуков, строго спрошу, если будут лишние потери!

Тем временем Руденко, получив разрешающий кивок маршала, удаляется. А Георгий Константинович, бросив взгляд на часы, говорит мне:

- Сейчас мне предстоят долгие разговоры с Москвой... Так что идите пока... ну хотя бы к разведчикам, поговорите там с какими-

нибудь интересными пленными. У них их много... А минут через сорок зайдете уже без доклада...

* * *

Вернувшись через сорок минут к Г. К. Жукову, застаю у него начальника тыла фронта генерала Н. А. Антипенко. Генерал докладывает командующему о подвозе продовольствия для населения Берлина.

- Для детей молоко надо искать,- хмурится маршал.- Директива же правительства предельно ясна: выделить продовольствие для населения Берлина. Будем кормить немцев - стариков, старух, детей, рабочих... И не забывайте, Николай Алексеевич, что мы с вами за каждый килограмм муки, сахара и жиров, недоданных Берлину, будем отвечать головой!..

Пришли железнодорожники. За ними - недавно назначенный комендантом Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин.

Жуков встретил его на середине комнаты, обнял. Я смотрел на маршала и не верил своим глазам. Лицо его потеплело. Властное выражение сменилось доброй улыбкой.

- Садитесь, Николай Эрастович, прошу. - И оба они сели за большой стол.

Н. Э. Берзарин начал докладывать о нуждах Берлина и о том, как он намечает их удовлетворять. Я слушал его и думал: сколько же забот сразу легло на плечи советского коменданта немецкой столицы! Электричество. Вода. Госпитали и больницы. Бездомные дети. И конечно же проблема продовольствия. Острая проблема!

По тому, как Жуков слушал Берзарина, как смотрел на него, каким тоном говорил с ним, можно было без труда догадаться, что маршал очень ценит и уважает командующего 5-й ударной армией. Но прощаясь с ним, маршал все же сказал:

- Николай Эрастович, не забывай, что ты в первую очередь командующий армией и что перед ней стоят большие задачи...

- Не сомневайтесь, Георгий Константинович, пятая ударная свои задачи решит вовремя и с честью!

- Один вопрос, товарищ маршал, всего один вопрос,- сказал я, когда Н. Э. Берзарин вышел.- Почему при назначении коменданта Берлина ваш выбор пал именно на Берзарина?

Жуков посмотрел на меня, как показалось, с укоризной. Мол, какие тут могут возникнуть вопросы, все же ясно. Но все-таки сказал:

- С моей точки зрения, Берзарин - самый подходящий для этого ответственного поста. Он хороший военачальник, умный администратор. Сюда надо приплюсовать и его обаяние, умение всегда быть ровным, редкую способность ладить с людьми...

Новый звонок по ВЧ.

- Жуков слушает... Да, я узнал тебя, Василий Иванович. Что? Части Переверткина на пути к рейхстагу? Хорошо! Сильное сопротивление? А ты думал, что фашисты преподнесут тебе свой парламент на блюдечке?.. Не давай врагу передышки, все время атакуй! В залах рейхстага могут сыграть большую роль противотанковые гранаты, дымовые шашки, огнеметы... А знамя?.. Хорошо! Желаю успеха.

Слушая этот телефонный разговор, я понял, что мне больше в кабинете у Г. К. Жукова находиться нет смысла. Надо спешить в 3-ю ударную. Там сейчас разворачиваются главные события. И если опоздаю...

Я поблагодарил маршала за время, проведенное в его кабинете, попросил разрешения выйти и уже через минуту мчался на квартиру, где меня заждался Высокоостровский.

Кстати, материала для репортажа о рабочем дне командующего фронтом было в блокноте более чем достаточно.

Командир корпуса генерал С. Н. Переверткин встретил нас словами:

- А я только сию минуту подумал о "Красной звезде"... Правдисты тут, известинцы тут, тассовцы и кинооператоры тут. А вот представителей нашей военной газеты почему-то нет... Но все равно вовремя приехали.

И он познакомил меня и Высокоостровского с последними событиями.

Бой за рейхстаг начался с массированной артиллерийской подготовки. И когда огонь достиг предела, над Королевской площадью взвились красные ракеты. Это был сигнал к атаке. Батальоны капитанов В. И. Давыдова, С. А. Неустроева, старшего лейтенанта К. Я. Самсонова, а также отдельные группы майора М. М. Бондаря, капитана В. Н. Макова и других пошли вперед. Двигались танки. Била по врагу артиллерия.

Тут же ожили все уцелевшие огневые точки врага. Затрещали пулеметы, начали рваться снаряды, мины, фаустпатроны. Площадь превратилась в огненный ад.

В батальоне Неустроева первым бежал к цели Петр Пятницкий. В левой руке он держал флажок, в правой - автомат. Но... взбежав на лестницу рейхстага, Пятницкий упал, сраженный пулей. Окровавленный флажок из рук героя взял коммунист Петр Щербина. Под градом пуль отважный воин пробрался к первой колонне рейхстага и прикрепил флажок к ней.

Впереди батальона Самсонова устремились к рейхстагу комсомольцы Михаил Еремин и Григорий Савенко. То короткими перебежками, то переползая от одного укрытия к другому, они упорно, шаг за шагом сближались с врагом, увлекая за собой

товарищей.

Знамя No 5 несут разведчики Михаил Егоров и Мелитон Кантария.

- Вот пока все, что мне известно,- закончил генерал.

А в это время бой шел в помещениях рейхстага. Штурмующие подразделения метр за метром, комнату за комнатой, этаж за этажом очищали его от фашистов. На лестницах и в коридорах то и дело вспыхивали рукопашные схватки...

Рано утром 1 мая над рейхстагом уже развевалось красное знамя, ставшее Знаменем Победы. Его водрузили М. А. Егоров и М. В. Кантария во главе с заместителем командира батальона по политической части лейтенантом А. П. Берестой при поддержке автоматчиков роты И. Я. Сьянова. Это знамя символически, воплотило в себе все знамена и флажки, которые были водружены группами капитана В. Н. Макова, лейтенанта Р. Кошкарбаева, майора М. М. Бондаря и многими другими советскими воинами.

Командующий 3-й ударной армией генерал-полковник В. И. Кузнецов позвонил на командный пункт маршала Г. К. Жукова:

- На рейхстаге - красное знамя! Ура, товарищ маршал!

- Дорогой Василий Иванович,- ответил ему Жуков,- я сердечно поздравляю тебя и всех твоих бойцов с замечательной победой! Этот исторический подвиг войск никогда не будет забыт советским народом!

А в рейхстаге все еще продолжались упорные бои. Они длились еще более суток, и только 2 мая гитлеровский гарнизон сдался. Комендантом рейхстага был назначен полковник Федор Матвеевич Зинченко.

Мы заночевали у генерала С. Н. Переверткина и только утром 2 мая попали в рейхстаг.

Берем первые интервью.

Ф. М. Зинченко:

- Настроение хорошее. Сегодня реально увидели - конец войне... Бои были трудные, пожалуй самые трудные за все время войны. Герои - весь полк. И еще артиллеристы, танкисты, саперы, связисты, медицинские работники...

С. А. Неустроев:

- Радость, конечно, великая. Но говорить с вами не могу: смертельно устал...

А. П. Берест:

- Победители - наши замечательные советские солдаты. Рядовые солдаты! А запевалы победы - коммунисты и комсомольцы...

И. Я. Сьяиов:

- Нам просто выпал случай, счастливый случай. Если бы на

нашем месте были другие дивизии, другие полки, другие батальоны и роты - конец бы был такой же. Победа!

Михаил Егоров:

- Очень жаль Петра Пятницкого. Вот настоящий советский богатырь! Прошу не забывать - он первым из нашего батальона достиг стен рейхстага. Вечная память, вечная слава ему!

Мелитон Кантария:

- Спасибо командованию, что такое великое поручение было доверено колхозному комсомольцу из-под Кутаиси!

В ночь на 8 мая корреспонденты газет и радио были вызваны к члену Военного совета фронта.

- Германия разбита,- заявил нам генерал-лейтенант К. Ф. Телегин.- Завтра будет подписан акт о капитуляции. На эту церемонию каждой газете дается по два места - одно для корреспондента, другое для фотокорреспондента...

Стоит ли говорить, как нам всем хотелось поприсутствовать при подписании акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии! Но...

- Кто будет от "Правды?" - спросил между тем Телегин.

Рядом сидят Всеволод Вишневский, Борис Горбатов, Мартын Мержанов, Иван Золин, Яков Макаренко, Виктор Темин - все правдисты.

Мержанов говорит:

- Горбатов.

Горбатов - в свою очередь:

- Мержанов.

- Но кто же все-таки будет от "Правды"?..

Находим дипломатическую лазейку:

- Горбатов и Вишневский будут от писателей.

- "Известия"?

- Леонид Кудреватых, а от писателей - Всеволод Иванов и Лев Славин.

- "Красная звезда?"

- Леонид Высокоостровский.

- А ты? - толкает Высокоостровский меня.- Ты же ветеран на этом фронте.

Я что-то шепчу ему, но он не понимает и произносит мое имя.

- Трояновский назначается старшим среди корреспондентов на завтрашнем мероприятии. Он пойдет сверх нормы,- говорит К. Ф. Телегин.

- Тогда Константин Симонов.

Но рядом сидит еще Кривицкий. Как же ему завтра не быть в Берлине! И мы предлагаем кандидатуру публициста Александра

Кривицкого. Военный совет не возражает.

На прощание начальник политуправления генерал-лейтенант С. Ф. Галаджев говорит:

- А вообще-то приезжайте завтра в Берлин все. Устроим...

Утро выдалось солнечное, теплое. Берлин уже перестал дымиться, успел даже немного почиститься. В парках и скверах появились ребятишки,, торговцы открывали свои лавки. И хотя никто из берлинцев конечно же не знал, какой сегодня предполагается исторический день, все же тысячи из них вышли на улицы.

Мы с Высокоостровским где-то в полдень направились на центральный берлинский аэропорт Темпельгоф. В душе - праздник. Просто не верилось, что наконец-то наступил день, которого мы все так долго ждали!

У здания аэропорта стояли десятки машин. Здесь мы увидели генерала армии В. Д. Соколовского, первого коменданта Берлина генерал-полковника Н. Э. Берзарина, члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф. Е. Бокова и других представителей советского командования, прибывших встретить союзников. Колыхались на ветру советские, американские, английские и французские флаги. Блестела на солнце медь оркестра.

Вот над аэродромом показались большие серебристые лайнеры. Их почетным эскортом сопровождают советские истребители.

Сделав круг, самолеты приземляются. Из них выходят главный маршал авиации Англии А. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Ж. де Латтр де Тассиньи. И еще генералы и полковники, майоры и лейтенанты. И конечно, иностранные корреспонденты. Их даже значительно больше, чем генералов и офицеров.

Генерал В. Д. Соколовский приветствует союзников и ведет их к автомашинам.

Внимание корреспондентов приковано к самолету, приземлившемуся последним. Он доставил представителей гитлеровской Германии, уполномоченных правительством Деница подписать акт о безоговорочной капитуляции фашистского государства. Мы видим бывшего начальника штаба германского верховного главнокомандования генерал-фельдмаршала Кейтеля, главкома военно-морскими силами адмирала флота Фридебурга и генерал-полковника авиации Штумпфа.

Кейтель - в длинном плаще. Он вертит головой, то и дело протирает платком монокль. Ему, видимо, не верится, что он в

Берлине. И действительно, легко ли поверить тому, что он видит! По бетону аэродрома парадным шагом идут советские солдаты. Справа и слева стоят советские истребители. На куполе здания аэропорта реет советский флаг...

- Прошу за мной, генерал-фельдмаршал,- говорит Кейтелю советский генерал. И это выводит немца из оцепенения.

Вереница машин мчится по улицам поверженной немецко-фашистской столицы. На тротуарах еще лежат груды битого кирпича и мусора. Громоздятся развалины самых причудливых форм. Из окон уцелевших домов свисают белые простыни.

В это время в Карлсхорсте, в одном из корпусов бывшего военно-инженерного училища, спешно готовится к исторической церемонии помещение столовой. Установлены три ряда столов, приготовлен стол для руководителей союзных делегаций. На стене - флаги.

Все скромно, строго.

Но, может быть, как раз в этой-то простоте, в этой строгости зала и таилось великое значение того, что должно было в нем произойти.

Ровно в 24 часа сюда входят руководители союзных делегаций. Первым идет Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. У него широкие плечи, гордая осанка. Теддер худощав, моложав, подтянут. Американец Спаатс среднего роста, упитан, почти квадратный. Де Латтр де Тассиньи - сухонький, стройный.

Все улыбаются. Да и не могут не улыбаться - ведь такой сегодня день! Безумствуют фотокорреспонденты и кинооператоры...

Жуков торжественно объявляет:

- Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск, уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

Все поворачивают головы к двери, где должны появиться те, кто развязал войну и доставил миру столько страданий! Те, кто когда-то принимал капитуляцию Франции и хвастливо заявлял, что разобьет Советский Союз в какие-нибудь полтора-два месяца. А вышло совсем обратное!

Кейтель - выше среднего роста, в парадном кителе. Он поднимает свой фельдмаршальский жезл, приветствуя победителей. У Штумпфа в глазах - злоба и бессилие. Фриденбург похож на старика.

За спиной представителей фашистского командования, как

каменные изваяния, встают сопровождающие их немецкие офицеры.

Германский фельдмаршал все время смотрит на Жукова. Как будто он увидел человека, который его давно интересовал.

Жуков, обращаясь к немцам, спрашивает:

- Имеете ли вы на руках акт о безоговорочной капитуляции, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать этот акт?

Этот же вопрос на английском языке повторяет Теддер.

- Да, изучили и готовы подписать его,- приглушенным голосом отвечает Кейтель.

Проверив документ о полномочиях, маршал Г. К. Жуков снова встает и говорит:

- Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Когда Кейтель подписывает документ, лицо его покрывается красными пятнами. Монокль то и дело выпадает из глазницы, плохо слушается рука. Высокий немецкий офицер, стоящий за спиной фельдмаршала, плачет.

Подойдя к своему стулу, Кейтель тяжело, как больной, садится. Потом вытягивает перед собой руки и сжимает их в кулаки. Лицо его похоже на маску.

Маршал Жуков объявляет:

- Германская делегация может покинуть зал.

От имени советского Верховного Главнокомандования Г. К. Жуков поздравляет всех присутствующих с долгожданной победой. В зале сразу становится шумно. Многие утирают глаза - это слезы радости. Ведь война закончилась!

Затем Маршал Советского Союза Г. К. Жуков приглашает представителей союзников и советских генералов на банкет. А мы, журналисты, садимся за свои последние военные корреспонденции.